Хармий из Иудеи

Хармий из Иудеи

Наоми Розенберри

Типография «Благодать»

Название оригинала: *Carmi of Judea*
Напечатано с разрешения издательства Rod and Staff Publishers

Издательство:
Grace Press, Inc.
2175 Division Highway
Ephrata PA 17522 U.S.A.

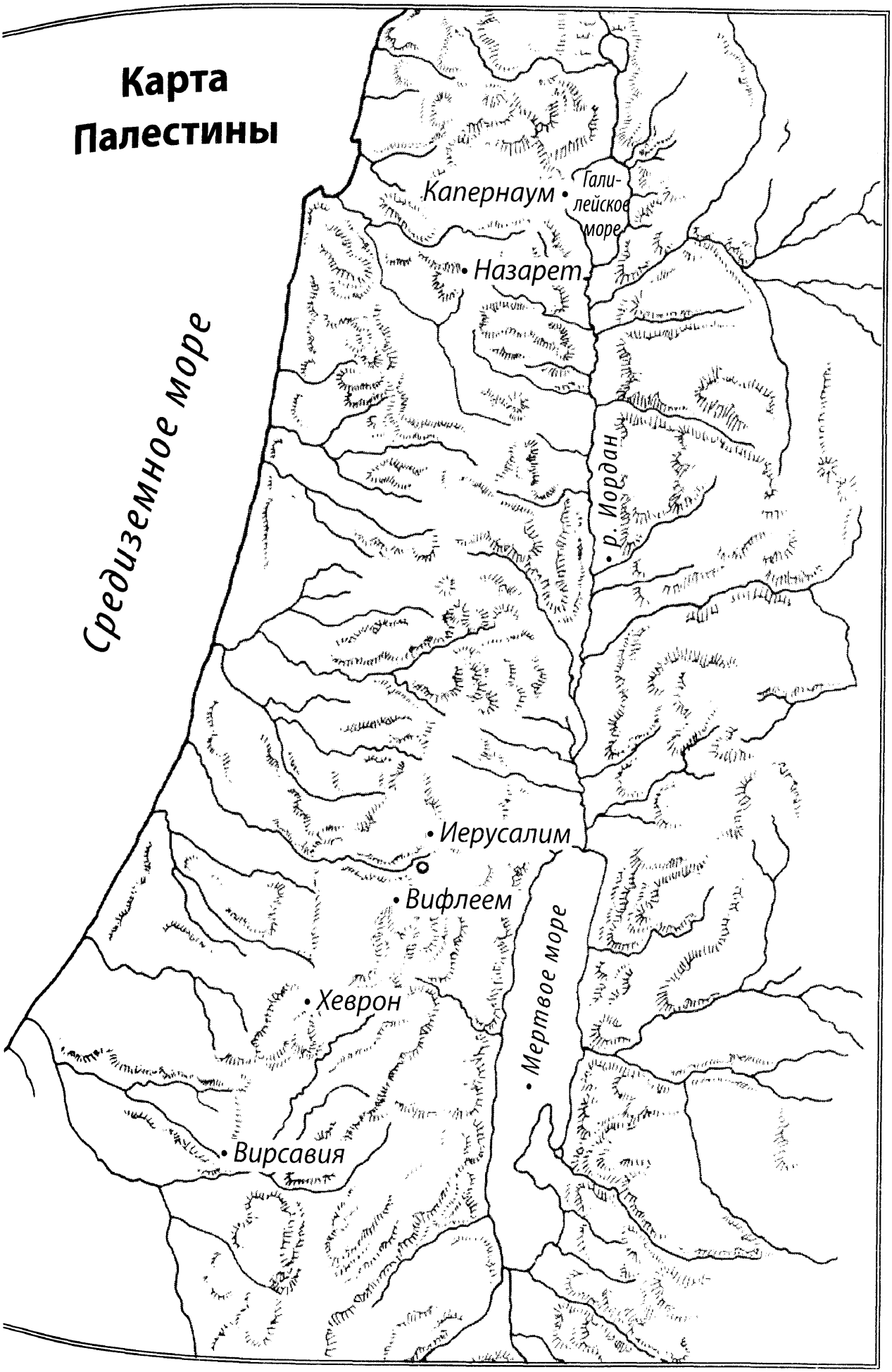
Printed in USA

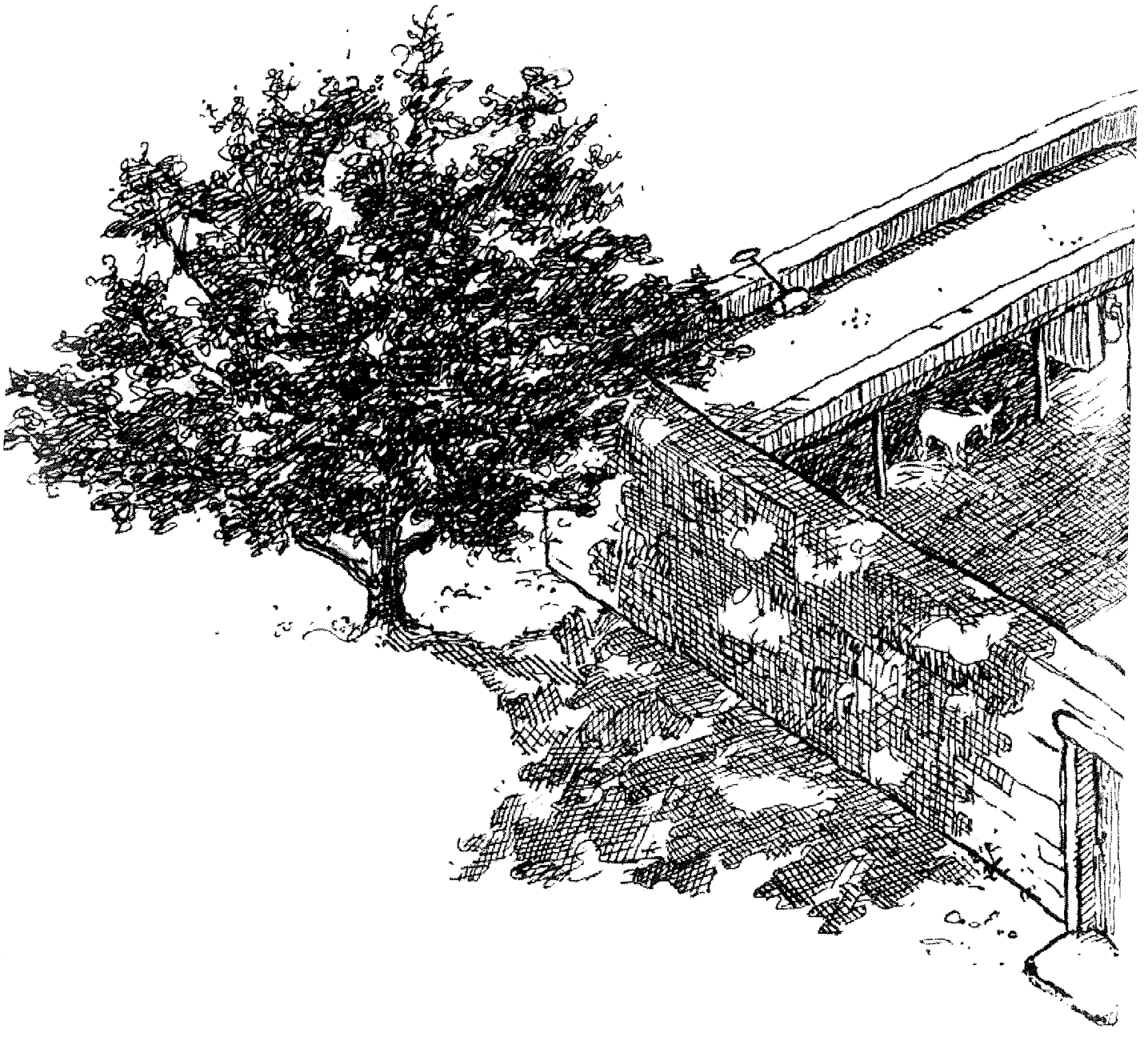
Предисловие

В книге повествуется об обычаях и религиозных обрядах народа Божьего незадолго до рождения Иисуса Христа. Наряду с вымышленными действующими лицами, встречаются и исторические личности, такие как Авраам и Ирод, без которых история израильского народа была бы неполной.

Из истории вам, наверное, известно, что способ земледелия, о котором говорится в этой книге, в библейские времена был не единственным.

Автор

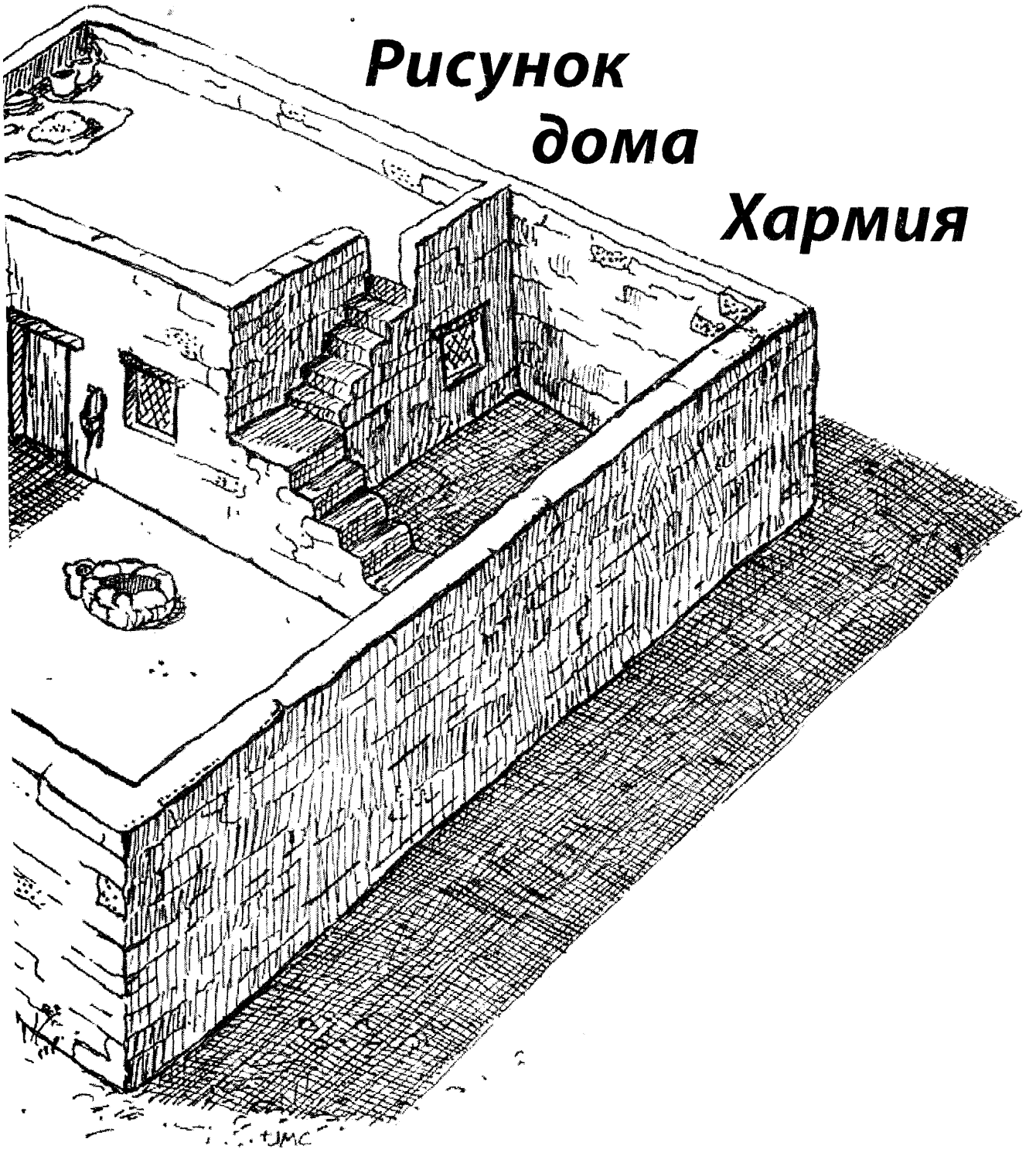

Карта Палестины
Средиземное море
Капернаум
Гали-лейское море
Назарет
р. Иордан
Иерусалим
Вифлеем
Мертвое море
Хеврон
Вирсавия



Дом, в котором жил Хармий, был построен из тесаного известняка и состоял из двух комнат. Одна комната была жилой, а другая использовалась как кладовая.

Крышей служили несколько поперечных балок, покрытых слоем тростника и веток, скрепленных глиной. Этот слой был примерно 30 см толщиной. Сверху крыша обмазывалась высококачественной глиной и, благодаря этому, становилась твердой и гладкой. Такие

Рисунок дома Хармия



крыши протекали, поэтому в углу дома стоял небольшой каток, которым после дождя уплотняли глиняную поверхность крыши.

Для безопасности по периметру крыши делался невысокий парапет, в Библии он назван перилами, т.к. семьи часто отмечали различные события на крыше или во дворе.

Глава 1

Ты разве не купил ослика?

Сквозь решетчатые окна двухкомнатного дома Хармия начал проникать тусклый утренний рассвет. С противоположной стороны улицы доносился крик осла, которому вторил осел, стоявший на улице чуть поодаль.

Во внутреннем дворе запел петух.

Хармий, высокий двенадцатилетний подросток, вздрогнул и проснулся. Вспомнив, что его ждет сегодня, он быстро вскочил на ноги, свернул толстое одеяло, служившее ему кроватью, и положил его возле одеял мамы и Ребы.

Услышав глухую возню, вздохнул и перевернулся Авий, младший брат Хармия.

Судхар — мужской головной убор.

— Авий, вставай, — затормошил Хармий брата, надевая на копну своих черных непослушных волос судхар, — ты не забыл? Сегодня возвращается папа!

Брат тут же вскочил и протер глаза. Отец отправился в Иерусалим на праздник Пасхи и обещал вернуться через двенадцать дней.

Туника была похожа на длинную рубашку, доходящую до колен. В Библии она иногда так и называется «рубашкой». Женские туники доходили до щиколоток и часто были синего цвета.

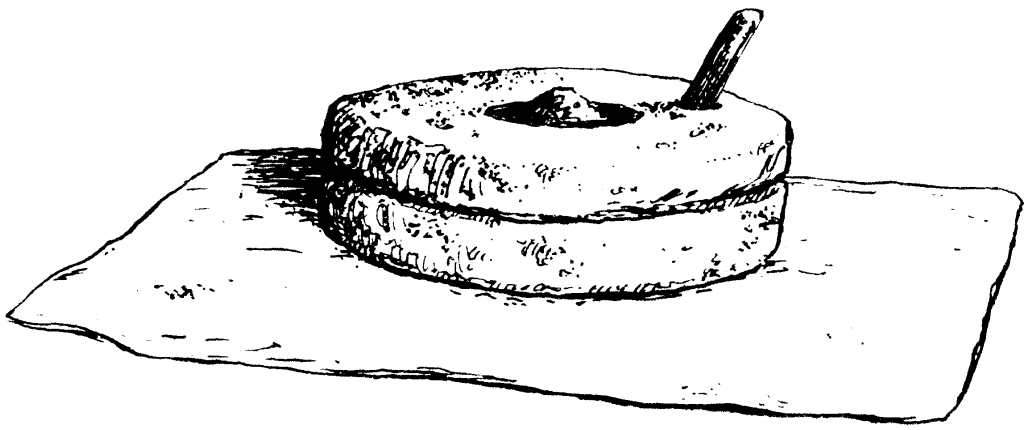
Хармий потуже затянул поношенный льняной пояс и накинул поверх туники коричневый халат. Когда отца не было дома, он чувствовал себя очень одиноким. Однако на этот раз он с нетерпением ждал его возвращения не только поэтому.

— Я попрошу у мамы разрешения подождать папу у ворот, — сказал окончательно проснувшийся Авий. Не надевая судхара и халата, он вышел из комнаты и стал подниматься на крышу по каменной лестнице на наружной стороне дома, где мама и Реба мололи необходимое на день зерно. Хармий, перепрыгивая через ступеньки, побежал за ним.

— Мама, можно мы подождем папу возле северных ворот? — спросил Авий, глянув в сторону Иерусалима.

— Только после ужина. Если вы пойдете сейчас, то вам придется слишком долго ждать. Он, скорее всего, вернется поздно вечером, — улыбнувшись, ответила мама, продолжая молоть зерно.

— Ты помнишь как поздно мы вернулись с праздника Пасхи в прошлом году? — спросил брата Хармий.

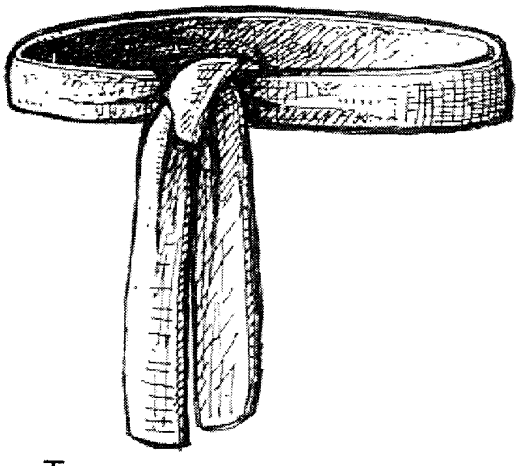


В библейские времена женщины мололи зерно двумя небольшими жерновами — ручными мельницами.

Авий неуверенно кивнул головой: он почти не помнил об этом, т.к. в прошлом году ему было всего лишь четыре года.

Реба насыпала в ручную мельницу пригоршню зерна:

— Было бы хорошо, если бы мы в этом году все вместе отправились в Иерусалим праздновать Пасху, — грустно сказала она.



Тунику стягивали широким кожаным поясом или поясом, который представлял собой кусок материи, сложенный в несколько раз так, что внутри образовывалось нечто вроде кармана, в котором носили монеты и другие вещи. Пояс завязывали или закрепляли металлическими пряжками.

— Да, да, — поддержали ее мальчики.

Праздник Пасхи был самым важным событием в году и никому не хотелось его пропускать.

Авий, засунув пальцы за пояс, сказал брату:

— Если бы ты не заболел, мы бы тоже пошли.

— Я не болен! — ответил Хармий.

— Ты был болен, когда папа пошел в Иерусалим.

— Мальчики, перестаньте спорить, — вмешалась мама. — Надо радоваться, что Хармий уже здоров.

Мальчик согласно кивнул головой, хотя мыслями был далеко отсюда. Он думал об Иерусалиме... прекрасном храме... толпах народа... римских воинах... При мысли о воинах, он поежился.

— Кажется, приближается стадо коз, я слышу блеяние.

— Хармий, займись, пожалуйста, доением, а ты, Авий, дай корм ослу, — сказала мама, поднимая овечью шкуру, полную муки.

Хармий пошел за кожаным ведром, стоявшим в стенной нише. Выйдя на улицу, он даже не заметил, что к его ногам прижались Чернушка и Розочка. Он все еще думал об Иерусалиме, а особенно о рынке, на котором продавали ослов.

Подросток уже давно слышал, что родители говорили о покупке молодого осла. Время от времени он пытался узнать, наполнилась ли деньгами кожаная сума, лежавшая в сундуке. Он не открывал ее, потому что не имел на это права, но иногда поднимал ее, стараясь определить вес, или же наощупь пытался определить, полная ли она. Всякий раз, когда он спрашивал у отца, достаточно ли там денег, в ответ всегда слышал:

— Если на то будет воля Божья, нужная сумма появится после продажи вина и изюма.

Если на то будет воля Божья! Хармий часто слышал, как папа говорил эти слова, и знал, что иногда это может означать исполнение совсем других планов.

Наконец, отец продал все, что планировалось. Теперь денег хватало на семейные нужды и ослика. Хармию очень хотелось, чтобы родители сразу купили ослика, но папа решил пойти в Иерусалим, где выбор был бóльше.

— Ты не очень-то надейся, — предупредил он Хармия перед уходом, — а то слишком велико будет разочарование, если не получится так, как тебе хочется.

Сейчас отец был в Иерусалиме или уже на пути домой. Хармий никак не мог придумать причины, по которой он мог прийти домой без ослика. Подросток с нетерпением ждал отца, потому что очень хотел погладить щетинистую гриву ослика и дать ему ячмень прямо из рук.

Козы начали покусывать Хармия за рукав, и он вспомнил, почему стоит во дворе. Раз, два, три... Пока молоко Чернушки лилось в кожаное ведро, мальчик мечтал, как он будет учить ослика выполнять его команды и ездить на нем верхом. «Как это будет хорошо», — думал он.

— Теперь твоя очередь, Розочка, — позвал он, мягко отталкивая Чернушку.

Во двор забежал Авий:

— Поторопись, пастух вот-вот уже будет у нас.

— Уже? — Хармий быстро закончил доение. Что-то он сегодня слишком размечтался.

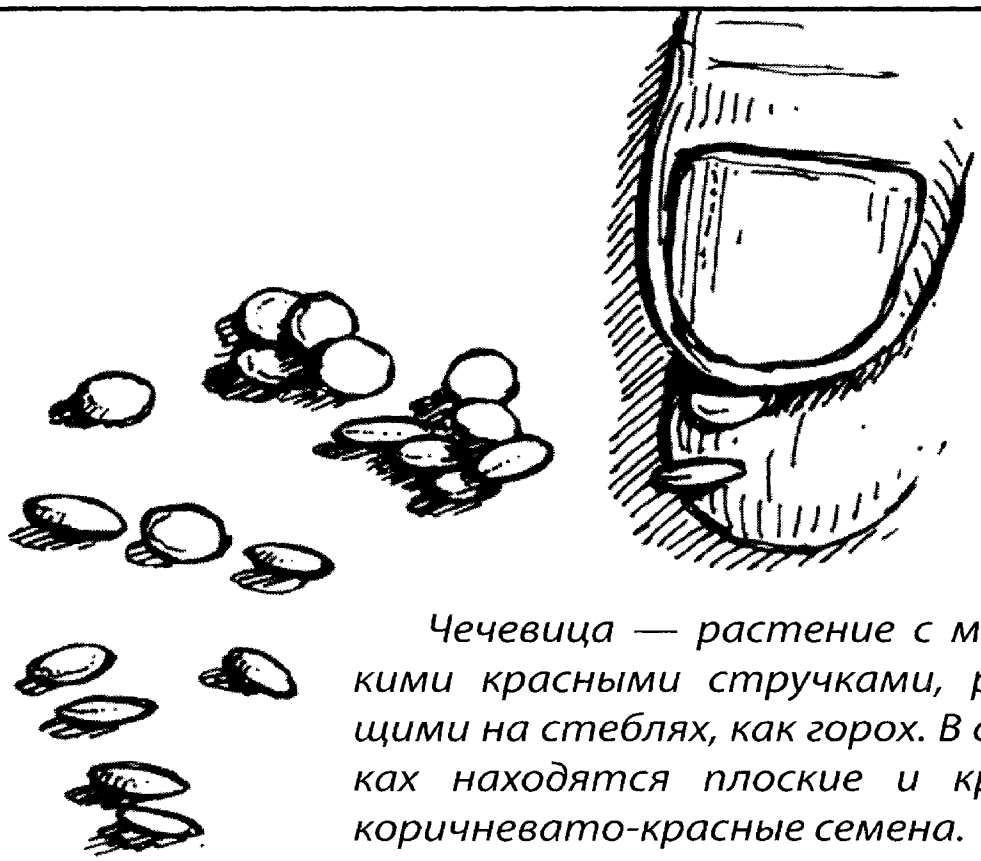
— Чернушка, Розочка! — позвал пастух нараспев.

Пасущиеся козы.

Козы побежали за ним, а пастух пошел дальше по улице, созывая других коз.

В то утро мама, Реба, Хармий и Авий пропалывали огурцы и дыни на огороде за пшеничным полем. После обеда Хармий продолжал вязать поводок для ослика. Мальчику хотелось, чтобы поводок получился прочным и надежным, поэтому он выбирал самые толстые льняные волокна.

Перед ужином мама отошла от ткацкого станка, что-



Чечевица — растение с маленькими красными стручками, растущими на стеблях, как горох. В стручках находятся плоские и круглые коричневато-красные семена.

бы сварить большой горшок чечевичной похлебки. Когда похлебка была готова, она немного отлила из горшка в тарелку и сказала:

— Хармий, отнеси это Тиру на ужин, я слышала, что он порезал ногу осколком от разбившегося кувшина.

Хармий уже привык к тому, что они делились едой с Тиром. Он неохотно повесил на колышек недовязанный поводок и взял тарелку.

— А ты, Авий, возьми хлеб, — продолжала мама,

положив в небольшую корзину несколько пшеничных хлебов.

Мальчики заметили, что улицы Хеврона были непривычно безлюдными. Все, кроме нескольких женщин, детей и стариков, были в Иерусалиме. Братья неторопливо шли мимо дома дяди Халева... мимо мастерской кожевника... и вот, наконец, подошли к дому гончара. Набравшись смелости, Хармий открыл дверь и зашел внутрь; Авий тенью последовал за ним.

Им показалось, что Тир спит на одеяле в дальнем углу своей мастерской, однако он, услышав их шаги, приподнялся и, опершись на локоть, уставился на них.

— Что вам нужно? — хрипло спросил он.

— Мама просила передать вам тарелку чечевичной похлебки и хлеб, — сказал Хармий, стараясь быть вежливым.

Он поставил тарелку на стол, Авий положил рядом хлеб, и братья вместе попятились к двери.

— Подождите, — остановил их пожилой человек, — мне нужна вода. Кувшин стоит возле двери.

Сказав это, Тир в изнеможении откинулся на подушку.

— Ну что ж, надо набрать, — прошептал Хармий Авию. — Его слуга, наверное, еще не вернулся из Иерусалима.

Мальчики, набрав воды из колодца, тихо поставили кувшин и попытались незаметно уйти, но Тир остановил их.

— Поставьте кувшин вот сюда, — требовательно сказал он, — моя нога приковала меня к постели.

Хармий заметил, что когда Тир наливал себе воды, его мозолистые от работы пальцы заметно дрожали.

— Может, еду поднести поближе? — предложил он.

— Не надо! — резко ответил старый гончар. — Я сейчас не хочу есть. Напоите оставшейся водой моего осла.

Он тоже хочет пить. И дайте ему ячменя, вы найдете его в ящике в сарае. А потом пойдите прочь. Я хочу спать.

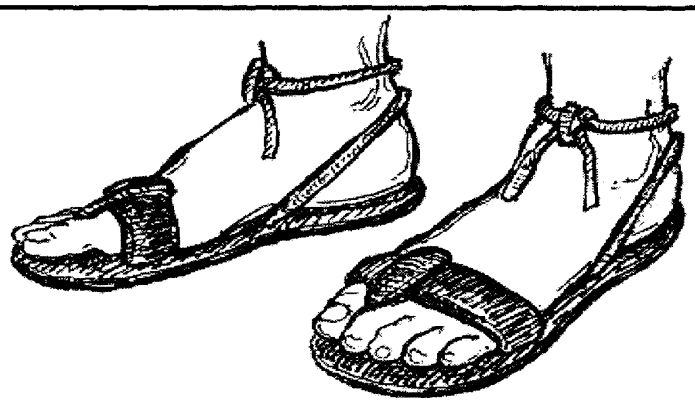
Сказав это, Тир сложил руки и в изнеможении закрыл глаза.

Мальчики обрадовано поспешили к двери.

— Не понимаю, почему родители хотят, чтобы мы были добры к Тиру, ведь он такой злой, — пожаловался Авий, когда Тир уже не мог их услышать.

— Я тоже не понимаю, — пробормотал в ответ Хармий. — Папа говорит, что он одинокий старик, нуждающийся в друзьях, но если бы он действительно хотел иметь друзей, то не был бы таким ворчливым.

Мальчики остановились возле мастерской кожевника и заглянули в окно. Атмосфера в этой мастерской всегда была теплой и дружелюбной, потому что кожевник всегда был рад детям любого возраста и не возражал, когда они брали в руки его инструменты. Он был мастером



В библейские времена самой распространенной обувью были сандалии.

своего дела и мог сделать из кожи все, что угодно. Но сегодня его в мастерской не было, и она была тихой и неприветливой.

— Иии-ааа... — нарушил тишину громкий крик осла.

Хармий и Авий, оглянувшись, увидели человека, ехавшего вслед за ними.

— Кожевник Дан вернулся! — закричал Хармий. — Давай посмотрим, вернулся ли папа!

Дружески помахав Дану, братья побежали домой.

— Подожди меня! — закричал Авий, и Хармий стал бежать медленнее. Минуя дом дяди Халева, он остановился, чтобы посмотреть, вернулся ли Бенони. Нет, друга не было, однако по улице уже шли люди, вернувшиеся из Иерусалима.

— Папа! — закричали мальчики, вбегая в дом.

— Мы думали, что ты придешь вечером, — радовался Авий. — Что ты мне принес? — спросил он, не дожидаясь ответа.

Отец засмеялся:

— Уже вечереет. Почему ты думаешь, что я должен тебе что-то принести?

Глубоко посаженные глаза отца весело блестели, что не вязалось с обветренным лицом, густыми бровями и черной бородой, придававшими ему суровость.

— Потому что так было в прошлый раз, когда ты вернулся из Иерусалима, — простодушно ответил Авий, переминаясь с ноги на ногу.

Хармий, прежде чем войти в дом, заглянул в сарай и теперь стоял в открытых дверях.

Папа достал узел, которого мальчики сперва не заметили. Авий с явным нетерпением наблюдал, как папа развязывает бечевку, Хармий же сохранял спокойствие. Стоя возле двери, он посматривал то на сарай, то на узел.

Где же ослик?!

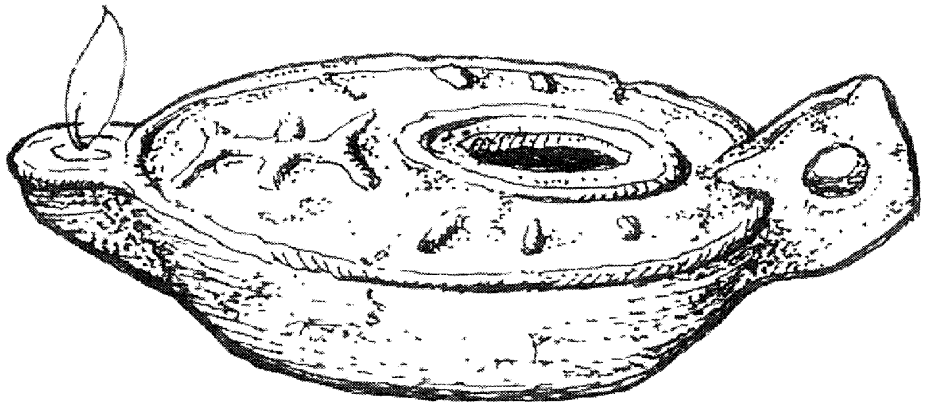
Вряд ли он слышал радостные возгласы брата, когда папа подал ему сандалии, сделанные дедушкой.

— А это для тебя, Есфирь, — сказал папа, передавая следующий узелок маме.

Она тут же развязала его.

— Подставка для лампы! — радостно воскликнула она. — Спасибо! Теперь мне не придется ставить лампу на кувшин.

Мамин голос был очень мелодичным, даже если она не пела. По блеску ее глаз Хармий понял, что папа очень угодил ей. Она тут же поставила лампу на новую подставку и зажгла ее, хотя было еще светло.



Во многих домах Иудеи лампы горели всю ночь. В темноте спали только самые бедные люди, которые не могли купить масло для своих ламп.

Папа привез белоснежное льняное покрывало для Ребы и кожаный пояс для Хармия, сделанный дедушкой. Мальчик обрадовался подарку. Пояс был с металлической застежкой и даже имел отделение для денег, совсем как у папы... но ведь это не ослик!

Хармий не мог больше молчать.

— Ты разве не купил ослика? — спросил он.

Отец внимательно посмотрел на Хармия.

— На этот раз нет. После того, как я купил вам подарки, мне стало известно, что дядя Хевер уже три месяца болеет и прикован к постели. У него проблемы со спиной. Я отдал ему все деньги, отложенные на ослика, потому что он нуждается в них больше, чем мы еще в одном осле. Если Господь благословит нас обильным урожаем винограда, то мы купим его в следующем году.

Хармий остолбенел:

— В следующем году?! Но ведь мы хотели обучить его этим летом, пока я свободен от занятий.

— Неужели?! Разве я не предупреждал тебя, чтобы

ты не очень надеялся на это?

Хармий согласно кивнул головой. Он знал, что отец щедро давал бедным людям, однако ему даже не приходило в голову, что он может кому-то отдать деньги, отложенные на ослика.

— Понимаешь, — начал объяснять папа, — в законе Божьем сказано: «*...потому я и повелеваю тебе: отверзай руку твою брату твоему, бедному твоему и нищему твоему на земле твоей*» (Втор. 15:11). Ты не задумывался, почему в нашей стране меньше нищих, чем в соседних странах? Потому что мы соблюдаем закон Божий, который требует заботиться о неимущих.

На лице Авия выразилось недоумение:

— Это значит, что у нас никогда не будет ослика?

Папа едва заметно улыбнулся:

— Вовсе не обязательно. Бог повелел по-разному заботиться о нуждающихся. Помимо милостыни, они получают часть нашей десятины, а после собранного урожая могут взять себе все, что осталось на наших полях и виноградниках. Кроме того, каждый седьмой год, когда земля отдыхает, они могут брать все, что там произросло.

Надежды Хармия развеялись, как дым. Сердцем он понимал, что отец делает все правильно, однако это не утешало его. Он снял с колышка наполовину сделанный поводок, медленно свернул его и положил в сундук: теперь он понадобится ему только в следующем году, если, конечно, папа купит ослика.

Отец, заметив разочарование Хармия, сказал:

— Вспомни, как часто псалмопевец призывает славить Бога? Прожить без осла — не самое худшее в жизни. Надо благодарить Бога за Его благословения и тогда тебе будет легче довольствоваться тем, что имеешь.

В голосе отца звучала глубокая вера в Бога. «Благодарить?! Но как? — размышлял Хармий. — Неужели папа

не понимает, как мне хочется, чтобы у нас был ослик?!»

После позднего ужина каждый расстелил свое шерстяное одеяло на твердом земляном полу и укрылся халатом.

В ту ночь Хармий, наблюдая за колеблющейся тенью от горящей лампы, думал об ослике и жалел себя. В то же время он спрашивал себя: «А может, папа все-таки прав?». В конце концов он возблагодарил Бога за то, что это не его отец лежит, прикованный к постели. Потом с благодарностью вспомнил о школе при синагоге; ему так нравились занятия, которые проводил раввин Ездра, который тоже скоро вернется из Иерусалима. Мальчику очень хотелось, чтобы это произошло как можно скорее.

Глава 2

Секрет Бенони

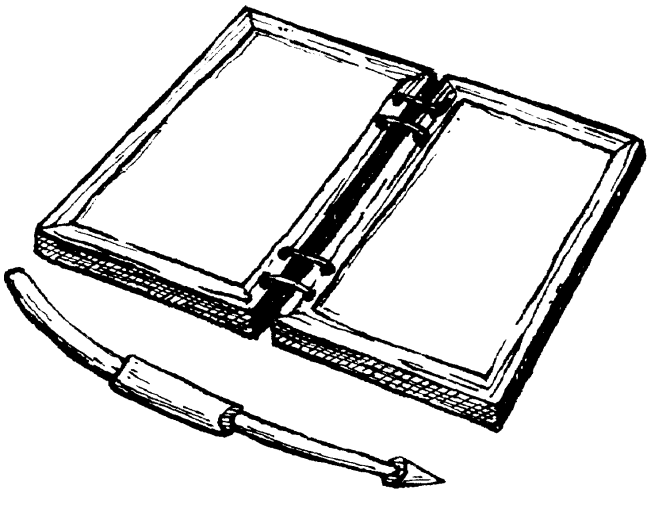
Хармий, сидя под смоковницей и ожидая слугу, отводившего мальчиков в школу, нетерпеливо постукивал по ноге двойной дощечкой для школьных упражнений.

— Он что, опаздывает? — спросил Авий, подходя к нему.

— Нет, это мы раньше вышли, — ответил Хармий.

От колодца шла Реба с кувшином воды на плече.

— Мальчики, вы рады, что идете в школу? — спросила она, поставив кувшин на землю.



Доска с восковым покрытием для школьных упражнений и металлическое стило́.

Хармий открыл и вновь захлопнул свою дощечку.

— Конечно, рады! А разве тебе не хочется, чтобы и девочки учились?

— Да, иногда хочется, — вздохнув, ответила сестра. — Хорошо, что мама научила меня читать. Я могу читать, наверное, так же хорошо,

как и ты. — Реба, прищурившись, посмотрела вдаль, а потом весело посмотрела на брата:

— Хармий, посмотри вон на те цветы. Они как будто танцуют под солнцем, — сказала она, указывая на холм за городской стеной.

— Угу, — рассеянно согласился брат.

Весной в Иудее дикие цветы обычно цветут на протяжении нескольких недель, но под жарким летним солнцем они быстро засыхают.

— Похоже, что сегодня никто не будет собирать детей, — пробормотал Авий, отламывая ветку и обрывая с нее молодые светло-зеленые листочки.

Реба с трудом подняла на плечо кувшин с водой. Для худенькой четырнадцатилетней девочки это была нелегкая ноша.

— Ну, ладно, я пошла мыть посуду, — сказала она, направляясь домой.

Хармий смотрел на улицу. Ему нравилось учиться, но больше всего ему хотелось встретиться со своим двоюродным братом Бенони, с которым они не виделись с начала праздника Пасхи.

— Наконец-то! — объявил Хармий, заметив слугу, идущего с несколькими детьми. — Рад тебя видеть! — приветствовал он Бенони, присоединяясь к ним.

Цели жертвоприношений

Жертва за грех

За непреднамеренный грех.

Всесожжение

Знак полной покорности Богу (животных, предварительно сняв с них кожу, полностью сжигали).

Мирные жертвы

Для установления общения между Богом и человеком приносились мирные жертвы. К ним относились жертвы благодарности и усердия. Приносивший съедал часть этих жертв.

В жертву во всех этих случаях приносились крупный рогатый скот, овцы, козы, горлицы или голуби.

Пожертвования «начатков»

Втор. 26:2-4

Хлебными приношениями являлись зерно или мука, которые приносились с маслом, ладаном (ливаном) или солью.

В качестве возлияния использовалось вино.

Хлебные приношения и возлияния приносились после всесожжений и мирных жертв.

Жертвами потрясания и возношения являлись зерно и животные, которыми потрясали пред Господом. Они были частью мирных жертв.

Бенони, невысокий, худощавый подросток, был на год старше своего друга, однако ростом они были одинаковы. Через некоторое время Бенони, толкнув Хармия в бок, сказал:

— Знаешь, что мне купил папа в Иерусалиме?

— Что? — с любопытством спросил Хармий.

Карие глаза Бенони весело засверкали:

— Угадай!

— Не знаю. Говори быстрее, а то мы уже почти пришли в школу!

Бенони засунул руку в карман халата и начал что-то вынимать, но потом, взглянув на слугу, прошептал:

— Не сейчас. Он на нас смотрит, потом покажу.

В это время к ним присоединились еще двое мальчиков. Возле дверей синагоги слуга оставил их на попечение раввина Ездры. К полудню он придет за ними, чтобы отвести их обратно домой.

Школой называлась каменная пристройка к синагоге. Класс, где учился Авий, вел Мардохей, служитель синагоги. Он учил детей читать по Пятикнижию Моисея. Хармий, Бенони и их сверстники сидели рядом друг с другом на ковре и слушали раввина Ездру.

— Сегодня мы продолжим изучать разные жертвоприношения, — объявил раввин. Его длинная белая борода внушительно покоилась на халате.

Все мальчики, слегка наклонившись вперед, внимательно слушали раввина. Дети уважали его даже больше, чем своих отцов. Они должны были не только просто заучить наизусть места из закона Моисеева, но и запомнить слова раввина, дававшего им понимание этого закона.

Хармий попытался сосредоточиться на уроке, однако вскоре он вновь стал думать о Бенони: «Интересно, что у него в кармане? Почему он не осмелился показать это при слуге?» Он время от времени посматривал

на Бенони, который, шевеля губами, повторял слова из Писания: «*И сожжет сие священник на жертвеннике в жертву Господу: это жертва повинности. Весь мужеский пол священнического рода может есть ее...*» (Лев. 7:5, 6). В этот момент ему показалось, что Бенони с трудом сдерживает улыбку.

Раввин Ездра посмотрел на Хармия:

— Ты знаешь от каких жертв должны есть священники? — строго спросил он покрасневшего мальчика.

— От жертвы повинности... и... не помню, — признался Хармий. В любое другое время он мог сразу же правильно ответить, потому что о жертвах говорилось не один раз, но сейчас...

Раввин внимательно посмотрел на Бенони:

— А ты что скажешь?

Бенони, выпятив свой острый подбородок, быстро ответил:

— От жертвы повинности, жертвы за грех, мирных жертв, хлебных приношений.

Раввин Ездра, проницательно взглянув в глаза Бенони, перевел взгляд на Хармия:

— Нужно думать об уроке, а не о своих соседях, — строго изрек он.

Хармий заерзал под суровым взглядом раввина.

— А теперь давайте повторим этот отрывок хором,— сказал раввин.

Его голос вновь стал мягким, как обычно.

Хармий попытался сосредоточиться на уроке, но все его естество воспротивилось. «Как все несправедливо! — мысленно возмущался подросток. — Я не смог ответить из-за Бенони. Должен ли он сказать раввину, что в кармане у Бенони что-то лежит? Но ведь он не знает, что там лежит?!» Хармий решил больше не думать о постороннем, а только слушать раввина Ездру, подробно рассказывающего о разных видах жертвоприношений.

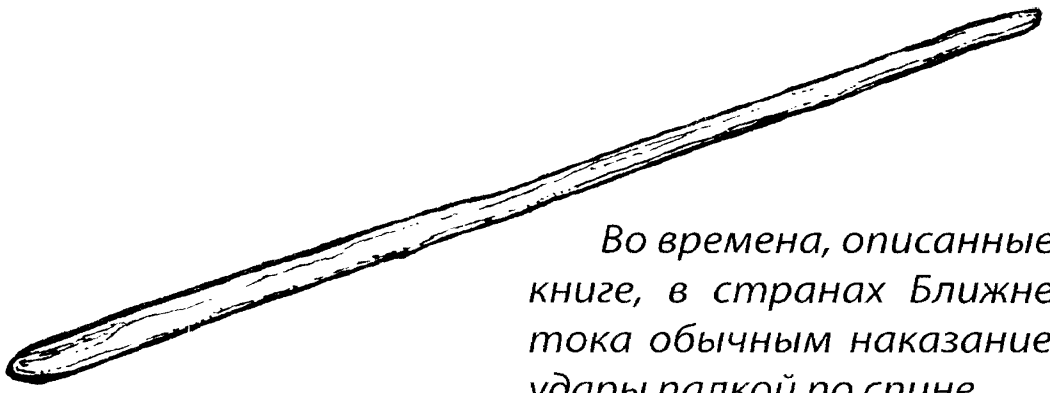
— Теперь подготовьте свои дощечки, будем решать задачи, — велел раввин после опроса.

Все мальчики плоским концом стила́ старательно разровняли воск на дощечках и приготовились записывать первую задачу.

На этот раз Хармий решил все правильно. Занятия вскоре закончились.

По дороге домой Хармий и Бенони немного отстали от слуги и остальных детей.

— Так что там за секрет? — нетерпеливо спросил Хармий.



Во времена, описанные в этой книге, в странах Ближнего Востока обычным наказанием были удары палкой по спине.

Бенони быстро достал из-под халата стамеску и тут же ее спрятал.

Хармий удивленно вытаращил глаза:

— Стамеска? Отец разрешил тебе взять в школу стамеску?!

— Тихо! Папа об этом не знает, — прошептал Бенони, — он привез мне и молоток, но я не взял его с собой. Давай догоним ребят, а то слуга заметит, что мы отстали.

И Бенони ускорил шаг.

Хармий в задумчивости прикусил губу, пытаясь понять своего двоюродного брата. «Бенони чересчур смелый, у него, наверное, будут проблемы, если он не исправится», — решил он, стараясь не отставать.

Мальчики, помогая семье, обычно начинали работать с двенадцати лет. Они работали у своего отца или нанимались к какому-нибудь человеку.

— А что ты будешь с ней делать? — спросил он, бросив взгляд на халат Бенони, в кармане которого лежала стамеска.

Бенони быстро взглянул на слугу, разговаривающего с каким-то учеником.

— Буду заниматься резьбой по дереву. Папа показал мне, как сделать чашу. Кроме чаш, я попробую делать горшки и деревянные молотки.

В глазах Хармия выразилось сомнение:

— Кроме молотка и стамески тебе понадобятся и другие инструменты.

— Папа разрешит мне пользоваться его инструментами. Зимой он иногда занимается резьбой по дереву. В этом году, после того как мы соберем урожай маслин, я буду помогать плотнику Иамину. Но до того времени мне бы хотелось сделать кое-что самому.

— Надеюсь, что мой папа никогда не пошлет меня работать на кого-то другого! — заявил Хармий, со страхом вспоминая, что некоторые хозяева имеют привычку пороть своих слуг.

— Почему? — спросил Бенони. — Мне кажется, что работать в мастерской очень интересно.

— Я хочу помогать папе в поле, а не работать в чужой мастерской, — убежденно ответил Хармий.

Он говорил правду, но не всю. Ему очень не хотелось раскрывать храброму Бенони истинную причину своего желания, потому что тот мог бы просто посмеяться над ним.

— Ты говоришь, как Каинан, — сказал Бенони, заметив, что Хармий замолчал. — Ему нравится работать в оливковом саду, а мне нравится работать с деревом. У папы нет времени, чтобы научить меня

работать с деревом, поэтому он предложил мне выбор: или быть дома и научиться самому, или пойти работать к Иамину.

«При первой же возможности спрошу у папы, что он думает по этому поводу», — подумал Хармий. Он знал, что отец наказывал его всегда справедливо, но он слышал также, что некоторые хозяева, такие как Тир, наказывают своих слуг без всяких на то причин.

— Знаешь что, — прервал его мысли Бенони, — я хочу пойти к Иамину после обеда и попросить у него деревянные обрезки, с которыми я мог бы начать работать. Пойдешь со мной?

Глаза Хармия загорелись:

— Конечно! Если мама разрешит, то встретимся возле твоего дома в девятом часу (по нашему времени — 15:00).

Вернувшись домой, он увидел, что мама шьет ему халат из белой в коричневую полоску ткани, которую она сама соткала.

— Мама, можно, после обеда я пойду с Бенони в мастерскую Иамина? — спросил он.

— Можно, — ответила она, — папа утром оставил там мотыгу, а она завтра нужна ему для работы на винограднике. Спроси, пожалуйста, Иамина, починил ли он ее и, если починил, забери.

— А что случилось с мотыгой? — поинтересовался Авий.

— Надо было заменить рукоятку, — сказала мама, отложив в сторону новый халат Хармия. — А теперь мойте руки, пора кушать.

На этот раз на стол накрыла Реба, которая училась готовить.

После того, как жара немного спа́ла, Хармий по сухой утоптанной улице поспешил к Бенони. Он долго шел мимо домов, сложенных из известняка, пока, наконец, не

подошел к дому дяди Халева. Но где же Бенони? Хармий зашел в пустой двор и заглянул в дом. В доме было пусто, не было даже низенькой, полной тети Роды. Сердце Хармия тревожно забилось. «Неужели Бенони ушел без меня?» — подумал он.

— Бе-но-ни! — позвал он.

— Я здесь, — откликнулся Бенони с крыши.

Вскоре он спустился вниз по наружной лестнице дома.

— Я думал, ты подождешь меня, — упрекнул его Хармий.

— Я шлифовал чашу осколком стекла и не слышал, как ты пришел, — объяснил Бенони, протирая неровную поверхность чаши, сделанной из оливкового дерева. На темно-желтом фоне отчетливо выделялись красивые древесные волокна.

— Идем.

Бенони отнес чашу в дом и закрыл дверь.

Подходя к мастерской, они услышали, как на другой улице кто-то начал жалобно кричать. У Хармия все похолодело внутри: он понял, что происходит.

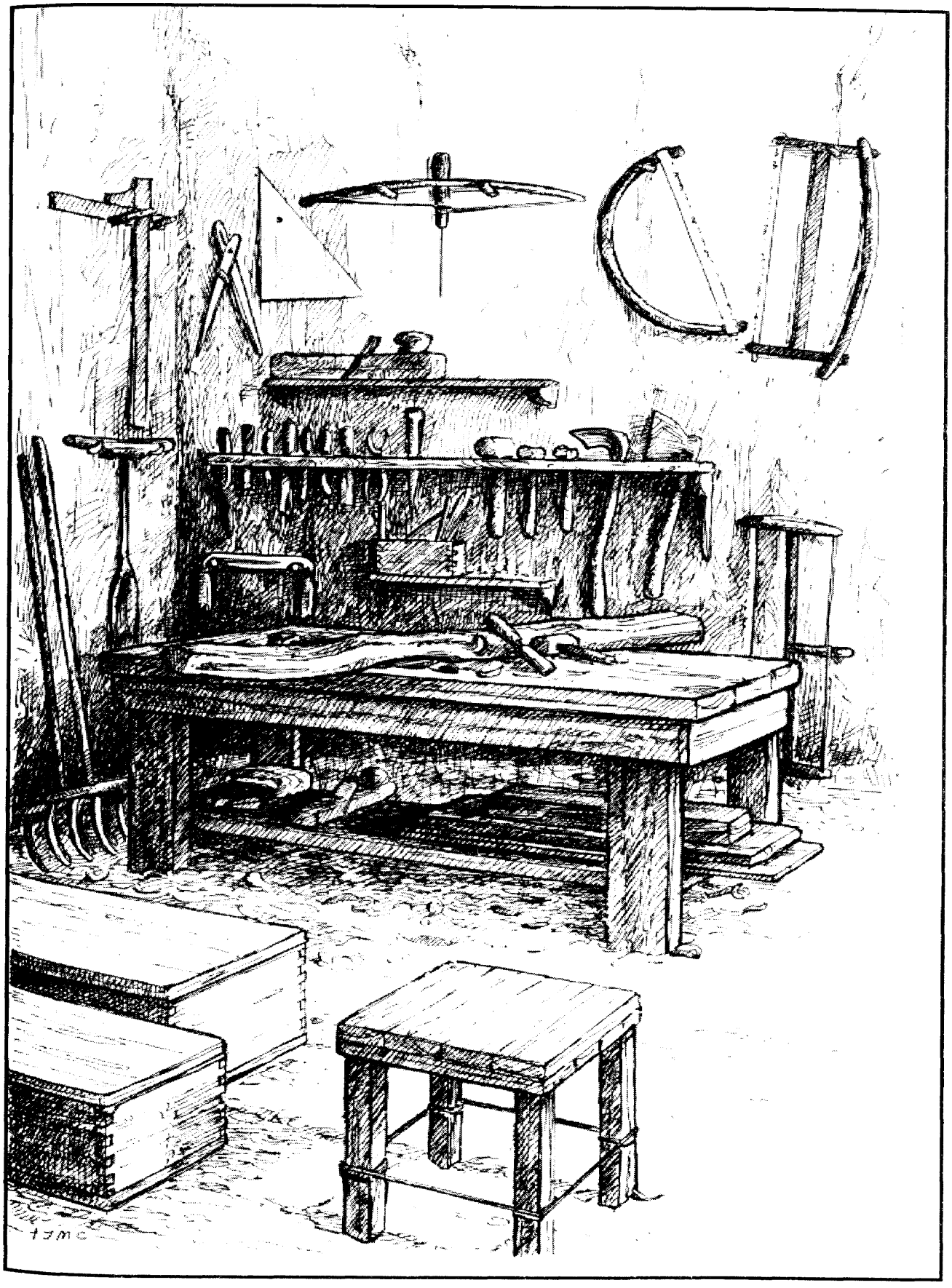
— Похоже, что старый Тир опять наказывает своего слугу, — совершенно спокойно прокомментировал Бенони услышанное, как будто эти крики его вообще не волновали.

— Я знаю, — прошептал Хармий. Из-за этих криков ему стало не по себе, поэтому он хотел побыстрее свернуть на улицу, где находится мастерская Иамина, там ничего не было слышно.

— Добрый день! Добрый день! — поприветствовал их Иамин, когда они вошли в мастерскую. — Чем могу помочь?

Бенони подошел к низкому рабочему столу Иамина.

— Мне бы хотелось... — мальчик внезапно потерял всю свою смелость. Он посмотрел на ярмо, которое



делал Иамин, на стружку, лежавшую на полу. — Я хотел спросить, нет ли у вас деревянных обрезков, с которыми я мог бы поработать, — поспешно пробормотал он.

Иамин высыпал на пол еще одну кучу стружек.

— А, вот в чем дело! Я мог бы и сам догадаться: твой отец сказал, что купил тебе стамеску.

На его руках заметно обозначились мышцы, когда он взял молоток и снова стал работать.

— Да, стамеска у меня хорошая! — радостно воскликнул Бенони и, достав ее из-под халата, протянул Иамину. — С ее помощью я сделаю много чего, а потом смогу продать на рынке.

Хармий заметил, что Бенони вновь стал самоуверенным, и ему стало неприятно, что двоюродный брат хвастает.

— Погоди, сынок, — сказал Иамин, — для того, чтобы качественно сделать какую-то вещь, необходимо нечто большее, чем просто хорошие инструменты, — нужны умелые руки. Плотницкому ремеслу невозможно научиться за день, неделю или даже месяц.

Бенони вздохнул:

— Да, папа говорил об этом, — мальчик, вытянув шею, пытался рассмотреть обрезки. — Так мне можно взять несколько обрезков? — осмелев, опять спросил он.

Иамин подпер указательным пальцем свою толстую щеку и вопросительно посмотрел на мальчиков:

— Ты надеешься получить их просто так? Дело в том, что они мне тоже нужны.

Бенони сник.

— Я могу предложить тебе следующее: попроси своего отца, чтобы он разрешил тебе после школы немного поработать у меня в мастерской, — продолжал между тем Иамин. — Если он разрешит, тогда ты возьмешь любые обрезки вон с той кучи.

Он указал пальцем в глубину мастерской, где с кусочками обрезков играли его двое маленьких сыновей.

— Хорошо! — обрадовался Бенони. — Мне кажется, что папа разрешит.

— Тебе тоже нужны обрезки? — спросил Иамин, повернувшись к Хармию.

— Нет, спасибо. Но если вы починили мотыгу, которую принес мой отец, то я ее заберу.

— Конечно. Вон она стоит под окном. Я сделал ее сегодня утром.

— Папа отблагодарит вас, — сказал Хармий плотнику.

Он вскинул мотыгу на плечо и отправился домой. Бенони же остался в мастерской, разговаривая с Иамином.

Глава 3

Вопрос Хармия

Над городом занимался рассвет. Низко плывущие облака окрасились в нежный розовато-золотистый цвет. Отец Хармия, стоя на пороге, внимательно всматривался в небо. Он уже позавтракал сухими маслинами и хлебом, а теперь, как предполагал Хармий, искал на небе признаки дождя. Он знал, что его отец в перерывах между работой часто просит в молитве* о дожде.

Хармий был уже достаточно большим мальчиком, чтобы понять, что если этой весной дождей больше не будет, то урожай винограда и, возможно, пшеницы будет очень скудным. Ему, конечно, не хотелось думать о последствиях, потому что получалось, что в следующем году они опять не смогут купить ослика. Но главное было в том, что им, может быть, придется даже голодать. Однако отец непоколебимо верил, что Бог восполнит их нужды.

— После полудня подойди, пожалуйста, на виноградник. Я буду восстанавливать обвалившуюся там стену и мне понадобится твоя помощь, — сказал он сыну.

---

* Все верные иудеи молились в третьем часу дня (9.00 — по нашему времени), в шестом часу дня (12.00) и в девятом часу дня (15.00). Первая и третья молитвы соответствовали времени храмовых жертвоприношений. Это время называлось «часом молитвы».

— Хорошо, — с удовольствием ответил Хармий.

Ему нравилось работать в винограднике, потому что он любил природу не меньше, чем учебу.

Отец положил в свой заплечный мешок хлеб и сыр, взял на плечо́ мотыгу и отправился на виноградник. Ему хотелось все сделать до наступления жары.

В то утро Хармий подоил коз очень быстро. Потом он дал корм ослу Декелю, почесал ему за ушами и погладил по носу.

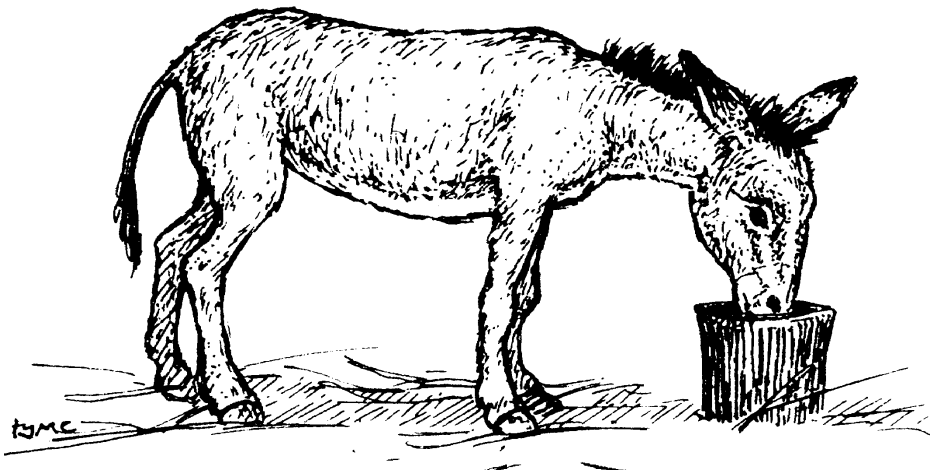
— Когда-нибудь у нас будет маленький ослик, — сказал он излишне бодрым голосом.

Старый осел моргнул сонными глазами, продолжая жевать ячмень.

Мама с Ребой мололи зерно, а Хармий с Авием отправились в школу.

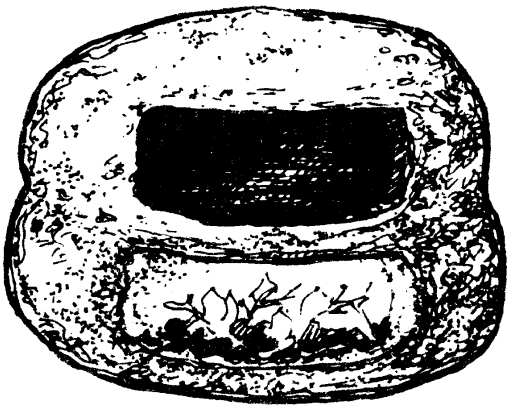
— Ты уже сделал киянку*? — спросил Хармий у Бенони, присоединяясь к другим ученикам.

— Нет. Я еще не закончил чашу. Посмотри, — Бенони показал забинтованный палец, — я порезался осколком



Ослы крайне неприхотливы и могут уверенно ходить по скользким, крутым тропам. Они использовались для перевозки тяжелых грузов и для езды верхом как бедными, так и богатыми людьми. Продолжительность жизни этих животных составляла примерно 50 лет.

* Деревянный молоток с ровной ударной поверхностью. — БЭС, М., 2000.



Печь представляла собой сосуд с толстыми стенками, специально изготовленный для выпечки хлеба и лепешек. Огонь, горевший в нижнем отделении, нагревал верхнее.*

стекла, которым зачищал дерево, но ничего страшного. Он почти не болит.

— Ты взял с собой стамеску? — спросил Хармий.

— Нет! — тихо сказал Бенони. — Вчера по дороге домой слуга попросил меня больше ее не брать. Интересно, откуда он узнал?— вздохнул он с досадой.

Хармий взглянул на слугу, который каким-то образом замечал все происходящее. Мальчик подумал, что у него, наверное, очень хороший слух, потому что он уже не первый раз раскрывает хитрости Бенони.

— Ладно, сегодня я все равно не собирался брать ее с собой, потому что вчера мне показалось, что раввин все видит сквозь мой халат. Но это не означает, что я не буду брать ее в другое время, — самоуверенно выпятив подбородок сказал Бенони.

После школы Хармий и Авий пришли домой.

— Хармий, занеси, пожалуйста, хлебы в дом, — попросила мама, вынимая последний хлеб из глиняной печи. — Мы будем кушать в доме, там прохладней.

Когда на улице было жарко, мама пекла и варила во дворе.

Войдя в каменный дом, Хармий почувствовал прохладу. Авий уселся за низкий столик, скрестив ноги.

— Ничего себе! Мне кажется, что это самый жаркий день за весь год! — сказал он, вытирая пот со лба.

— Все еще впереди, — «утешила» их Реба, — лето

* Бывало, что пекли в глиняных горшках. — *Ред.*

ведь только начинается.

Она поставила недоплетенную корзину рядом с уже законченными и сбросила на плечи новое головное покрытие. На фоне белоснежной ткани ее волосы и глаза казались еще темнее. Она взяла горшок с водой и полила на руки Хармию.

Лебен — дрожжевая творожная масса. (В странах с холодным климатом для приготовления лебена необходимо ставить молоко в теплое место.)

— Авий, ты забыл помыть руки, — напомнила мама, поставив на стол миску с лебеном.

— Давай быстрее! — поторопил брата Хармий. — Я хочу есть.

Зная, что об их пище позаботился Господь, они возблагодарили Его в молитве и попросили послать дождь, т.к. последние несколько недель стояла все иссушающая жара.

— Авий, не торопись, — предупредила мать младшего

Древняя молитва перед едой:

Блажен Ты, Иегова,
Бог наш, Царь земли,
Который рождает хлеб
из земли!

сына, заметив, что он, едва они закончили молитву, отщипнул кусочек лепешки*.

Авий зачерпнул лепешкой лебен. Он был послушным мальчиком и не спешил начинать есть.

Мать, улыбнувшись, посмотрела на него:

— Вот теперь ты мне уже не кажешься таким жадным.

Все ели из одной миски до тех пор, пока она не опустела.

После полуденного отдыха Хармий отправился помогать отцу на виноградник, который находился на востоке от Хеврона. Тропинка вилась между узкими холмистыми террасами, засеянными пшеницей или ячменем. В конце их поля он остановился и постучал по дыням, пытаясь определить их спелость. Из-под зеленых листьев выскочил заяц, нору которого Хармий так и не смог найти. Прошло немало времени, пока он вновь двинулся к винограднику.

От голубовато-зеленой пшеницы, уже начавшей колоситься, веяло прохладой. Шуршал созревающий ячмень. Эта прохлада освежила подростка и он чувствовал себя таким же свободным и легким, как падающие лепестки цветущих оливковых деревьев, похожие на снежные хлопья.

Выше по тропинке стояло старое, кривое оливковое дерево. Хармий взглянул на его вершину, надеясь увидеть то, что видел там раньше. К его огромной радости филин неподвижно сидел на обычном месте. Ушки, похожие на рога, и большой изогнутый клюв придавали птице серьезный и немного устрашающий вид.

Мальчик стал осторожно взбираться на дерево, но величавая птица, почуяв неладное, взмахнула крыльями и бесшумно устремилась к одиноко стоявшему дереву.

---

* Лепешки, заменявшие ложки, были очень тонкими (напоминали вручную сотканную ткань); их выпекали на внешней стороне печи.

Склон холма с террасами.

— Мне только хотелось посмотреть на тебя поближе! — крикнул Хармий ей вслед. Ему редко удавалось посмотреть на этих птиц даже с большого расстояния, т.к. филины обычно избегают людей.

Вспомнив о винограднике, он быстро слез с дерева и пошел к отцу.

— Ого, папа, как ты уже много сделал, — воскликнул он, подойдя к той части стены, которую восстанавливал отец.

— Да, — сказал отец, взглянув на солнце, — я надеялся, что ты придешь раньше. Почему ты так задержался?

— Я искал среди дынь нору зайца, — нерешительно пробормотал сын, а потом, совершенно забыв, что отец может упрекнуть его за опоздание, с воодушевлением рассказал о филине.

— Ты разбудил его! Несколько минут назад я видел пролетающего филина. Это, наверное, был тот самый филин, потому что они обычно днем не летают.

— А куда он полетел? Может, мне пойти поискать его? — загоревшись, предложил Хармий.

— Он полетел обратно в лес, поэтому вряд ли ты его найдешь. Это хорошо, что тебе нравится наблюдать за природой, но сейчас нужно заняться более важным делом, — с твердостью в голосе сказал отец.

Хармий знал, что когда папа говорит таким тоном, то продолжать просить его бесполезно.

Они вместе восстановили каменную стену, обвалившуюся во время ранних весенних дождей. Стена защищала виноградник от лис и шакалов, тем самым способствуя хорошему урожаю.

Заложив образовавшиеся дыры камнями, Хармий глубоко вздохнул.

— Ты слышал, что Бенони зимой будет работать на Иамина? — спросил он отца.

— Да, мне об этом сказал дядя Халев.

Хармий поддел ногой лежавший на земле камень и, поперхнувшись, тонким голосом спросил:

— Ты меня тоже пошлешь работать на кого-то?

В это время отец как раз выкопал куст колючего кустарника, проросшего сквозь стену:

— Не сейчас. Но когда ты подрастешь, зимой тебе придется заняться чем-то более серьезным, нежели плетение веревок. Ты знаешь, что мы с трудом продали те веревки, которые ты сделал в прошлом году. Может, после школы тебе придется помогать кому-нибудь из родственников или соседей.

Хармий, тут же вспомнив о корзинах с едой, которые он неоднократно относил Тиру, запаниковал: а что если отец пошлет его помогать гончару?

— Я не хочу работать на кого-то! — заявил он, с силой вставляя очередной камень в стену.

Такой решительный тон был необычным для Хармия, и отец заметил это.

— Почему ты так говоришь? — с неодобрением спросил он.

Сын умоляюще взглянул на отца. Его смуглое лицо так побледнело, что большие карие глаза казались совсем черными.

— Потому что я не хочу, чтобы хозяин меня порол!

Хармий не назвал Тира, т.к. не хотел признаться даже отцу, что боится горшечника.

Пожертвование «начатков»
(Втор. 26:2, 4).

«То возьми начатков всех плодов земли, которые ты получишь от земли твоей, которую Господь, Бог твой, дает тебе... Священник возьмет корзину из руки твоей и поставит ее пред жертвенником Господа, Бога твоего».

Во время праздника Пасхи в жертву приносились начатки ячменя от всего собрания, чтобы в любое время после этого можно было собрать урожай этой культуры.

Жители отдаленных селений иногда посылали в Иерусалим несколько человек, которые жертвовали начатки от имени всех их пославших.

Отец, поглаживая свою густую черную бороду, с интересом наблюдал за сыном.

— Если ты будешь честно и добросовестно трудиться, то тебе не о чем беспокоиться, — заверил он сына, вновь принимаясь за работу.

— Подержи вот этот камень так, чтобы рядом стал еще один.

Хармий держал булыжник, а отец подыскивал другой, подходящий по размеру камень, чтобы заложить дыру. Он вспомнил, как помогал дяде Халеву в оливковом саду, и понял, что мог бы помогать и другим родственникам. Но если речь идет о соседях, то это мог быть любой человек в Хевроне, в том числе и Тир, поэтому, как ему казалось, ему было о чем беспокоиться.

— А, может, мне, как ты, научиться работать на ткацком станке? — с надеждой спросил Хармий. Отец, как и многие другие земледельцы в Иудее, в зимнее время занимался чем-то, что можно было делать в домашних условиях.

— Я не против. Но сначала тебе нужно закончить школу. Сегодня наш дом слишком мал для еще одного ткацкого станка. Через несколько лет я думаю сделать пристройку из двух комнат к его задней части. Там будет место для второго ткацкого станка.

— А на кого я буду работать? — спросил с опаской Хармий.

— Не знаю, сначала нужно найти место для работы.

— А что ты думаешь по этому поводу?

— Кое-какие мысли у меня есть, но я не знаю, какая из них осуществится. Впереди сезон сбора урожая, поэтому пока об этом не нужно думать.

Хармий вспомнил о выборе, предложенном Бенони дядей Халевом, но не решился сказать об этом отцу. «Я сам найду место, которое понравится отцу, а потом спрошу его об этом», — размышлял он. Так как отец, по

его словам, не спешил отдавать его на работу, он решил пока не волноваться.

Молча проработав некоторое время, Хармий спросил:

— А когда мы будем рвать сорняки на ячменном поле?

Отец посмотрел на низко плывущие тучи и определил направление ветра.

— Дует юго-западный ветер, утром может начаться дождь, поэтому придется подождать одну-две недели.

Они закончили восстанавливать стену как раз к заходу солнца.

— Завтра, если днем не будет дождя, мне понадобится твоя помощь в ремонте сторожевой башни, — сказал отец по дороге домой. — Когда будешь идти ко мне, то, пожалуйста, постарайся быть более собранным, не отвлекайся по дороге.

Хармий согласно кивнул. Он знал, что его отец, как почти все другие отцы в Хевроне, ждет от него прилежного поведения и ответственного отношения к своей работе.

В ту ночь Хармий проснулся от шума воды, текущей в водосборник, находящийся во дворе. При мерцающем свете лампы он разглядел капли воды на балках из сикоморы, поддерживающих крышу. Когда на него упала капля, он отодвинулся в сторону. После дождя надо будет катком уплотнить крышу. Он радовался, что Бог ответил на их молитвы о дожде. Наконец-то они дождались поздних дождей.

Перед тем, как собирать урожай ячменя, мама, Реба, Хармий и Авий, стараясь не наступать на стебли, осторожно прошли по полю, очищая его от сорняков.

— Авий, вырывать надо только сорняки, у них прямые верхушки, — напомнила ему мама, — а если верхушки согнуты, значит это ячмень. Не перепутай.

Авий тут же кивнул головой, как будто вовсе не нуждался в объяснениях.

Хармий рвал сорняки, но мысли его были далеко. Он думал о винограднике, который рыхлил папа, но не потому, что ему хотелось делать это. Рыхление было куда более тяжелой работой, чем вырывание сорняков. Ему хотелось искать птичьи гнезда под цветущими виноградными лозами или на ветвях смоковниц, растущих неподалеку от виноградника, листья которых, появившиеся поздней весной, под летними солнечными лучами становились все больше и темнее.

Работая на ячменном поле, Хармий заметил тень, бегущую по земле. Он тут же забыл о сорняках и, задрав голову, попытался увидеть птицу, величественно парящую в небе. И он увидел ее. Это был сокол, вскоре превратившийся в едва заметную точку на безоблачном небе. Подросток не заметил, что Реба наблюдает за ним.

— Хармий, сорняки на небе не растут, — пошутила она.

Он улыбнулся и, нагнувшись, опять начал работать.

— Если ты следишь за мной, значит тоже не работаешь, — поддел он Ребу.

Она фыркнула.

— Я уже начала рвать второй пучок, а ты не нарвал ни одного.

Хармий ничего не ответил, т.к. знал, что его сестра всегда и во всем была очень старательной. Наконец, нарвав большой пучок сорняков, он отнес их в конец поля и бросил в кучу. Возвращаясь назад, он посмотрел на Бенони, Кенана и тетю Роду, которые делали то же самое, что и он с сестрой. Хармий свистнул Бенони, но тот его не услышал.

Зато услышала мама.

— Хармий, — окликнула она сына, — а ну берись за работу! Ты пока еще сделал очень мало.

Вспомнив, что отец просил его быть более ответственным, Хармий начал старательно рвать сорняки. К вечеру поле стало чистым. Они оставили на нем кучу сорванных сорняков. Позже отец сожжет их.

Хармий знал, что скоро будет сбор урожая ячменя, а затем начнется праздник седмиц (Пятидесятница). Он с нетерпением ждал, когда можно будет отправиться в Иерусалим на поклонение Богу.

Глава 4

Хармий в Иерусалиме

Еще не рассвело, а Хармий вместе со своей семьей и ослом Декелем уже ждали дядю Халева с его семьей возле Северных ворот. Они договорились вместе идти в Иерусалим.

Авий часто спрашивал, когда же придет дядя Халев; Хармий молчал, но ему тоже не терпелось поскорее отправиться в путь. Мама, заметив, что он заглянул в корзину с продуктами на спине Декеля, улыбнулась: «Еды хватит на два дня», — успокоила она сына.

В корзине лежали сыр, сухие смоквы, ячменный хлеб из муки нового урожая и бутылка с водой. Кроме этого, Декель нес и корзину с зерном для жертвоприношения начатков.

— Давайте пойдем без дяди Халева, — суетился Авий. — Семьи Дана, Иамина и многих других уже ушли.

— Нет, так нельзя, — тихо, но твердо сказал папа, — если бы мы опаздывали, они бы нас подождали.

Хармий никогда не видел, чтобы папа спешил. Даже сейчас, держа посох в одной руке, а поводок с Декелем — в другой, он тихо напевал, радуясь, что отправляется в Иерусалим на праздник седмиц.

Наконец Хармий услышал, как кто-то идет к Северным воротам.

— Кто там? — спросил Авий.

— Это мы, — откликнулись из темноты.

Хармий радостно захлопал:

— Это Бенони! Дядя Халев идет!

— Да, похоже на то, — подтвердила Реба.

Она поправила головное покрытие, которое никогда не держалось у нее на голове так, как у мамы.

— Идем! — закричал обрадованный Авий.

— Тише! Не надо так громко кричать, — сказал папа. — Успеем.

Объединившись, две семьи тронулись в путь.

Утро было прохладное, и когда небо на востоке стало светлеть, путники уже шли по Гористой дороге. Когда же через несколько минут на горизонте появился огромный огненный диск солнца, сразу стало теплее.

Хармий, оглянувшись, увидел между холмами серые стены Хеврона. Ячмень на полях был уже собран, а копны льна, стоявшие рядами, были похожи на воинов. Золотые поля пшеницы и зеленые виноградники еще готовились к сбору будущего урожая.

Вскоре они догнали других путников. Друзья и родственники радостно разговаривали друг с другом так, как будто давно не виделись. Взволнованные дети сидели на плечах у своих отцов, а те, что были постарше, ехали в больших корзинах, навьюченных на ослов. Покрытия на головах идущих женщин величаво покачивались.

Отец начал петь:

— «*Возрадовался я, когда сказали мне: "пойдем в дом Господень"*» (Пс. 121:1).

К нему присоединились радостные голоса остальных путников.

Через некоторое время

Иудеи, направляясь на ежегодные празднества в Иерусалим, пели псалмы 120-134.

извилистая дорога повела их по лесистым холмам.

— Я добегу до того камня быстрее тебя, — подзадорил Хармий Бенони и бросился бежать. Бенони тут же побежал за ним.

— Ребята, не убегайте слишком далеко, — крикнул им вслед отец.

Запыхавшиеся мальчики, ожидая остальных, присели на камень. К ним, опередив путников, подошел осел Декель.

— Посмотри, а вон и кожевник Дан, — сказал Хармий.

— Он всегда ездит верхом, — сообщил всезнающий Бенони.

— Да, я всегда езжу верхом, — дружелюбно подтвердил Дан, остановившись возле мальчиков, — иначе моя нога никогда не позволит мне добраться до Иерусалима, — он хлопнул себя по левой ноге*. — Неужели вы еще не устали?

— Нет... просто... пытаемся... отдышаться, — ответил ему Хармий.

— Правильно делаете, — похвалил их Дан. — Мы уже приближаемся «к нагорной стране» (Лк. 1:65), а там небезопасно. Постарайтесь не отделяться.

— Я знаю, — сказал Бенони, разглядывая впереди лежащую местность. — Папа говорит, что вон за теми холмами могут прятаться разбойники.

— Да, — продолжал кожевник Дан, — римское правительство значительно уменьшило их количество, однако некоторые разбойничьи шайки, «промышляя» на дорогах, до сих пор нарушают порядок в стране. Именно поэтому в Иерусалим нужно идти семьями.

Хармий, представив, что их могут избить и ограбить,

---

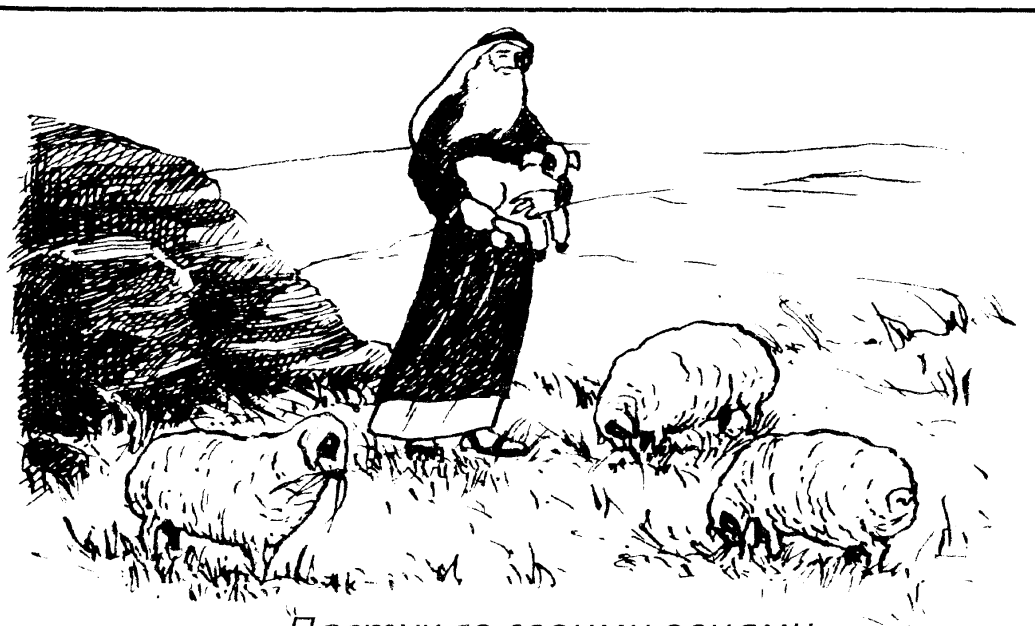
* Инвалиды, женщины, дети и пожилые люди могли не идти на празднества в Иерусалим, однако если приходили, то им всегда были рады.

почувствовал, как по спине пробежали мурашки и с радостью присоединился к остальным.

Шагая рядом с отцом, он ничего не упускал из виду своими все видящими карими глазами. Он видел, что холмы становятся все выше и круче. Иногда он замечал тропинку, убегавшую в небольшую рощицу. Однажды на небольшой полянке он увидел стадо темных коз с вислыми ушами, которые ели пучки травы, растущей из скалистых расщелин. Видно было, как стоявший рядом пастух наигрывал на свирели какую-то мелодию, звуки которой доносил ветер.

Хармию показалось, что послеобеденное время тянулось значительно медленнее, чем утреннее, наверное потому, что было очень жарко и все время хотелось пить. Авий, утром севший на Декеля, устал не так сильно.

Уже вечерело, когда путники остановились на старом постоялом дворе, расположенном на полпути между Иерусалимом и Хевроном. Все были рады возможности отдохнуть и утолить жажду в журчащем рядом ручье. Возле источника стоял седой пастух с ягненком на руках и из корыта поил стадо.



Пастух со своими овцами.

Хармий время от времени натыкался взглядом на Тира, который шел вместе со всеми, не обращая на него никакого внимания. Но когда отец пригласил старого гончара на ужин, Хармий заволновался. Тир, однако, вел себя очень дружелюбно и во время ужина с удовольствием разговаривал с отцом.

Подросток, прислушиваясь к разговору старших, невольно залюбовался светло-фиолетовыми тенями, бродившими на коричневато-золотистых горах Моава. Время от времени издалека доносился вой шакалов. И, несмотря на то, что все вокруг было тихо и мирно, какой-то необъяснимый страх вселился в сердце Хармия.

Мест на постоялом дворе не хватило на всех желающих, поэтому многие путники расположились на ночлег во дворе. Хармий беспокойно метался, пытаясь уснуть, несмотря на то, что все давно уже спали. Мальчик не боялся спать во дворе; летом он почти каждую ночь спал на крыше дома. Его беспокоила мысль, что ему придется работать на Тира. Подросток прекрасно знал, что гончару постоянно требовались работники. Эта мысль и доброе отношение отца к Тиру не давали мальчику покоя. Ему очень хотелось поговорить о своих переживаниях с отцом, но он никак не мог решиться на это.

С тех пор, как ему стало известно, что отец хочет, чтобы он зимой стал работать на кого-то другого, Хармий старался узнать о работе, которая бы ему понравилась. Однако вскоре выяснилось, что хорошую работу найти непросто; об этом хорошо знали многие взрослые. «Я не должен сейчас переживать об этом, — наконец решил он, — потому что еще не собрана и половина урожая».

Приняв такое решение, он, наконец, успокоился и уснул, сквозь сон слыша, что у костра о чем-то переговариваются люди.

На следующее утро Хармий увидел, как два пастуха делили стадо, выкрикивая клички овец. Овца, услышав

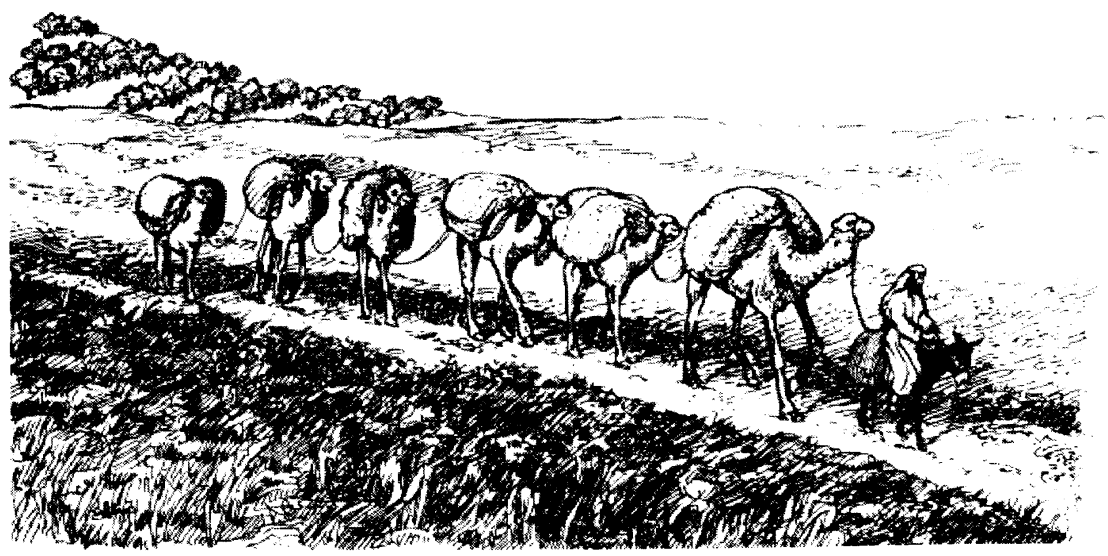
свою кличку, поднимала голову и направлялась к тому, кто ее звал. Третий пастух созывал козлов при помощи странного крика, напоминающего смех. Мальчик попытался повторить этот крик, но животные не обратили на него никакого внимания.

Хармию казалось, что второй день их путешествия был еще жарче, чем первый. После обеда им с Бенони стало скучно, и они решили понаблюдать за происходящим вокруг, вдруг будет что-то интересное.

— Смотри, ящерица! — крикнул Бенони через несколько минут. — Давай поймаем ее.

Мальчики перекрыли ящерице дорогу, а затем стали медленно приближаться к ней. За ними внимательно наблюдал Кенан. Ящерица сидела неподвижно, лишь что-то пульсировало у нее в горле. Когда мальчикам уже

Большой караван обычно состоял из 1000 и более верблюдов. Каждый верблюд был привязан к идущему впереди и мог нести на себе груз от 200 до 500 килограммов. И хотя верблюды живут от 30 до 40 лет, они не привязываются к своим хозяевам, как, например, лошади. Верблюд никогда не будет работать добровольно. Эти «корабли пустыни» известны своей способностью длительное время обходиться без воды. При первой же возможности верблюд может выпить от 40 до 110 литров.



казалось, что ящерица попалась, она ускользнула от них и тут же исчезла.

— Да, вы не слишком-то проворны, — добродушно засмеялся Кенан.

Вскоре мальчики заметили еще одну ящерицу, сидевшую на каменной стене. На этот раз ее попытался поймать Кенан, быстро взмахнув рукой, но и ему это не удалось.

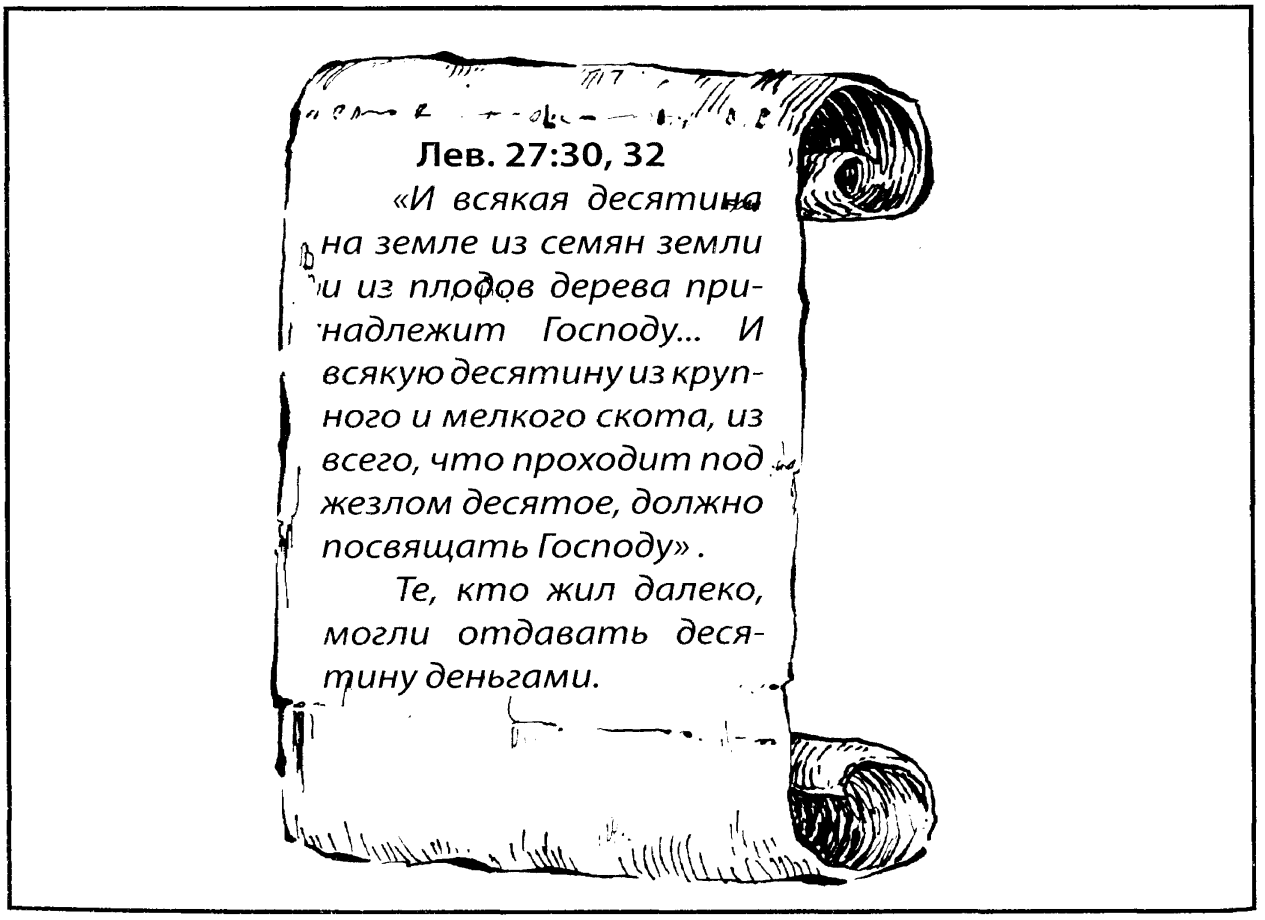
— Видишь, ты тоже не можешь поймать ее, — поддел его Бенони.

— Ну и что? — ответил Кенан. — На самом деле я не хочу брать ее в руки.

Трое мальчиков и многие путники, услышав позади быстро приближающийся топот, оглянулись.

— Караван! — удивленно воскликнул Бенони.

Путники, свернув с дороги, с интересом наблюдали, как мимо них быстро идет караван верблюдов, возглавляемый ослом. Хармий всегда поражался высоте и



надменности верблюдов, а также их покачивающейся походке.

Впереди показался Вифлеем. Вдоль дороги росли оливковые деревья, радуя путников прохладной тенью. Их зеленовато-серебристые листья под ярким солнечным светом радостно шуршали, словно шептались друг с другом. Там, где раньше были белые цветы, теперь росли небольшие зеленые маслины.

— Когда мы, наконец, придем? — спросил Авий, когда Вифлеем остался позади. — Мне и Декелю жарко.

Отец улыбнулся:

— Уже совсем близко. Смотри, вон уже виден храм, — сказал он, указывая в сторону Иерусалима.

Город стоял на холме и, благодаря этому, был виден издалека. Путники прибавили шагу и, несмотря на усталость, многие из них начали радостно петь.

Когда солнце покатилось на запад, внешние стены Иерусалима окрасились в оранжево-желтый цвет. Через городские ворота шли паломники со всей Иудеи. Некоторые из них несли десятину зерном или вели с собой животных. Другие же, как, например, отец Хармия, несли десятину деньгами.

Авий, чуть ли не подпрыгивая от радости на спине Декеля, закричал:

— Скоро будем у дедушки!

Глава 5

Праздник седмиц

Шумные, радостные толпы заполнили узкие улицы Иерусалима. На праздник седмиц пришли паломники даже из Рима. Одни несли свои десятины сразу в храм, другие отправлялись сначала к родственникам, с которыми давно не виделись.

На многих перекрестках стояли высокомерные римские воины и следили за порядком. Хармий, проходя мимо них, отвернулся, глубоко возмущенный их присутствием.

Вся семья направилась в верхнюю часть города, где жили дедушка с бабушкой. Подойдя к их дому, отец постучал в дверь, ведущую во двор.

Ожидая вопроса «кто там?», Хармий потянул носом и ощутил аппетитный запах, доносившийся со двора, и тут же почувствовал, что проголодался.

После того, как отец ответил «я», дедушка, узнав голос сына, распахнул дверь.

— Мир вам! — приветливо приветствовал он гостей.

— Да благословит тебя Господь! — радостно ответил отец.

Дедушка с папой, приветствуя друг друга, дважды

расцеловались в левую и правую щеки. После того, как женщины таким же образом поприветствовали друг друга, бабушка набрала воды из водосборника, устроенного посреди двора.

— Вы, наверное, очень хотите пить, — сказала она, наливая воду из кувшина в несколько глиняных чашек. — Нафанаил, а где Халев и Рода? — спросила она, протягивая чашку папе.

— Они остановились в Иерусалиме у наших родственников.

— Хармий, как ты вырос! — воскликнула бабушка, наливая внуку полную чашку холодной воды. — Ты, наверное, уже выше дедушки!

Дедушка, невысокий и сгорбленный, как раз возвращался из хлева, в котором привязывал Декеля.

Хармий смущенно переминался с ноги на ногу, считая себя уже достаточно взрослым для подобных разговоров.

Бабушка, заметив, что Авий подошел к водосборнику, подала и ему чашку.

— Ты, наверное, думаешь, что я забыла о тебе? — улыбаясь, спросила она.

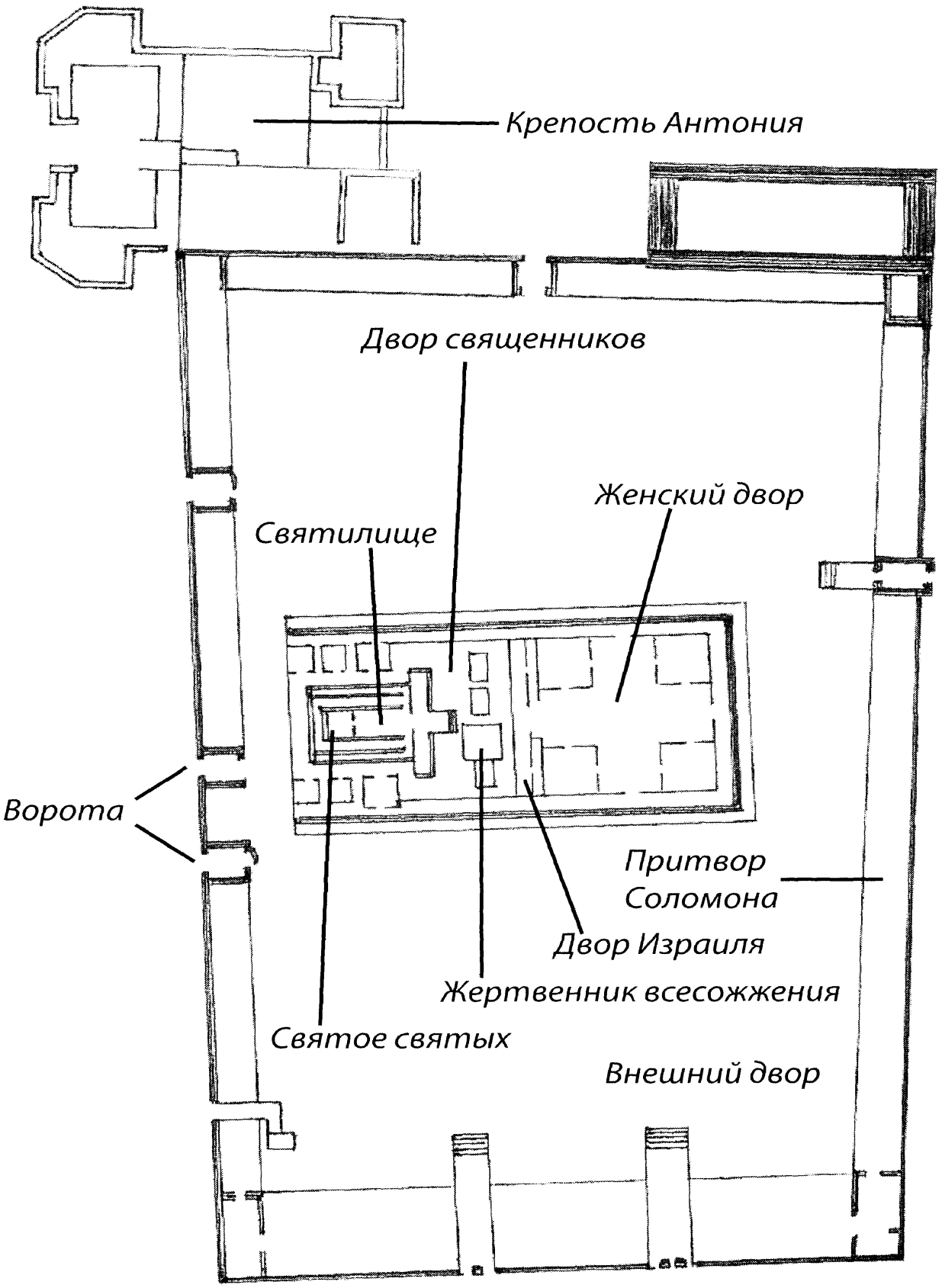
Когда она улыбалась, ямочки на ее щеках становились еще заметнее.

Хармий поставил пустую чашку на край водосборника и с радостным предвкушением посмотрел на другой конец двора, где в горшке что-то варилось. Однако дедушка с бабушкой, похоже, не спешили приглашать их к столу, вместо этого они увлеченно рассказывали родителям иерусалимские новости.

— Хевер снова работает, — доносился до Хармия голос дедушки, — но он сейчас старается не напрягать спину.

Хармий удивленно раскрыл черные глаза. Его удивили не дедушкины слова, а интонация, с которой он

ХРАМ ИРОДА



Площадь внешнего храмового двора составляла почти 11 гектаров. Женский двор имел и второе название — «сокровищница». Все иудеи мужского пола старше 20 лет должны были внести в сокровищницу полсикеля.

Крепость Антония, в котором жили около 500 воинов, примыкала к храму.

говорил. Мальчик раньше не замечал, как похожи голоса дедушки и мамы. А сейчас он заметил, что они похожи даже внешне, не считая, конечно, дедушкину остроконечную длинную седую бороду. Оба были невысокого роста, оба худощавые, у них были одинаково раскосые карие глаза и красивые дугообразные брови.

Наконец дедушка достал миску для омовений и налил в нее воду. Хармий, ожидая своей очереди, рассеянно осматривал двор. С одной стороны располагались жилые комнаты, с другой — мастерская, к которой примыкал хлев. На крышу дома, где они будут спать, вела каменная лестница.

— Здесь ничего не изменилось, — пробормотал он. — Бабушка даже ставит горшок для приготовления пищи и ручную мельницу на те же самые места, что и раньше.

В это время Реба толкнула его локтем:

— Теперь твоя очередь, — прошептала она.

Он, быстро развязав сандалии, помыл руки и ноги.

Тушеная курица, приготовленная бабушкой, на вкус была гораздо лучше, чем запах, витавший по двору. На сладкое были поданы хлеб и сухие плоды смоковницы, сваренные в виноградном сиропе. Это было любимое блюдо семьи.

На закате дня громкие, пронзительные звуки серебряных труб трижды возвестили о начале праздника седмиц. Теперь до следующего заката нельзя было заниматься какой-либо работой, кроме приготовления пищи.

Рано утром дедушка взял козла, купленного для всесожжения, и повел его на осмотр к священникам. Папа взял начатки урожая и пошел покупать у торговцев во внешнем дворе ягненка для жертвы усердия. Хармий был рад, что уже может пойти с отцом.

Женщины в это время выпекали хлеб и медовые лепешки для праздничного стола. Они вместе с младшими

детьми придут в храм к началу утреннего служения.

Хармий испытывал чувство восторга, подходя к храму. Внутри внешнего двора отец обменял римские деньги на иудейские, потому что в храме принимались только иудейские монеты. Звон золотых и серебряных монет свидетельствовал о том, что менялы уже обменяли немало денег и, конечно же, с большой выгодой для себя.

Внешний двор с великолепными притворами был вымощен гладкими мраморными плитами. Колонны, поддерживающие притворы, были такими большими, что потребовалось бы три взрослых человека, чтобы обхватить одну из них. Хармий когда-то попытался это сделать вместе с Бенони и Кенаном, но у них ничего не получилось.

На другой стороне двора он заметил несколько подростков примерно его возраста, стоявших в притворе Соломона и о чем-то оживленно разговаривавших с уважаемым всеми раввином. Хармий подумал, что это его ученики из школы при храме и, вспомнив расстояние между своим домом и Иерусалимом, позавидовал им. «Конечно, если бы мы жили поближе, — размышлял он, — я бы тоже, наверное, учился в такой школе».

Со всех ворот во внешний двор храма сходились мужчины. Некоторые приводили с собой животных для жертвы усердия, другие, как его отец, покупали их у торговцев. Громкие голоса торговцев, рев волов, блеяние овец, трепыхание голубей и стук сандалий — все эти звуки превращали внешний двор в очень шумное место. Хармий вспомнил, как отец говорил, что животных следовало бы продавать за стенами храма.

По плоским крышам притворов, следя за порядком, ходили римские воины. «Их около пятидесяти, — подсчитал Хармий. — Интересно, а сколько же их еще наблюдают за нами из крепости Антония?»

Отец купил годовалого ягненка и отвел его к

Жертвоприношения во время праздника седмиц.

(Лев. 23:18-20)

Жертва всесожжения:

7 ягнят, 2 барана, 1 телец.

Жертвы за грех:

1 козел.

Мирные жертвы:

2 ягненка.

Начатки урожая:

2 больших пшеничных хлеба, потрясаемые пред лицом Господним.

2 ягненка и хлеб.

Жертвы, о которых говорится в Числ. 28:26-31, видимо, приносились вдобавок к вышеперечисленным. Можно с полной уверенностью утверждать, что все собравшиеся пели псалмы. В нашей Библии это — 112-117 псалмы.

Во время праздника седмиц читали книгу Руфи.

священникам, чтобы они проверили его на наличие изъянов. После этого ягненка привязали к одному из колец севернее жертвенника, где ждали своей очереди жертвенные животные. Он также отдал свою десятину левитам и бросил полсикеля серебром в одну из трубовидных коробок в сокровищнице.

Когда пришло время для поклонения, Хармий вошел во «двор Израиля» вместе с отцом. Он был рад покинуть внешний двор, где было так шумно. Перед его глазами предстал храм из белого мрамора, сияющий в лучах утреннего солнца, как ослепительная гора снега. Сияли позолоченные башенки над Святым-святых и тяжелые золотые плиты в передней части храма. Хармий ощутил благоговение и трепет. Приглушенные голоса в женском и детском дворах свидетельствовали о том, что там все тоже собрались для поклонения.

«Двор Израиля» был отделен от двора священников всего лишь перилами, поэтому Хармий мог видеть, как священники приносили жертвы на жертвеннике всесожжения. Сначала они принесли в жертву всесожжения ягненка; такую жертву они приносили каждый день утром и вечером. А затем они принесли праздничные жертвы.

Все это время левиты, стоявшие между «двором Израиля» и женским двором, пели (вероятнее всего, говорили нараспев) псалмы. В конце каждого псалма священники трубили в серебряные трубы, и собравшиеся люди падали ниц пред Богом.

После особых праздничных жертв мужчины могли войти во двор священников, чтобы принести жертвы усердия и начатки урожая.

У Хармия внутри все сжалось, когда он увидел, как отец, возложив одну руку на ягненка, другой заколол его. Священники собрали кровь и окропили ею жертвенник. Одна часть ягненка была сожжена, другая была отдана в пищу священникам, а оставшееся досталось отцу. Он

отдал его бабушке, чтобы она приготовила праздничное кушанье.

Праздник седмиц был временем радости и ликования для всех. Семьи приглашали к праздничному столу левитов, слуг, вдов, сирот, детей, бедняков и чужестранцев.

Праздник длился только один день. На следующее утро люди, пришедшие на поклонение, но не успевшие собрать урожай ячменя, вернулись домой, чтобы довести дело до конца.

Глава 6

Жатва пшеницы

Хармий, окинув взглядом пшеничное поле, подумал, что в этом году будет обильный урожай. Его высокий, широкоплечий отец, нагнувшись, стал жать серпом золотистую пшеницу. Как обычно, не спеша, он оставлял сжатые колосья на стерне позади себя. Мама жала рядом. Вдвоем они успели сжать посреди поля достаточно широкую полосу.

Хармий вместе с Ребой шли вслед за ними и вязали снопы.

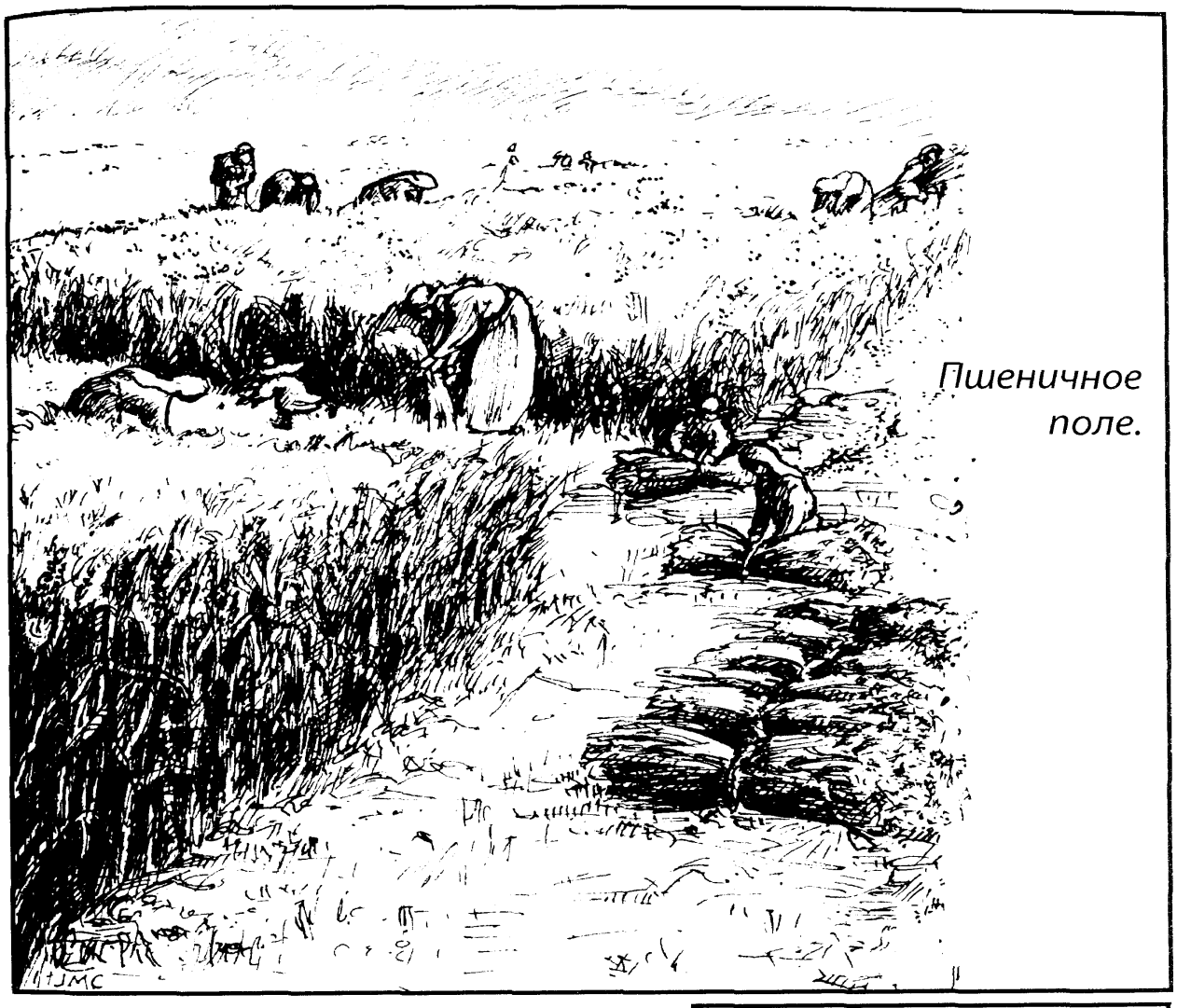
Хармий складывал сжатые колосья до нужной толщины, связывал их перевяслом и готовый сноп оставлял на земле.

— Итого пятьдесят снопов, — сказал он вполголоса. — Реба, сколько ты связала?

— Семьдесят два, — ответила сестра. В ее голосе Хармию послышалось самодовольство.

Ее тон подстегнул Хармия и он решил опередить ее. «Я тоже могу вязать снопы не хуже, чем она», — сказал он себе, удвоив старания.

Его руки, связывая перевясло, буквально летали над снопом. Несколько узлов он связал небрежно, но не обратил на это внимания. Пальцы Ребы были очень



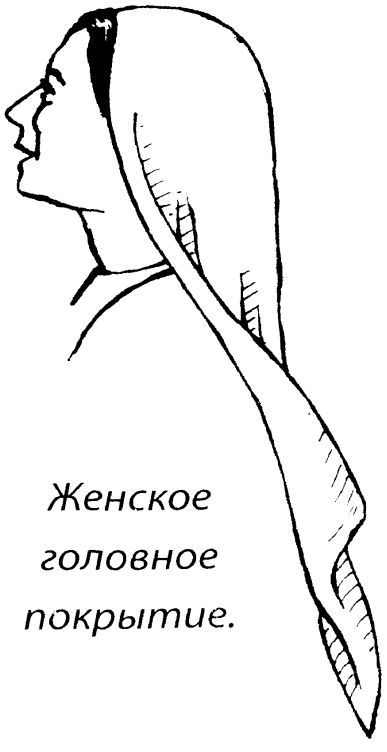
Пшеничное поле.

проворными, совсем как у мамы, поэтому догнать ее было совсем непросто. Однако Хармий не сдавался.

Сестра, не подозревая о соревновании, на мгновение остановилась, чтобы сдвинуть на лоб головное покрытие: солнце слепило глаза.

— Авий, пора работать, — сказала она. — Папа велел тебе складывать снопы.

— Да, я знаю, — ответил брат, выискивая кузнечиков в стерне. С явным неудовольствием он взялся за снопы.



Женское головное покрытие.

— Тут слишком жарко, — пожаловался он через несколько минут. — Я пойду попью воды.

Хармию тоже хотелось пить. Он посмотрел на другой конец поля, где в шалаше стоял кувшин с водой. Однако из-за дрожавшего марева, казалось, что до шалаша очень далеко. Еще не наступила и середина утра, а безоблачное небо было уже похоже на раскаленный купол.

— Авий, принеси воды! — крикнул он младшему брату.

Он слышал, что родители во время работы поют. Иногда к ним присоединялась Реба. Хармий также слышал пение, доносившееся с соседних полей, но самому ему петь не хотелось. Его слишком утомило соревнование с сестрой.

— Сколько ты связала снопов? — спросил он, уверенный, что обогнал ее.

— Я уже сбилась со счета. Думаю, что это сто двадцатый.

— Ха-ха! А я — сто двадцать три.

— Ну и что, — равнодушно ответила сестра.

Когда Авий вернулся с кувшином, Хармий понял, что мама добавила в воду виноградный сироп: вода была вкусной, но не такой холодной, как в кувшине дома.

— Всю не пей, — попросил Авий, — мне еще хочется.

— А ты не подумал, что другие тоже хотят? — спросил Хармий, возвращая кувшин.

Хармий был уверен, что Реба снова опередила его, но теперь ему было все равно. Устало пожав плечами, подросток решил больше не соревноваться с сестрой. Теперь он старался связывать снопы поаккуратнее. Позже он поймет, что так надо было делать с самого начала.

Утро было жарким, без единого дуновения ветерка, поэтому все обрадовались, когда подошло время для полуденного отдыха. Хармий увидел, что по полю идет

отец, проверяя сделанную работу. Время от времени он останавливался, чтобы потуже затянуть перевясла, но Хармию ничего не сказал.

Мама жарила на огне в миске пшеничные колосья, пока не потемнела шелуха. Перед едой вся семья помолилась лицом к Иерусалиму согласно преданию*. Поблагодарив Бога за посланный урожай, они потерли зерна руками, чтобы с них слетела шелуха, и съели их. Затем подкрепились хлебом, сыром и сладкими дынями.

Перед тем как отдыхать, отец куском железа (Притч. 27:17) заточил серпы. После двух часов отдыха он сказал Хармию:

— У нас уже много связанных снопов, пора перевозить их на ток. Приведи Декеля и начинай возить. А мама будет вязать снопы вместо тебя.

— Хорошо! — ответил Хармий.

Во время уборки урожая ячменя он лишь помогал отцу свозить снопы, а теперь он это будет делать самостоятельно.

На жнивье громко стрекотали кузнечики. Хармию даже показалось, что они хотят что-то сказать об уборке урожая. Он взял несколько снопов и связал их вместе так, как показывал отец. Но когда подросток положил их на спину Декеля, снопы рассыпались, а на некоторых даже развязались перевясла.

Мальчик обиженно закусил губу; эти снопы, как ему показалось, связывал именно он. Он связал их еще раз, но уже очень аккуратно, радуясь, что остальные не рассыпались. Собрав снопы, он потуже обвязал их веревкой и привязал к вьючному седлу осла.

Хармий нагрузил на Декеля несколько таких связок и критически осмотрел весь груз. «Некоторые люди нагружают ослов еще больше. Почему бы и мне так не

* Историки считают, что иудеи, ревностно соблюдая «часы молитвы», таким образом способствовали сохранению своей веры.

сделать?», — размышлял он. Подросток добавил еще несколько связок; теперь осла почти не было видно. Хармию вдруг стало не по себе: отец никогда так не делал. Но он тут же прогнал тревожные мысли:

— Декель, вперед! Идем на ток!

Хармий легонько потянул веревку, но осел не двинулся с места.

— Шевелись, лентяй! — строго приказал Хармий, дернув веревку.

Декель сделал несколько шагов и лег на землю.

— Вот упрямый осел!

Из глаз Хармия брызнули горячие слезы. Он быстро вытер их, подошел к ослу сзади и подтолкнул его. Видя, что животное никак не реагирует, он пнул его ногой. Он так старался заставить Декеля подчиниться, что даже не расслышал шороха стерни под отцовскими шагами.

— У тебя проблемы, сынок? — спросил отец.

Хармий испуганно оглянулся.

Отец, не дожидаясь ответа, сказал:

— Не бей старого, верного осла! Думаю, он не сильно пострадал, но в любом случае не следует заставлять его работать таким образом.

Хармий покраснел под его пристальным взглядом.

— Он не слушается меня, — пробормотал он.

— Потому что ты нагрузил на него слишком много снопов. Любой осел ляжет на землю, если груз будет больше, чем он может нести. К тому же, если Декель поймет, что стоит ему только лечь, как ты облегчишь его ношу, он будет это делать постоянно. Именно так ослы становятся очень упрямыми.

Хармий тяжело вздохнул.

— Прости меня.

Теперь он знал, почему у некоторых людей ослы такие упрямые — их слишком сильно нагружали.

— Почему ты так много нагрузил на него? — спросил

отец, ласково заставив Декеля подняться на ноги и развязывая груз.

— Так делает Бенони. Я подумал, что чем больше нагрузить, тем быстрее можно перевезти снопы.

Отец нахмурился:

— У нас впереди целая неделя, а если понадобится, то и следующая, поэтому не надо соревноваться с Бенони. Хорошо сделанная работа стоит затраченного на нее времени. А что до Бенони, то ослы у дяди Халева помоложе и посильнее нашего Декеля.

Хармий тут же вспомнил об ослике, которого они не купили.

— И еще, — продолжал отец, — помнишь, я говорил тебе когда-то, что надо быть человеком, на которого можно положиться. Я заметил, что в последнее время ты стал более прилежным, молодец, но это также означает, что всякое дело надо выполнять как следует. Надеюсь, что сегодня ты именно так и поступишь.

— Хорошо, — сказал Хармий.

Вспомнив о плохо связанных снопах, он усмехнулся про себя. Его лихорадочное соревнование с Ребой оказалось просто глупостью. Такой же глупостью было желание нагрузить на осла побольше снопов. Здравый смысл подсказывал ему это, но если бы он прислушался к нему...

Как бы там ни было, Хармию предстояло еще многое сделать в этот день и он решил покончить с неприятностями. Подросток понял, что ему не следует забывать о наставлениях отца, иначе толку не будет. Теперь он еще больше сомневался, что отец посчитает его достаточно взрослым и мудрым, чтобы самому решать, где работать зимой.

— Посмотри, как нужно связывать снопы, да и любой другой груз, — сказал отец. — Сейчас ты распределил его немного неравномерно.

Придя на ток, он разбросал снопы по сухой утрамбованной земле. С мая по октябрь не было ни капли дождя, поэтому они не боялись, что пшеница намокнет.

Таким образом, Хармий ходил как в замкнутом круге: с поля — на ток, потом снова на поле. С каждым разом ему было все легче нагружать Декеля. Вскоре он ощутил радостное удовлетворение от уборки урожая и иногда даже пел вместе со всеми. Подросток, исполняя закон, оставлял некоторые снопы для бедных людей.

Через некоторое время, волнуя пшеницу, подул северо-западный ветер. Хармию очень нравилось работать когда спадала жара. Мальчик настолько увлекся работой, что не заметил стоявшего на тропе высокого, худощавого человека, наблюдавшего за ним. Он был в халате с широкими черно-белыми полосами.

— В этом году нам придется снова просить у дяди Халева осла для молотьбы? — спросил Хармий как-то однажды вечером, когда урожай был уже почти собран.

— Да, — ответил отец, — он даст нам одного осла после того, как сам закончит обмолот пшеницы.

Хармию нравилось молотить пшеницу на току, несмотря на то, что работа была очень пыльной. Они складывали снопы в большую кучу на середине тока, делая по бокам более тонкий слой. Затем отец пристегивал к ослиной упряжке деревянные молотильные сани и водил их по краям кучи. Чтобы сани были тяжелее, на них становились мальчики. Хармий легко справлялся с равновесием, а Авий, чтобы не упасть, держался за тунику брата. Для братьев это было одно из самых веселых летних занятий. Острые железные зубья на нижней стороне саней разрезали солому на мелкие кусочки и отделяли зерна от колосьев.

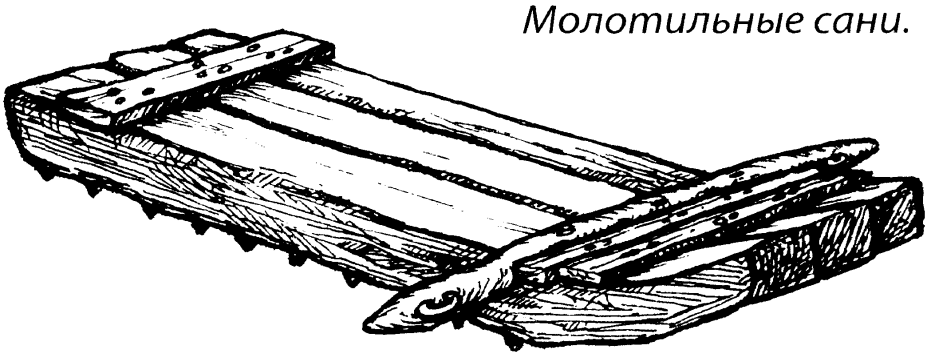
Мама с Ребой деревянными вилами ворошили наполовину обмолоченную пшеницу до тех пор, пока все колосья не становились пустыми.

В конце дня, когда поднимался ветерок, они начинали веять зерно. Отец вместе с Хармием подбрасывали зерно вверх, чтобы ветер отделил его от шелухи и пыли. Отец специально сделал ток на самой высокой части поля — там сильнее дул ветер. Поскольку зерно было тяжелее шелухи, оно сразу падало вниз, а шелуха отлетала к каменной стене, окружающей ток.

Потом мама с Ребой просеивали зерно, чтобы окончательно очистить его от земли и шелухи. Кучи очищенного зерна становились все больше. Отец, или кто-то из соседей мужчин, спали рядом с зерном до тех пор, пока его не продавали или не заносили в дом. Это делалось для того, чтобы зерно не растащили воры.

Однажды, когда Хармий вместе с отцом почти

Круглый ток диаметром от восьми до десяти метров. Чтобы его поверхность была всегда гладкой и твердой, отец утрамбовывал его катком во время весенних дождей. Камни по периметру тока служили своеобразной преградой для обмолоченного зерна.



Молотильные сани.

закончили ссыпать зерно в мешки, на ток пришел слуга Орна, которого отец нанял охранять виноградник.

— Мне нужна корзина зерна, — заявил он, нетерпеливо пожевывая соломинку.

Отец наполнил зерном мерную корзину.

— Как дела на винограднике? — спросил он.

Орна снял свой судхар и почесал косматые волосы.

— Очень хорошо. Если будет на то воля Божья, то у вас в этом году будет хороший урожай.

Хармий перестал держать мешок, в который они с отцом ссыпали зерно, и спросил:

— Вам доводилось видеть воров?

Орна выплюнул соломинку:

— Нет, не доводилось. Надеюсь, и не доведется. Иногда я ловлю лисиц, лакомящихся виноградом, а вчера вечером из пращи прогнал стаю шакалов.

— Вот это да! Папа, а если бы у меня была праща, я бы мог помогать ему? — встрепенулся Хармий, готовый к приключениям.

Отец, уплотняя зерно, встряхнул мерную корзину:

— Может быть, через несколько лет.

Орна повернулся к Хармию:

— Ты хотел бы увидеть серну? Они не очень забавные, но зато очень красивые.

— А где? — сразу спросил Хармий, интерес которого к дикой природе всегда был огромным.

— Каждый день после полудня несколько животных перебегают каменистую равнину восточнее виноградника. Мне кажется, что они направляются на водопой к ближайшей речке.

— Можно мне посмотреть на них сегодня после обеда? — загоревшись желанием, спросил Хармий отца.

— Можно, но только после того, как мы наполним мешки и спросим маму, не нужна ли ей твоя помощь. В этом году ты очень хорошо поработал на уборке урожая.

Хармий издал торжествующий вопль. Схватив очередной мешок, он начал быстро насыпать в него зерно.

— Готово, Орна, — объявил отец, когда корзина была полна до краев.

Орна подвернул полу своего халата и отец пересыпал туда зерно.

— Для того, чтобы увидеть этих пугливых животных, — сказал Орна Хармию, прежде чем уйти, — надо сидеть тихо и неподвижно.

Сделав все намеченное, отец с сыном направились домой. Каждый нес на спине по мешку зерна. Отец собирался вернуться на ток с Декелем, чтобы забрать остальные мешки.

Хармий долго и жадно пил холодную воду из глиняного кувшина, стоявшего в самом темном углу комнаты, а затем быстро поднялся по каменным ступенькам на крышу. Там мама и Реба высыпали на подстилки из темной козьей шерсти промытую пшеницу для просушки. Семья употребляла в пищу только промытое зерно.

— Мама, тебе нужна моя помощь? — спросил Хармий, втайне надеясь, что она из-за своей занятости откажется.

Мама, подняв голову, улыбнулась:

— Зерно, которое лежит у южного парапета, уже просохло. Помоги, пожалуйста, Авию ссыпать его вон в тот красный кувшин.

Она указала на самый большой из трех стоявших в углу кувшинов.

Братья, взяв подстилку с зерном с противоположных сторон, осторожно пересыпали зерно в кувшин. Они повторили это несколько раз.

— Кувшин — полный, — заявил Хармий после окончания работы, — я отнесу его к ступенькам, чтобы папа потом поставил его в хранилище.

Подросток, с трудом подняв тяжелый кувшин, засеменил по крыше. Он хотел поставить его на пол, но из-за спешки кувшин выскользнул из рук и *трр-рах...* разбился и вместе с пшеницей рассыпался по пыльной крыше. Расстроенный задержкой, Хармий поспешно начал ссыпать зерно в другой кувшин.

— Почему такая спешка? — спросила Реба, убирая со лба несколько прядей волос.

— Мне надо идти в виноградник, — быстро ответил Хармий, не желая больше слышать никаких вопросов.

— В следующий раз пусть папа несет кувшин, — мягко упрекнула его мама, приходя к нему на помощь. — Ты ведь знаешь, что эти кувшины очень хрупкие и легко разбиваются. Авий, собери, пожалуйста, черепки и отнеси их вниз. На них мы будем носить угли из общей печи.

Хармий не тратя время попусту, помчался в виноградник. Он нашел себе место, где стена немного понижалась и было видно далеко вокруг. Затаившись, он стал терпеливо ждать. Ему казалось, что время тянется очень медленно. Наконец, из зарослей вышли две взрослые серны с тремя маленькими детенышами. Они робко прошли через равнину и скрылись за каменной стеной.

Хармий решил подождать еще несколько минут, надеясь, что выйдет самец. Но вместо самца он увидел худую, лохматую лисицу с маленьким кроликом в зубах, которая исчезла за камнем.

— Лиса, наверное, охотится, чтобы прокормить своих лисят, — решил Хармий.

Он взглянул на солнце:

— Если бы не было так поздно, я бы поискал ее нору, но придется сделать это в другой раз, — решил он и в приподнятом настроении отправился домой.

Вряд ли он был бы таким беззаботным, если бы знал, что ему предстоит делать завтра.

Когда отец велел ему сходить к Тиру за новым кувшином, он почувствовал себя, как животное, загнанное в клетку.

— Можно, я пойду с Авием? — спросил он, со страхом думая о Тире. И хотя Авий был младше его по возрасту, с ним было все же лучше, чем одному.

— Нет, завтра твой брат будет помогать мне складывать в мешки солому. Ты не должен бояться гончара. Я знаю, что Тир грубоват, но он не причинит тебе вреда.

Слова отца немного успокоили Хармия, но мысли о покупке кувшина у старого гончара не давали ему покоя. Насколько проще было относить ему еду. К этому Хармий уже привык. Но покупать кувшин — этого он еще не делал! Как быстро летит время, и как близко «завтра»!

Глава 7

Гончар Тир

На следующее утро Хармий доил коз не спеша. Поэтому, войдя в дом с ведром молока, он не удивился, заметив, что мама уже прикрыла чистым льняным полотном корзину с поджаренным зерном пшеницы.

— Хармий, вот корзина и деньги за кувшин, — сказала она, подавая ему несколько лепт и корзину.

Понимая, что ему надо идти, он тем не менее остановился под смоковницей, шумевшей плотными, тяжелыми листьями: ему захотелось найти большие, недавно созревшие плоды. Хармий считал, что самые вкусные — фиолетовые, покрытые каплями утренней росы. Он сорвал два плода для себя, а потом, повинуясь внутреннему побуждению, положил несколько штук в корзину для гончара.

В середине лета на смоковницах можно было видеть как спелые, так и зеленые смоквы.

Хармий шел в мастерскую Тира очень медленно. Он ел смоквы, откусывая от

плода маленькие кусочки и тщательно пережевывая их, но не ощущал вкуса.

Придя в мастерскую, мальчик молча поставил корзину на рабочий стол гончара, т.к. объяснений не требовалось. Высокий, худой Тир, сгорбившись, сидел над куском глины за гончарным кругом и мозолистыми пальцами умело выводил конус.

— Что тебе нужно? — хрипло спросил гончар, взглянув на Хармия.

Он брызнул водой на глину, а затем левым большим пальцем сделал углубление в верхней части конуса.

Сердце Хармия заколотилось:

— Мне надо купить у вас кувшин, — тихо сказал он.

— Что? Я тебя не слышу! — крикнул Тир, не поднимая головы.

Отверстие в верхней части конуса становилось все больше.

Хармий крепко сжал монеты в вспотевшей руке:

— Мне надо...

— Ну, говори же! — крикнул Тир.

Он был глуховат и думал, что его молодой посетитель тоже плохо слышит.

Хармий, глубоко вздохнув, подошел к гончару поближе.

— Папа послал меня купить один из ваших кувшинов, вон тот, — громко сказал он, указывая на несколько кувшинов, стоявших на полу за гончарным кругом.

— А! Тебе нужен кувшин! Подожди, я сейчас закончу.

Левая рука гончара находилась внутри вращающегося кувшина, а правая, с кусочком дерева, умело создавала форму.

Хармий, осматривая мастерскую, переложил деньги из одной руки в другую. Слуга Тира размешивал ногами мокрую глину в деревянном корыте, чтобы она стала

мягкой и без комков.

— Я дам ему кувшин, — предложил слуга, отступив в сторону от корыта.

Глаза Тира сверкнули из-под широких бровей:

— Делай свое дело! — гаркнул он.

Хармий попятился к двери. «Я никогда не буду здесь работать! — решил он. — Это место похоже на львиный ров!»

Тир ловко поменял положение своих мозолистых пальцев, чтобы сделать ободок. Вскоре кувшин был готов. Гончар выдернул веревку, лежавшую между кувшином и

Гончар изготавливает кувшин, вращая круг ногами.

Кувшины и сосуды, изготовленные гончаром.

кругом, и осторожно поставил его на полку, где уже сушились другие необожженные кувшины.

— А теперь скажи, какой ты хочешь, — громко сказал Тир.

Его голос стал намного мягче, но Хармий этого не заметил.

— Вон тот сзади.

Хармий указал на самый высокий, красноватый сосуд.

С большим достоинством Тир поставил кувшин на рабочий стол.

Хармий отдал ему деньги и, взвалив кувшин на плечи, вышел из мастерской. На улице он, наконец, облегченно вздохнул. Ему было известно, что Тир — самый лучший гончар в городе, хотя при этом далеко не самый приятный человек. «Папа ничего не говорил о моей работе с тех пор, как мы восстанавливали стену, — размышлял Хармий по дороге домой. — Может, он забыл об этом?»

В это трудно было поверить. Подросток мало-помалу

привыкал к мысли, что ему придется на кого-то работать, **но только не на Тира**. «По крайней мере, пока у него есть слуга, мне это не грозит», — мрачно думал он.

Войдя во двор, он увидел, что мама с Ребой деревянными скребками очищают от коры и сердцевины стебли льна, разложенные на доске. Перед этим они вымачивали их в воде и сушили на крыше. Потом лен трепали, разбивая деревянистую кору на мелкие кусочки, скребками очищали от коры, сердцевины. Затем чесали гребнями, отделяя древесные, более грубые волокна от тонких лубяных волокон. Из этих волокон пряли пряжу, а из нее ткали тонкое льняное полотно — виссон. Из толстых — плели веревки.

— Куда мне поставить кувшин? — спросил Хармий.

— Отнеси его на крышу, — ответила мама. — Там хватит зерна на еще один кувшин.

Видя, что сын собирается идти на ток, мама попросила его:

— В обед принеси мне, пожалуйста, с огорода несколько огурцов.

— Хорошо, — сказал Хармий.

По дороге навстречу ему двигались телеги, запряженные волами или ослами, — люди везли зерно и солому в Хеврон. Виноградники издалека казались зелеными островками на коричневых склонах. Хармий с нетерпением ждал, когда созреет виноград. Кроме праздника Пасхи, он еще очень любил время сбора урожая винограда.

На огороде, в нижней части пшеничного поля, кроме огурцов, уже ничего не было. Отец построил навес из веток и камыша, чтобы защитить огурцы от палящего солнца.

На току Хармий с Авием помогали отцу складывать в мешки солому. Солнце жгло немилосердно, над головами работающих клубилась пыль, а воздух был как из

раскаленной печи, однако Хармий считал, что это лучше, чем находиться в мастерской Тира.

После обеда все трое с радостью отдохнули в тени смоковницы — в самом прохладном и самом желанном месте во всем Хевроне!

Глава 8

Сбор винограда

Хармий стоял на освещенном лунным светом дворе и держал одеяла, которые отец привязывал к вьючному седлу Декеля. В решетчатом окне мерцал мягкий свет лампы, который вскоре погас. В дверях появилась мама с тяжелой корзиной, полной посуды и кухонных принадлежностей.

— Ты все собрала, Есфирь? — спросил отец.

— Да, — ответила она, передавая ему корзину.

Вся семья на время сбора урожая винограда переезжала жить в сторожевую башню на винограднике. Неделю назад они перевезли туда корзины для винограда и емкости для вина, но нужно было еще взять другие необходимые вещи. Отец взял посуду, мама — кувшин с водой, Реба несла хлеб, Хармий — корзину с поджаренным зерном, а Авий — небольшую миску с сыром.

Они подошли к винограднику, когда уже начало светать. Большие синие грозди были еще влажными от росы. Хармий сорвал и съел несколько прохладных, сладких ягод. Они были такими сладкими! Отец остановил осла возле сторожевой башни и отвязал одеяла. Мама с Ребой занесли внутрь домашнюю утварь. Затем отец привязал по обе стороны вьючного седла Декеля два больших ящика и поставил в них пустые корзины.

Сторожевая башня на винограднике.

— С какой стороны начнем? — спросил Хармий.

— С южной стороны башни, — ответил отец, указывая на лозы, низко провисшие между шестами.

Авий важно пошел первым. Отец, поставив корзины на землю, показал ему как небольшим серповидным ножом срезать гроздья.

— Срезай только недозревшие гроздья, — наставлял он сына, — они пойдут на изюм, а спелые — на вино.

Хармий каждую срезанную гроздь осторожно клал в корзину.

— Я пойду помогу Орну вымыть точило, — сказал отец через несколько минут.

Хармий начал петь:

«Благослови, душа моя, Господа, и вся внутренность моя — святое имя Его»

Корзина быстро наполнилась, потому что подросток срезал только самые крупные гроздья.

— Хармий, посмотри! — громко воскликнул Авий, раздвигая листья. — Тут гроздья величиной с мой рост!

Он, став на цыпочки, попытался дотянуться до черенка.

Хармий высунул голову из-под лозы, с которой срезал гроздья.

— Давай я помогу, — сказал он, — ты ее не поднимешь.

— Одна гроздь — и полная корзина! — восхитился Авий после того, как Хармий осторожно опустил ее в корзину.

— Она весит, наверное, лишь в два раза меньше, чем ты, — предположил Хармий.

Хармий, услышав, как мама с Ребой запели 99 псалом: «*Воскликните Господу, вся земля*», понял, что они идут к ним на помощь. Он начал петь следующую строчку псалма:

— «*Служите Господу с веселием; идите пред лице Его с восклицанием!*»

Вскоре вернулся отец с Декелем. Он осторожно поставил по полной корзине в каждую из коробок и повез их на ровный каменистый участок в углу виноградника. Прежде чем разложить виноград для просушки, он окунул каждую гроздь сначала в раствор углекислого калия, чтобы смыть восковой налет, а затем — в оливковое масло.

Вечером после ужина у Хармия оказалось немного свободного времени. «Пойду, поищу лисью нору», — решил он.

— Куда ты идешь? — тут же спросил Авий, заметив, что старший брат молча направляется к каменистой равнине за виноградником.

— Искать лисью нору.

— Возьми меня с собой, — пристал к нему Авий.

— Ладно, пойдем, — неохотно согласился Хармий, — но тебе придется все время быть рядом и помалкивать.

— Хорошо, — согласился Авий.

Мальчики на цыпочках прошли вдоль высоких зарослей. Хармий, заметив большую каменную глыбу, под которой по его предположению могла быть лисья нора, остановился: «Я ошибся, — прошептал он, увидев, что под камнем не было ни норы, ни вырытой земли. — Интересно, куда же она бежала?» — пробормотал он,

оглядывая поле. Подросток знал, что худые, лохматые лисицы обычно не носят в зубах добычу, если сами хотят есть.

Авий показал в самый дальний конец поля:

— Смотри! Там в сухой траве кто-то есть.

Хармий осторожно раздвинул заросли, чтобы получше видеть: «Как раз то, что я искал!» — прошептал он.

Братья начали медленно подкрадываться. Наконец, они увидели пятерых маленьких лисят, играющих друг с другом. Время от времени один лисенок нападал на другого, а затем, став на задние лапы, они боролись друг с другом.

Братья не хотели смотреть на них из зарослей. Они медленно, сантиметр за сантиметром, стали приближаться к лисятам. Молодняк обычно не такой осторожный, как взрослые животные, тем не менее лисята вскоре их заметили и тут же скрылись в норе под поваленным деревом.

Мальчики, забыв о всякой осторожности, помчались к норе. Авий, нагнувшись, заглянул внутрь.

— Жаль, что здесь темно. Я слышу их рычание, — закричал он.

Хармий пнул ногой валявшиеся белые кости.

— Похоже, что лисы уже давно здесь живут, — заметил подросток. Он достал из своей туники веревку и, сделав петлю, положил ее между двумя колючими кустарниками, растущими у входа.

Авий засунул пальцы за пояс:

— Зачем ты это делаешь? — спросил он.

— Хочу поймать лису. Слушай! Нам уже пора возвращаться к башне.

Братья пошли через поле к винограднику. Ни один из них не заметил лисицу, которая встревожено пробиралась в высокой траве к своим детям.

Уже два дня Хармий со своей семьей и Орной срезали виноград и сушили его на солнце. Мама время от времени

переворачивала гроздья и брызгала на них оливковым маслом, чтобы кожица ягод не огрубела на солнце.

— Сегодня будем делать вино, — объявил отец на третий день. — Не забудьте оставить по несколько гроздьев на каждой лозе для бедных людей.

Хармий ждал этих слов, потому что отец повторял их каждый год.

Некоторые лозы лежали прямо на земле и это усложняло сбор урожая. Тем не менее, вскоре несколько корзин были полными.

Папа отвез виноград к точилу и попросил Хармия и Орну начать давить его.

— Здорово! — сказал Хармий, потирая руки.

Орна высыпал виноград из нескольких корзин в верхнюю емкость, препоясал свою старую коричневую тунику и тщательно вымыл ноги.

Топ, топ, топ — давил Хармий виноград в точиле*. Когда ягоды превратились в жидкую массу, он ухватился за веревки, свисающие с перекладин. Сок начал течь через проем в нижнюю емкость. Вскоре их ноги стали фиолетовыми, а одежда покрылась пятнами такого же цвета.

Отец высыпал в верхнюю емкость еще несколько корзин.

Вверх, вниз! Вверх, вниз! Вскоре ноги Хармия заныли от усталости. Давить виноград было одним из самых трудных дел, однако мальчик не жаловался, наоборот,

---

* Точи́ло (от источать, точить, течь)— резервуар, обычно высекавшийся в скале, в котором топтанием ногами из винограда выдавливался сок. Такие «прессы» строились по всей Палестине, их остатки встречаются и поныне. Обычно точило состояло из двух емкостей (корыт): верхнего, размером 1,5-2,5м в поперечнике, глубиной 30-40см, и нижнего, размером около 1м в поперечнике и такой же глубины, как и верхнее, в которое собирался сок. Между собой они соединялись отверстием или узким каналом. — *Библейский словарь* В.П. Вихлянцева.

Точило

весело смеялся и громко пел. Так же поступал и Орна. Хармий совершенно забыл о гончаре Тире.

Через некоторое время, показавшееся очень долгим, отец заполнил виноградным соком (известным в Библии как «новое вино») несколько глиняных кувшинов. После того, как сок перебродит*, он нальет вино в новые меха из козьих шкур.

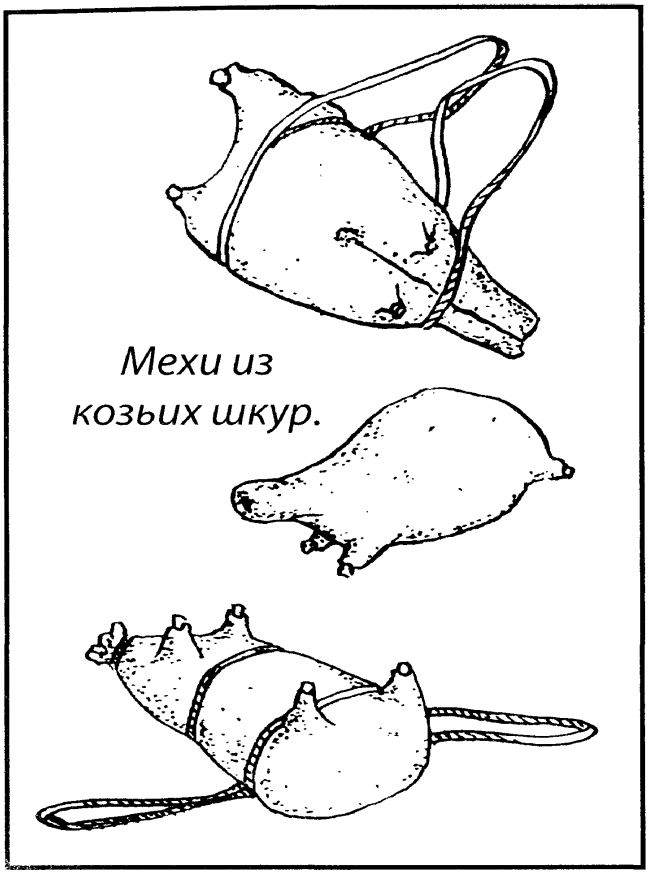
После обеда виноград давили все по очереди: отец, Реба и Авий.

На шестой день, утром, вся семья отправилась домой, чтобы подготовиться к субботе. Отец взял две большие корзины винограда и несколько бутылок нового вина, чтобы продать их на рынке. Изюм был еще не готов для продажи.

Хармий подоил коз, Реба замесила тесто для хлеба, а мама приготовила лепешки с виноградом.

— Авий, возьми вот эту корзину винограда и отнеси, пожалуйста, Тиру, — велела мама, приготавливая к выпечке хлебы и лепешки.

* Брожение начиналось в первый или во второй день после того, как был подавлен виноград. Историки говорят, что когда люди пили такое вино, они зачастую разбавляли его водой.



Мехи из козьих шкур.

Хармий, улыбаясь, наблюдал, как Авий шел к Тиру. Это было легкое поручение, потому что Тир, наверное, был на рынке.

Мама подняла корзину с одеждой и поставила себе на голову:

— Я пойду к колодцу постираю белье, а ты, Реба, отнесешь к общей печи хлеб и лепешки когда они будут готовы: у нас нет огня. Хармий, возьми, пожалуйста, черепки от кувшина и принеси углей.

Общая печь на рынке была похожа на длинный, низкий каменный туннель. Полный, краснолицый пекарь взял лопаткой хлеб и лепешки, принесенные Ребой, и осторожно выложил их на середину печи. Угли, тлеющие в нишах стен, создавали нужную температуру для выпечки.

— Можно мне взять углей? — спросил Хармий после того, как хлеб и лепешки были готовы.

Когда пекарь, наклонившись, стал доставать щипцами угли, на подростка пахну́ло жаром. Пекарь положил угли на черепки и подал Хармию:

— Вот, возьми, — сказал он, вытирая лоб.

Дома Хармий положил угли в печь, затем поломал несколько веток на мелкие кусочки и положил их на угли.

Сосуд для выпечки.

Реба поставила на огонь

бронзовую сковородку, полную коричневых бобов и заправила их луком и специями. Хармий в это время разбросал свежую солому в стойле Декеля, а потом всыпал ему в кормушку по полчерпака ячменя и порезанной соломы.

После обеда все члены семьи, зайдя по-очереди за занавеску, повешенную мамой, помылись мокрой губкой. Хармию больше нравилось купаться в ручье, но это было не всегда возможно. После мытья мальчик натер кожу оливковым маслом и надел белую тунику. Затем накинул новый халат с коричневыми и белыми полосами, недавно сшитый мамой. В субботу он надевал свою самую лучшую одежду.

Началом субботы считалось время захода солнца, поэтому все приготовления должны быть закончены к этому времени.

Служение в синагоге начиналось утром в третьем часу (9 часов утра по нашему времени). В это время священники в храме приносили субботние жертвы.

Хармий сидел с отцом, дядей Халевом и Бенони на мужской половине. Женщины и дети сидели отдельно.

Дядя Халев встал с бóльшим, чем обычно, достоинством, вышел вперед и стал возле сундука, в котором хранились свитки закона. Управляющий (в Библии — начальник) синагоги назначил его для вознесения утренних молитв.

Все присутствующие в собрании повернулись лицом в сторону Иерусалима*. Наступила благоговейная тишина. Дядя Халев начал молиться:

— Благословен Ты, Господь Бог наш, Бог наших отцов...

— Аминь, — сказали все в конце молитвы.

---

* Верные иудеи (в том числе женщины, дети и рабы) в час молитвы всегда обращали свои лица в сторону Святого-святых.

Соблюдение субботы

«Если ты удержишь ногу твою ради субботы от исполнения прихотей твоих во святой день Мой... то будешь иметь радость в Господе...» (Ис. 58:13, 14).

В этот день никому не разрешалось работать, в том числе и рабам (Исх. 20:10, 35:3, Числ. 15:32-38).

В субботу проводилось святое собрание (Лев. 23:2, 3).

Суббота — время для духовного наставления (Втор. 31:13).

В этот день путешествия и торговля были запрещены (Исх. 16:29, Ам. 8:5, Неем. 10:31).

Количество ежедневных жертв в храме удваивалось (Числ. 28:9, 10).

Старые хлебы предложения заменялись новыми (Лев. 24:5-8).

Дядя Халев громким голосом стал произносить стихи из Писания Моисея*:

— *«Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть; и люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею и всеми силами твоими...»* (Втор. 6:4, 5).

— Аминь! — сказали все после того, как он закончил.

Хармий, как и все мужчины в собрании, тоже знал эти слова наизусть. После очередной молитвы дядя Халев вернулся на свое место.

Кожевник Дан был назначен для чтения части закона**. Он, хромая, поднялся по ступенькам на помост, стоявший в передней части синагоги. В его внешности не было ничего необычного. Он был среднего роста, его рыжевато-коричневая борода уже покрылась сединой. Однако Хармия поразило то, с какой любовью он читал Закон. Управляющий синагогой назначил отца для чтения из Пророков. Отец, поднявшись на помост, своим низким голосом выразительно прочитал:

— *«Ибо младенец родился нам; Сын дан нам; владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира»* (Ис. 9:6).

При чтении слов великого пророчества и его объяснения, сердце Хармия было готово выскочить из груди: «Когда же родится Младенец?!»

После чтения из Пророков раввин Ездра сказал проповедь. Его мягкий голос разносился по всей синагоге:

---

* Эти слова, известные как «шема», содержали отрывки из Втор. 6:4-9, 11:13-21 и Числ. 15:37-41. Некоторые историки считают, что эти отрывки произносились в собрании хором.

** Во время чтения из Закона и Пророков текст переводился с еврейского на арамейский (разговорный язык того времени) для тех, кто не понимал еврейского языка.

— Он облек меня в ризы спасения... Да будет благословен Бог, облеченный славой и величием... Он простил грехи Израиля. ... Да будет благословен тот час, когда придет Мессия.

Служение закончилось молитвой. Потом все пришедшие в синагогу отправились домой обедать. После обеда началось еще одно служение. Суббота закончилась с заходом солнца.

На следующее утро, до рассвета, вся семья снова была в винограднике. На этот раз Декель нес в ящиках, притороченных к вьючному седлу, несколько сковородок и много маленьких кувшинчиков.

Глава 9

Тир ищет слугу

Когда в нижней емкости накопилось необходимое количество сока, мама начала делать виноградный сироп. Она налила сок на мелкие сковородки и поставила их возле точила на слабый огонь. Как только сковородки нагреются, сок начнет медленно кипеть, пока не превратится в густой, вязкий сироп.

Всякий раз, когда Хармий слышал запах кипящего сока, его рот наполнялся слюной, а в животе начиналось «урчание». Запасы прошлогоднего сиропа кончились примерно месяц назад, поэтому он не мог дождаться, когда появится новый. Наконец мама сняла сковородки с огня и вылила их содержимое в небольшие сосуды*.

Кипящий виноградный сок, из которого получали виноградный сироп.

Хармий с радостью уселся ужинать. Сегодня

* Виноградный сироп, или «дибс», как его называли в Иудее, не бродил, подобно некипяченому виноградному соку, поэтому его разбавляли водой, чтобы он стал безалкогольным напитком.

мама испекла не тонкие лепешки, а толстые круглые булочки. Подросток вновь и вновь макал хлеб в густой сироп. Перед тем, как идти спать, Хармий проверил поставленную петлю. Он делал это каждый вечер. Иногда по ночам он слышал тявканье лисиц, однако петля оставалась нетронутой. Возле норы и около входа не было свежих следов и новых костей, поэтому Хармий, решив, что лисы вырыли себе другую нору, снял петлю.

Реба и Авий надеялись когда-нибудь увидеть серну, но животных, наверное, спугнули работающие в винограднике люди. Сбор винограда продолжался как обычно. Хармий с радостным усердием давил виноград, когда подходила его очередь. Его ноги уже почти не болели, однако красные пятна становились все темнее и темнее.

Однажды вечером в конце недели отец попросил Хармия помочь ему наполнить несколько кувшинов новым вином.

— В этом году Господь благословил нас обильнее, чем мы ожидали, — заметил отец, осмотрев полные кувшины и мехи. — Нам, наверное, скоро понадобятся новые емкости. Сходи, пожалуйста, к дубильщику и купи еще несколько мехов.

— Хорошо. А сколько купить?

— Семь штук. Если их будет недостаточно, мы потом докупим еще. Поезжай на Декеле, — продолжал отец, — потому что семь мехов будет нести тяжело.

— Но если я заберу Декеля, как ты отнесешь в точило корзины с виноградом?

— Ничего, справлюсь, — сказал папа и глаза его блеснули.

Именно тогда Хармий понял, что отказ от второго осла был для отца гораздо бóльшей жертвой, чем для него самого.

После того, как отец поставил последний полный кувшин к остальным кувшинам, стоящим под смоковницей,

они набрали в новую корзину виноградную мякоть с верхней емкости точила. Отец хотел выдавить из нее последние капли сока. Наполнив корзину, он накрыл ее деревянной крышкой, а сверху положил тяжелый камень. Сок из мякоти был низкого качества, поэтому из него обычно делали уксус.

На следующий день, рано утром, Хармий направился на юг от Хеврона. Он знал, где жил дубильщик кож, хотя редко бывал там. Подойдя к кожевенной мастерской, он зажал нос, потому что из нее доносился резкий, неприятный запах. Именно по этой причине кожевенные мастерские располагались вдали от города.

На поле, возле дома дубильщика, рядами лежали раздутые мехи. Они были похожи на свиней, лежащих на спинах с задранными вверх ногами. Хармий знал, что большинство мехов были сделаны из козьей кожи. Там, где когда-то находились ноги и головы, виднелись туго завязанные узлы. Однако подросток не знал, чем они были наполнены и почему лежали на поле.

Приблизившись к дому дубильщика, осел Декель поднял голову и, ощерившись, закричал: «И-а!». Так он поприветствовал другого осла, привязанного возле хлева. «Иа-иа-иа-иа!» — раздалось в ответ.

Хармий, еще раз взглянув на привязанного осла, узнал его. Это был осел Тира!

Во дворе были слышны два голоса: один громкий и грубый, второй — тихий и недовольный. Хармий был уверен, что громкий и грубый голос принадлежал Тиру, который, очевидно, торговался с хозяином.

Он слез с осла и решил не заходить во двор, а подождать здесь. Он обратил внимание на доски, прислоненные к стене, окружающей двор, на которых висели сохнувшие шкуры. Возле хлева, издавая неприятный запах, лежала куча еще необработанных шкур. Через вход во двор Хармию была видна лежавшая на бревне

шкура козла. Дубильщик только начал соскабливать с нее шерсть*.

Подросток содрогнулся, увидев множество черных мух, летающих над кучей. Мухи были повсюду! Дубление кож считалось нечистой работой и многие иудеи относились к ней с презрением.

Через некоторое время голоса стихли. В низком дверном проеме появился человек в бело-черном полосатом халате. Это был Тир, за которым шел невысокий, коренастый дубильщик. Пожилой гончар нес под мышкой купленный мех для воды. «Если вдруг услышишь, что какому-то молодому человеку нужна работа, дай мне знать, — проворчал он. — Мой слуга вчера ушел от меня. Какой лентяй!».

Эта новость оказалась для Хармия, как удар грома. С тех пор, как он узнал, что отец думает послать его на кого-то работать, он больше всего боялся этого известия. «А что если Тир не найдет слугу до зимы?! Вдруг папа пожалеет его и будет настаивать, чтобы я пошел работать на Тира?!».

Думая об этом, Хармий увидел, что Тир, перед тем, как отвязать осла, погладил его по носу. «Только ты мне и верен», — проворчал он, отводя его в сторону. «Да, тут уж он точно прав, — подумал Хармий, — этому ослу уже около 30 лет. Наверное, это самый старый осел в Хевроне».

Собравшись с мыслями, он подошел к дубильщику.

— Те раздутые кожи в поле вот-вот лопнут. Скажите, пожалуйста, если это не секрет, чем они наполнены?

Дубильщик, подняв голову, засмеялся:

— Дубовой корой и водой.

— Дубовой корой и водой? А зачем?

---

* В древности невыдубленые шкуры смазывали гашеной известью, затем сворачивали и в таком виде оставляли их на некоторое время, чтобы потом можно было легко соскоблить шерсть.

— Не знаю каким образом, но, благодаря этому, кожа сохраняет свою прочность*. Я кладу в шкуру дубовую кору, заливаю ее водой, а затем выношу на солнце. А теперь скажи, что тебе нужно? Ты ведь пришел сюда не затем, чтобы узнать, как дубить кожу?

— Нет, конечно! Отец послал меня купить семь новых мехов для вина. У вас столько найдется?

— Конечно. Подожди немного, сейчас принесу.

Дубильщик направился во двор.

Купив мехи, Хармий повез их на Декеле в виноградник. Его голова была наполнена множеством вопросов: «Разрешит ли мне папа выбрать зимой работу? Когда я начну работать? У кого? Неужели — у Тира?!

Хармию очень хотелось найти на них ответы. Он сильно переживал, потому что не знал никакого другого человека, кроме Тира, на которого бы он работал зимой.

Придя в виноградник, Хармий увидел, что отец уже готов наполнять мехи вином.

— Подержи, пожалуйста, мех, пока я буду наливать в него вино, — попросил отец.

Даже если отец и заметил беспокойство на лице сына, он не стал его об этом спрашивать. Хармий взялся за края отверстия там, где раньше была шея, и отец стал наливать из кувшина перебродившее вино. Юноша несколько раз глубоко вздохнул, чтобы успокоиться, но, несмотря на это, его сердце все также беспокойно колотилось.

— А мне можно будет участвовать в обсуждении моего будущего места работы? — выдавил, наконец, из себя Хармий, стараясь говорить обычным голосом.

Отец поставил пустой кувшин и, глядя в лицо сына, спросил:

---

* Дубовая кора в соединении с водой выделяет дубильные вещества, предохраняющие кожу от разложения. И сегодня эти ее свойства используются при обработке кож.

— А почему ты спрашиваешь? Тебе что-то предложили?

— Вообще-то... нет... просто... просто есть некоторые места, где мне бы не хотелось работать!

— Где, например?

— В мастерской Тира! Когда я пришел к дубильщику, там уже был Тир. Он сказал, что ищет нового слугу, потому что прежний вчера ушел. Если бы у меня был выбор, то я бы никогда не работал на Тира!

В черных немигающих глазах Хармия застыл страх.

Отец мягко улыбнулся:

— Да, я понимаю, почему ты не хочешь работать на Тира. И мне этого не хочется, уверяю тебя. Однако, думаю, что самостоятельно искать работу — слишком ответственная задача для твоего возраста.

Хармию показалось, что с его плеч, сердца и разума спал тяжелый груз. Он крепче взялся за края меха, пока отец выливал туда очередной кувшин.

— А ты уже подыскал мне работу? — спросил он.

Ему очень хотелось услышать положительный ответ.

— Нет, я не хотел планировать так далеко вперед, но я не пошлю тебя туда, где тебе будет страшно.

Голос отца был твердым и успокаивающим.

— А с кем ты хочешь договориться?

— Чтобы не разочаровывать тебя, если вдруг что-то не получится, я скажу тебе о результате только после того, как все решу.

Хармий вспомнил вечер, когда узнал, что ослика не будет, и ему стало ясно, что отец понял тогда всю глубину его разочарования. Теперь он сожалел, что с такой неохотой примирился с происшедшим.

Отец, крепко обвязав горлышко меха веревкой, положил его под смоковницу. Затем они стали наполнять следующий мех. «Папа, наверное, планирует нечто особенное», — думал Хармий, стараясь себе это представить.

Ему нравился Дан, но у него никогда не было слуги. У медника был дедушкин характер, но все его слуги были взрослыми искусными мастерами. «Как бы там ни было, надеюсь, что все получится!», — Хармий не хотел даже думать, что, возможно, ничего не выйдет.

Слегка волнуясь, он спросил:

— А это случится этой зимой?

— Нет, после осеннего урожая, вспашки и посева ты будешь снова плести веревки. Я отдам тебя на работу зимой, когда тебе исполнится четырнадцать лет. Сейчас ты еще слишком мал для того места, о котором я думаю.

Хармию не очень нравилось плести веревки, однако он не считал это поводом для недовольства и был согласен делать это еще одну зиму. По крайней мере, это лучше, чем работать на Тира!

Отец положил под деревом еще один полный мех.

— А что касается Тира, — сказал он Хармию, — то к нему надо относиться с пониманием. Если бы ты почаще общался с ним, то понял бы, что он не такой злой, как тебе кажется, и, может, перестал бы его бояться.

Хармий усмехнулся.

— А почему ты решил, что я его боюсь?

— Я заметил, с какой неохотой ты идешь к нему в мастерскую, и с какой радостью пошел бы к кому-то другому.

— Да, так оно и есть, — помолчав, признался Хармий.

Хармий впервые задумался над тем, что чувствует Тир, зная, что окружающие не любят с ним общаться. «Наверное, то же самое, что чувствовал бы и я», — внезапно понял он.

— Завтра мы начнем перевозить домой вино и виноградный сироп, — сказал ему отец после того, как они наполнили четвертый мех. — На следующей неделе мы спрессуем изюм и тоже отвезем его домой.

Поскольку все остальные члены семейства были заняты сбором винограда, давить виноград, засыпанный в верхнюю емкость, пришлось отцу с Хармием. Во время работы подросток пытался вспомнить, каким было хранилище прошлогоднего урожая. Со стропил свисали ряды мехов с вином, под ними стояли кувшины с ячменем, пшеницей, смоквами, виноградным сиропом, изюмом и вином. Он знал, что вино из кувшина намного лучше, чем из меха. Несмотря на это, измаилитские торговцы предпочитали покупать вино в мехах. Эти крепкие, выносливые люди кочевали на верблюдах по пустыне. Во время кочевий предметы домашнего обихода могли легко повреждаться, поэтому они предпочитали небьющиеся емкости.

И хотя Хармию нравилось собирать виноград, в последнее время эта работа стала надоедать ему. Караван измаилитских торговцев был бы очень кстати.

Глава 10

Караван идет

— Караван идет!

Новости распространялись мгновенно, с одной крыши на другую. Женщины и девочки, услышав об этом, торопливо заканчивали молоть зерно. Когда приходил караван, все спешили на рынок, потому что там можно было не только купить товары из других стран, но и услышать «заморские» новости.

Рынок располагался на широкой улице, на которой кру́гом стояли различные лавки. Для большего удобства место для него обычно выбиралось возле городских ворот.

Хармий с отцом навьючили на Декеля большие кувшины с изюмом и кувшины поменьше — с виноградным сиропом. На рынке они расстелили тростниковое покрывало, а сверху поставили шалаш из четырех шестов, накрытых палаточным полотном.

— Ты расставляй кувшины рядами, а я привезу еще несколько мехов вина, — распорядился отец. — Давай, Декель, вперед.

Справившись с поручением, Хармий стал рассматривать рынок. Он увидел плотника Иамина, раскладывавшего на покрывале перед своей лавкой вилы и другие

деревянные инструменты. Земледельцы привезли чечевицу, фасоль, гранаты и пшеницу. Виноградари, как и его отец, — продукцию из винограда. Несколько женщин пришли продать хлеб, медовые булки, сыр и яйца. Другие принесли одежду или сплетенные корзины.

Хармий быстрым взглядом своих черных глаз смотрел то на рынок, то на перекресток, откуда должен был появиться отец. Подростку хотелось, чтобы он вернулся до того, как придет караван. Заслонив глаза от солнца рукой, Хармий посмотрел на юг в сторону Вирсавии. Каравана все еще не было.

На рынок со всех сторон сходились женщины с корзинами в руках. Дети играли на свободных местах. У всех было приподнятое настроение.

Хармий заметил, что между лавочниками, сидящими со своими товарами, идет Тир со своим ослом. «Он чем-то очень доволен и даже улыбается. Интересно, ему хорошо, потому что всем хорошо, или потому что приближается караван?!».

Потом Хармий увидел, что за Тиром идет высокий худощавый молодой человек, которого он раньше никогда не видел. «Понятно, почему ему так хорошо: он нашел себе нового слугу!».

Хармий знал, что на рынок часто приходили те, кто хотел найти работу.

В это время вернулся отец с мехами вина. Вместе с ним пришла вся семья. Мама принесла две полные корзины с изюмовыми лепешками. Авий помогал Ребе нести сплетенные ею корзины.

— Я могу идти? — спросил Хармий.

— Да, а я буду заниматься продажей, — ответил папа.

Хармий побежал к радостно возбужденным детям, толпившимся возле южных ворот. Но еще не добежав, он увидел, что все дети внезапно подались назад. В воротах

показался высокий смуглый шейх, который вел за повод белого верблюда в серебряных украшениях, звеневших при каждом его шаге. Сам шейх был в красном тюрбане и белом халате, а в ушах у него сверкали золотые серьги. «Посмотрите на него, он, наверное, богатый», — крикнул Бенони.

За шейхом шли другие торговцы, одетые попроще. Они вели коричневых верблюдов. На некоторых из них были отполированные бронзовые украшения такие же красивые, как и золотые.

«Икк - икк!», — крикнул торговец в красном тюрбане, требуя, чтобы верблюд стал на колени. Недовольно ворча, белый верблюд послушался. «Икк - икк!», — крикнул идущий за ним торговец. С явным неудовольствием его верблюд тоже стал на колени.

Хармий с восхищением наблюдал, как торговцы снимают свой товар с верблюдов. Стоило им развязать несколько узлов на вьючных седлах, как груз оказался на земле.

Затем началась торговля. Измаильтяне привезли из пустыни шерсть и кожу, чтобы продать или обменять ее на сельскохозяйственные продукты. Они также привезли восточные специи, стеклянные украшения и небольшие стеклянные сосуды из Египта.

Хармий и Бенони бродили по рынку. Бенони нес корзину с деревянными чашками и предлагал их торговцам. Однако те не спешили покупать их. «Ладно, я продам их позже, — сказал Бенони, подняв голову. — Хармий, давай развлечемся».

Карие глаза Бенони загорелись озорством, когда он, взяв Хармия за руку, повел его в конец рынка.

Хармий высвободил руку.

— Что ты собираешься делать?

— Ты просто смотри, — ответил двоюродный брат.

Хармий пошел за ним из любопытства.

Бенони нашел верблюда, лежавшего чуть в сторонке.

— Это как раз то, что я искал, — сказал он, оглянувшись по сторонам. — Хорошо, что никого из торговцев нет поблизости.

Он поставил корзину и достал из-под накидки свою стамеску.

— Хочешь посмотреть, как он вздрогнет?

— Не надо — хрипло прошептал Хармий.

Бенони, сделав вид, что не слышит, ткнул верблюда стамеской в бок.

Верблюд, не переставая жевать жвачку, махнул хвостом, словно отгонял мух.

— Лучше перестань, — сказал Хармий, отступив назад. — Верблюды могут разозлиться и укусить.

— А я не боюсь, — хвастливо заявил Бенони. — Он не дотянется до меня.

Он ткнул животное еще сильнее.

Верблюд снова махнул хвостом и повернул голову в их сторону.

— Пожалуйста, оставь его в покое, — упрашивал Хармий брата, отступив еще дальше.

Когда Бенони приготовился ткнуть верблюда еще раз, тот повернул голову и плюнул в его сторону дурно пахнущей слюной.

Бенони быстро отпрыгнул назад.

— Ты... ты...

Он погрозил верблюду кулаком.

Вдруг подростки услышали гневные крики и, оглянувшись, увидели, что к ним, размахивая руками и что-то крича на непонятном языке, бежит торговец.

Мальчики поспешно спрятались за ближайшую лавку. Бенони тихо заливался смехом.

— Вот повеселились, правда? — сказал он Хармию.

Однако Хармий, прикусив губу, хмуро промолчал: ему совершенно не нравилось такое «веселье».

Через некоторое время Бенони закричал:

— Моя корзина! Я оставил ее возле верблюда.

Он выглянул из-за угла лавки.

— Торговец уже ушел. Идем заберем корзину!

Они осторожно прокрались к верблюду, возле которого Бенони оставил корзину, но ее не было!

— Что же мне теперь делать?! — растерянно сказал Бенони.

— Хорошо же ты «повеселился»! — тихо заметил Хармий.

Бенони пожал плечами.

— Торговец — негодяй! Чашки, предположим, я сделаю, но это была мамина корзина. Она спросит, что случилось, и мне придется все ей рассказать.

— Посмотри хорошенько вокруг, может, найдешь вора, — посоветовал ему Хармий.

— Хорошая идея, — обрадовано согласился Бенони. Заслонив рукой глаза от солнца, он начал всматриваться в каждого торговца. — Вот он, — крикнул Бенони и побежал за измаильтянином в коричневом халате, который нес его корзину.

Хармию больше не хотелось неприятностей, поэтому он направился к отцу. По дороге его остановил торговец в красном тюрбане.

— Ты не мог бы починить мне этот ремень? — отрывисто спросил он.

Хармий взял ремень.

— Думаю, что смогу, — тихо сказал он.

— Тогда сделай это побыстрее, — попросил торговец.

Хармий, быстро протиснувшись сквозь толпу, побежал к мастерской кожевника Дана, но сразу понял, что там его нет. «Наверное, он на рынке, — предположил Хармий, остановившись в растерянности. — Попробую сам», — решил он.

На рабочем столе Дана лежали куски кожи и инструменты. Сначала Хармий нашел шило, потом впритык сложил концы ремня, а сверху наложил кусок кожи, как это обычно делал дедушка. По краям он сделал шилом маленькие дырочки. Потом взял костяную иглу Дана (единственное, что он смог найти) и сшил концы. С каждой минутой он все больше и больше радовался результату своей работы. Но как только он завязал последний узел, игла сломалась. «Ох, нет, нет!», — воскликнул в смятении Хармий.

Когда он клал сломанную иглу на место, его руки дрожали. Чувство удовлетворения пропало. Теперь, вместо того, чтобы бежать на рынок, он пошел туда неспеша.

Торговец в красном тюрбане привязывал мех с вином к вьючному седлу, когда к нему подошел Хармий.

— Вот ваш ремень, — сказал он тихо.

Золотые серьги торговца зазвенели, когда он, наклонившись, посмотрел на ремень.

— Ты сам починил его? — спросил он.

— Д-да, — нерешительно ответил Хармий.

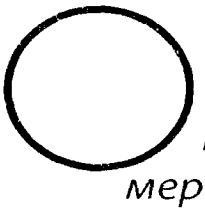
Торговец засунул руку в кожаную сумку и достал две бронзовые монеты.

— Молодец, — похвалил он.

Некоторое время Хармий молча смотрел на деньги в

Кодрант

За один трудовой день платили примерно 13 кодрантов.



Настоящий размер кондранта.

своей руке. Два кодранта за починку ремня?! Он вообще не ожидал, что ему заплатят.

— Спасибо, — радостно сказал он и положил деньги в кошелек.

В то же время Хармий, направляясь к отцовской лавке, ощущал на душе тяжесть: ему казалось, что это не его деньги. «Может, мне заплатить Дану за иглу, — размышлял он, — хотя он никогда не узнает, кто ее сломал. Тем более, что я этого не хотел».

Хармий никак не мог успокоиться. Ему не хотелось терять расположение Дана, который был особенно внимателен к нему и его сверстникам и часто рассказывал им интересные истории. «Спрошу, что думает об этом папа», — решил Хармий.

На рынке оставалось немного местных жителей, потому что основная масса людей в самое жаркое время дня отправилась по домам. Верблюды хором выражали свое недовольство тем, что торговцы били их по задней части головы, но все же один за другим начали подниматься на ноги. Их владельцы присоединялись к каравану, который собирался за городскими воротами.

Хармий подошел к отцу как раз в тот момент, когда тот ставил сумку с шерстью в один из ящиков на спине Декеля.

— Ты продал все, что мы привезли? — спросил Хармий.

— Нет. Осталось три кувшина с изюмом. По дороге домой мы зайдем в мастерскую Тира и отдадим один кувшин ему. До конца зимы через наш город пройдут еще несколько караванов, поэтому я думаю, что мы продадим оставшееся, — добавил он.

— Ты видел того молодого парня с Тиром? — спросил Хармий.

— Да, видел.

— Кто он? Откуда? Он работает на Тира?

Папа улыбнулся:

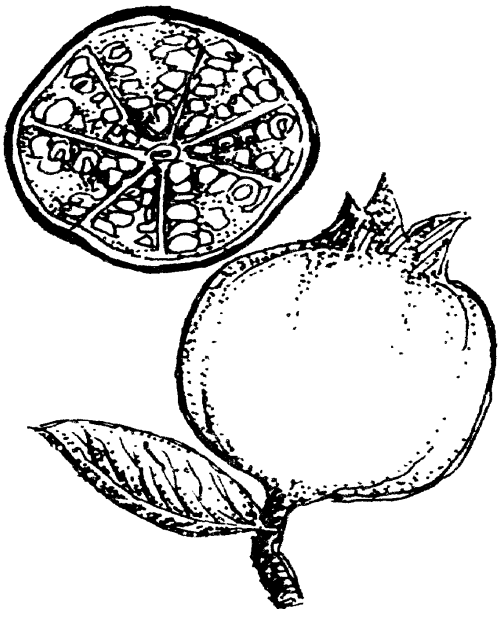
— Мне бы тоже хотелось это узнать. Если Тир будет дома, то мы спросим его об этом.

Отец взял поводок Декеля и, указав на корзину с гранатами, стоявшую рядом с ослом, попросил Хармия:

— Принеси, пожалуйста, корзину.

Хармий взял корзину за ручки.

— Вкуснятина! Мне так нравятся гранаты! Хорошо, что ты их купил!



Гранаты — плоды гранатового дерева величиной до 10 см в красной плотной кожуре. Их хрустящие белые семена покрыты сочной мякотью обычно темно-красного цвета и имеют освежающий, кисло-сладкий вкус.

По дороге домой он рассказал отцу о сломанной игле.

— И вот что дал мне торговец!

Хармий показал ему кодранты.

— Если мы сломаем или разобьем то, что принадлежит другому человеку, то должны либо отдать такой же предмет, либо заплатить за него, — доброжелательно напомнил ему папа.

— Я знал, что ты скажешь именно это, — сказал Хармий.

— Тпру, Декель! — остановил отец осла.

Он потянул веревку и стал, позволяя людям перейти улицу. Хармий задумчиво рассматривал деньги в своей руке.

— Завтра у меня день рождения, — напомнил он отцу. — Может быть, подождать до следующей недели?

Он с нетерпением ждал того момента, когда ему

исполнится тринадцать лет, и ему очень не хотелось, чтобы что-то неприятное омрачило этот день.

Папа понимающе улыбнулся.

— Я думаю, что тебе лучше сразу заплатить Дану, т.е. сегодня или завтра утром.

Посмотрев в отцовские глаза, Хармий кивнул головой в знак согласия, не чувствуя облегчения в своем сердце.

— А можно зайти к Дану после того, как сходим к Тиру? — спросил он.

— Да. Мне кажется, что ты сможешь все объяснить Дану. Вообще не следует брать чужие инструменты без разрешения, но, мне кажется, что в этом случае Дан не будет сердиться.

Когда отец был рядом, Хармий совсем не боялся Тира, поэтому, когда того не оказалось дома и они не смогли отдать ему изюм, он даже слегка огорчился.

Дана тоже не было дома. Хармий поник. Как досадно, что это придется сделать в день рождения!

Глава 11

Хармий платит за иглу

Несмотря на свои переживания, после восхода солнца Хармий сразу же пошел в мастерскую Дана, чтобы заплатить за сломанную иглу. Подросток не боялся кожевника, однако не знал, как Дан отнесется к тому, что в его отсутствие кто-то пользовался его инструментами.

Придя в мастерскую Дана, Хармий увидел там понурого Бенони, который стоял, облокотившись на рабочий стол. Что-то было не так, потому что Бенони выглядел подавленным и унылым. В чем дело? Хармий никогда не видел своего двоюродного брата в таком состоянии и не мог даже предположить, что было тому причиной.

Дан поднял голову и поздоровался с Хармием.

— Приветствую, молодой человек! Что привело тебя в такую рань? — Не дожидаясь ответа, он сообщил: — Бенони только что рассказал мне о своих чашках.

Хармий посмотрел на Бенони и ему стало интересно: все ли он рассказал.

Дан между тем продолжал:

— За этими торговцами нужен глаз да глаз, потому что некоторые из них очень хитрые воры.

Хармий, переложив деньги из одной руки в другую, откашлялся, но Дан не дал ему заговорить:

— Один человек в коричневом халате и белом тюрбане рассматривал мои сандалии. Затем, когда я на минуточку повернулся к другому покупателю... — Дан щелкнул пальцами, — человек тут же исчез вместе с моими сандалиями.

— Большинство торговцев были одеты одинаково, — с горечью заметил Бенони, — поэтому я не понял, кто из них забрал мою корзину.

— Но вора, который украл мои сандалии, я бы сразу узнал, — заявил Дан. — Его напряженное, как у хищника, лицо забыть невозможно.

— Вам удалось забрать свои сандалии? — тихо поинтересовался Бенони.

— Нет, это было бесполезно. Вор всегда будет обманывать, чтобы защитить себя. Я ничего не смог бы доказать.

— Почему вы так уверены, что это был именно он? — спросил Хармий, забывая о причине своего прихода в мастерскую Дана.

— Возле моей лавки был только Иамин, но я точно знаю, что это был не он. Некоторые люди прибегают к разным ухищрениям, чтобы обмануть тебя даже тогда, когда ты смотришь на них, однако Иамин не из тех людей. Я никогда не слышал, чтобы он кого-то обманул. Это был измаилитский негодяй. Хорошо, что не все они такие, как он. Бенони, вот твое ведро.

Бенони медленно распрямился и взял починенное ведро.

— Мне нужно идти, — сказал он и, не оглядываясь, вышел.

— До вечера — крикнул ему вслед Хармий, недоумевая о причине подавленности Бенони. Неужели все дело в украденных чашках?

— Ну, а теперь говори, чем я могу тебе помочь? — обратился Дан к Хармию.

Любовь Дана к честности придала Хармию смелости и он деловито положил на стол монету.

— Я п-поломал одну из ваших игл и пришел заплатить за нее.

— Так это был ты!

Дан, казалось, не был расстроен и даже не обратил внимания на монету.

— Я знал, что кто-то был в мастерской, потому что инструменты лежали не так, как я их оставил, — при этом он аккуратно разложил некоторые из них, — а затем я нашел поломанную иглу. Мне бы хотелось узнать, что произошло, если ты не возражаешь.

Хармий успокоился, потому что теперь знал, что Дан все поймет.

— Вчера шейх попросил меня починить ремень, — начал он, и рассказал, как все было.

— Все в порядке, — заверил его Дан. — Это была старая игла, и я редко ею пользовался.

Дан подвинул кодрант по направлению к Хармию.

— Ты мне ничего не должен. Мне все равно больше нравятся бронзовые, а не костяные иглы.

Он указал на кусок кожи, в которую были воткнуты несколько блестящих игл.

— Я все-таки думаю, что вы должны получить свою долю, — сказал Хармий, собираясь уходить.

— Постой! Здесь больше, чем моя доля.

Дан продолжал сидеть, уставившись на монету, затем хлопнул себя по колену и встал.

— Я знаю, что нужно сделать, чтобы мы были квиты.

Хармий посмотрел вслед Дану, который, хромая, пошел в другой конец мастерской. Его голова то поднималась, то опускалась из-за его хромоты.

Порывшись среди обрывков кожи, он нашел то, что искал. Вернувшись, он сел на скамейку и положил на

стол два куска козьей кожи.

— Тебе бы хотелось иметь кожаную сумку? У тебя ведь нет сумки?

Хармий молчал.

— Или, может, тебе хочется что-то другое? — допытывался Дан.

— Пращу — вырвалось у Хармия.

Дан расхохотался на всю мастерскую.

— Конечно, как я мог забыть: каждый мальчик хочет пращу!

Он искусно отрезал от одного куска кожаную полоску, затем оторвал кусок шнура с мотка на своем рабочем столе. Через несколько минут праща была готова.

— Вот, держи, — сказал Дан, передавая ее Хармию.

— Спасибо!

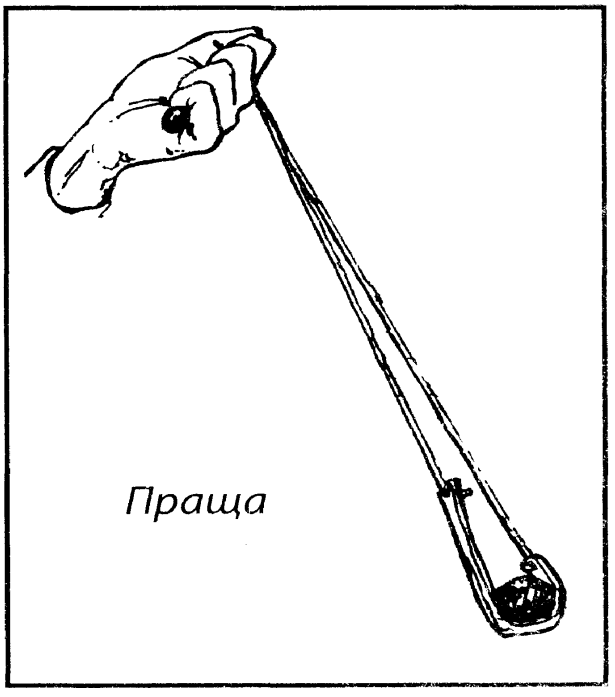
Хармий держал пращу за концы шнура и раскручивал ее над головой. Он не ожидал, что его встреча с Даном окажется такой приятной!

— Кожи хватит еще и на сумку, — заметил Дан. — Что скажешь?

Хармий подошел к рабочему столу и взглянул на черную кожу.

— Но это...

— Да, это всего лишь куски, — подтвердил Дан. — Если твои родители не будут возражать, то можешь принести их мне зимой, когда земля будет еще слишком влажной, чтобы работать в поле, и мы вместе пошьем тебе сумку.



Праща

Хармий снова поблагодарил и взял куски кожи. На его губах появилась улыбка,

потому что общение с кожевником совсем не испортило его день рождения! Он шел по улице, слыша задушевное пение, доносившееся из мастерской Дана. Подростку стало понятно, что кожевник любит делать добро.

— Мама, ты не будешь возражать, если когда-нибудь зимой Дан поможет мне пошить сумку? — спросил он, заходя во двор. — Он дал мне для нее вот эту кожу.

Мама отступила от печи.

— Конечно, я не против, — ответила она.

Хармий наблюдал, как мама подбрасывает хворост в нижнее отверстие печи. На день рождения Хармия решили пригласить семью дяди Халева, поэтому мама была занята приготовлением праздничного стола.

— Мне бы очень хотелось отметить мой день рождения на крыше, если можно, — попросил Хармий, осторожно уложив оставшийся кодрант и куски кожи в сундук с одеялами.

— Хорошо, — согласилась мама, — так и сделаем, если не будет пыльной бури. Вчера вечером был очень сильный ветер. Если хочешь отмечать день рождения на крыше, позови Авия и вместе подметите ее.

Реба, замешивая тесто, сказала:

— Жду не дождусь, чтобы пошел дождь! В доме так пыльно.

В Иудее во время сухих сезонов было очень много пыли, а она очень не любила этого.

Хармий и Авий несколько раз подмели крышу влажными вениками, а затем помогли маме и Ребе в уборке дома.

В тот день погода была хорошей. Ближе к вечеру мальчики расстелили на крыше ковры, чтобы на них могли сидеть гости и члены семьи. Папа, вернувшись с виноградника, отнес на крышу низкий столик.

К приходу семьи дяди Халева все было готово. Мама поставила на стол пышущую паром кастрюлю

с перепелами, а Реба — кастрюлю с мясным бульоном. Остальные члены семьи принесли наверх чечевицу, свежие пшеничные хлебцы, медовые лепешки и полную миску с гранатами и поздним виноградом. Это был действительно праздничный ужин, потому что семья Хармия ела мясо только во время особых событий.

Дядя Халев вознес молитву благодарения и мужчины начали есть. Хармий взял перепелиную косточку с мясом — очень вкусно! Мясо было очень нежным и прямо спадало с кости.

Папа не спеша обмакнул кусок хлеба в мясной бульон и съел его, а затем, повернувшись к дяде Халеву, сказал:.

— Вчера с Тиром был высокий молодой человек не из наших краев. Ты случайно не знаешь, кто это?

— Его зовут Гадар. Кенан говорит, что он из местности, что находится южнее Вирсавии.

— Южнее Вирсавии? — переспросил папа. — Он был пастухом?

— Да, — сказал Кенан. — Он пас овец у своего отца, а теперь хочет пожить в городе, потому что ему надоело тяжело работать за низкую плату.

— Он собирается работать на Тира? — задал Хармий самый болезненный для него вопрос.

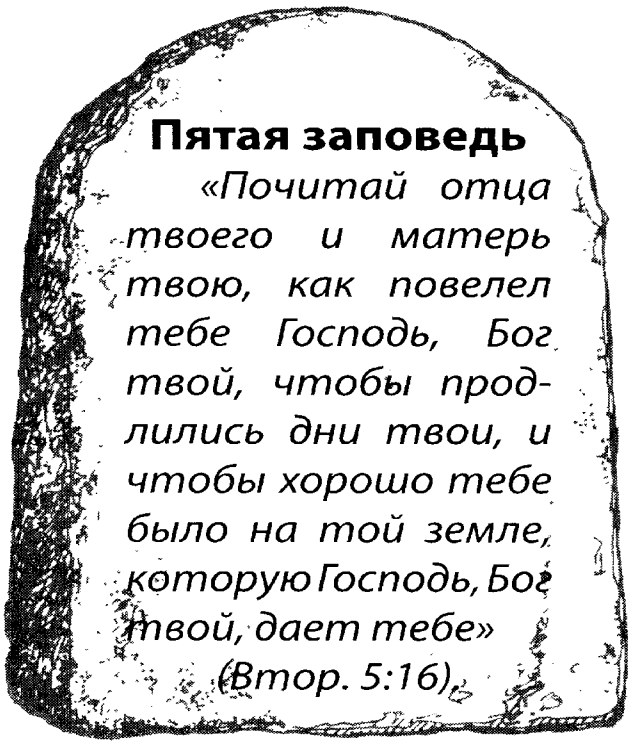
— Насколько я понял, да, — ответил Кенан.

— Мне кажется, что ему скоро надоест работать и на Тира, — добавил дядя Халев, — особенно, если он ищет легкой жизни.

— Тир платит справедливо согласно расценкам среди гончаров, — вставил папа, — но мне кажется, что Гадар вскоре поймет, что гончарное дело никого не сделало богатым в Хевроне.

— А сколько лет Гадару? — поинтересовался Хармий.

— Семнадцать, — ответил Кенан.



— А мне показалось, что он старше. Он ушел из дома? — спросил Хармий.

В его широко открытых карих глазах застыло удивление.

Кенан серьезно ответил:

— Похоже на то. Он говорил, что отец очень просил его не уходить, но он все же ушел.

— Все это очень печально, — папа с сожалением покачал головой. — Закон Божий повелевает, чтобы дети почитали своих родителей, а автор Притч прямо говорит, что только глупый пренебрегает наставлением отца своего. Интересно, знает ли об этом Гадар?

— Возможно, отец никогда не учил его соблюдать заповеди Божьи, — сказал дядя Халев.

— Может быть. Однако если он будет посещать служения в синагоге, то у него будет возможность усвоить закон, — заметил отец.

Все, кто изучал закон Моисея, прекрасно знали, что Бог благословляет только тех, кто соблюдает Его заповеди.

Мужчины обсуждали новости, услышанные на рынке, и наслаждались вкусной едой. Хармий разломил гранат и попробовал сочную мякоть на хрустящих белых семенах. Ему было интересно, почему Бенони, всегда такой разговорчивый, сидел тихо.

После еды все мужчины помолились. Теперь наступило время для женщин.

— Бенони, что с тобой? — спросил Хармий, когда они

остались вдвоем на углу крыши.

Бенони поставил ногу на низкий парапет, который тянулся по периметру крыши, и посмотрел на Хеврон.

— Сегодня утром ты был очень расстроен, — настаивал на ответе Хармий.

Бенони деланно засмеялся.

— Вообще-то, да. Папа, оказывается, видел то, что я сделал на рынке. Он сказал, что раз я не умею пользоваться стамеской, то он ее заберет на некоторое время.

Вот в чем дело!

— А ты забрал корзину?

— Нет. Когда я догнал того торговца с корзиной в руке, то понял, что это была не моя корзина. Ну, а чашки были не такие уж хорошие, чтобы продавать их на рынке, — смиренно признался Бенони. — Хотя, — ободрился он, — когда-нибудь я, может быть, стану хорошим плотником.

Они стали наблюдать, как Авий играл на улице с бродячей собакой. Вскоре вернулись мама и Реба. Они несли на плечах кувшины с водой из городского колодца. Водосборники в Хевроне были пустыми, поэтому носить воду было одной из их ежедневных обязанностей.

На вечернем небе сверкнула молния — признак наступления сезона дождей. Мальчики обрадовались: скоро не будет иссушающей летней жары. Показались первые звезды.

— А что ты делал в мастерской Дана сегодня утром? — спросил Бенони.

Хармий рассказал ему о починке ремня и сломанной игле.

— Я видел, как ты дал что-то тому торговцу, который вел себя как царь. Наверное, он хорошо заплатил тебе за работу?

Хармий кивнул головой.

— Дан сказал, что игла не стоила даже кодранта,

когда я ему пытался заплатить, поэтому, посмотри, что он сделал для меня.

Хармий вытянул из-под своего халата пращу и подал ее Бенони.

— Мне тоже хочется иметь такую, — воскликнул Бенони, размахивая ею над головой. — Если бы мы были не в городе, то можно было бы испытать ее.

Бенони не успел наиграться пращей, как уже надо было возвращаться домой.

После того, как семья дяди Халева ушла, отец, оставшись наедине с Хармием во дворе, спросил:

— Бенони был очень подавленным. Это не ты его расстроил?

— Насколько я знаю, нет. Наверное, он расстроился потому, что дядя Халев забрал у него стамеску.

Хармий рассказал о случившемся с Бенони на рынке.

Отец глубоко вздохнул.

— Надеюсь, что ты уже достаточно взрослый и поймешь, что я хочу тебе сейчас рассказать. Дядя Халев недавно говорил со мной о поведении Бенони. Из-за того, что он был занят продажей оливкового масла торговцам из других стран, его сын несколько лет оставался почти без отцовского присмотра и в основном делал все, что ему вздумается. Все это плохо сказалось на Бенони.

— Ты хочешь сказать, что он такой сердитый, потому что привык всегда делать то, что ему нравится? — спросил Хармий.

— Боюсь, что да, — подумав, ответил папа. — Дядя Халев не должен позволять Бенони вести себя так. Это все равно, что причинить вред чужому животному или даже хуже того. Если дети не научатся с радостью повиноваться своим родителям, то с возрастом им, вероятнее всего, будет трудно исполнять законы Божьи. Надеюсь, что дядя Халев впредь будет более серьезно относиться

к воспитанию Бенони, потому что он еще очень молод.

Перед сном Хармий показал папе куски кожи.

— Ну что ж, попробуй чему-нибудь научиться, когда будешь вместе с Даном шить сумку, — сказал папа. — Умение работать с кожей может тебе когда-нибудь пригодиться.

Глава 12

Праздник кущей

День был солнечный и ясный. Казалось, что мир очистился и стал новым, потому что осенние дожди (в Библии — «ранние») смыли всю пыль. Хармий и Бенони вместе с другими паломниками распевали гимны хвалы. День очищения (день поста и покаяния) уже минул и теперь они направлялись в Иерусалим на праздник кущей.

Днем группа мальчиков оказалась впереди всех. Внезапно Хармий, остановившись, указал на черное животное, наполовину спрятавшееся в узкой расселине.

— Там заблудившийся козел, — закричал он.

Некоторые мальчики остановились, чтобы посмотреть на козла.

— Он, наверное, проголодался, — сказал Бенони, заметив, что козел обгрызал голые ветки низкого куста, т.к. холмы еще не покрылись зеленью после ранних дождей.

Авий протиснулся между старшими ребятами, чтобы тоже посмотреть на козла.

— Может, это козел отпущения? — предположил он.

— Нет, это не он, — подумав, ответил Хармий.

— А почему нет? — настаивал Авий. — Он тут сам по себе.

На седьмой месяц по иудейскому календарю отмечалось три важных события:
1 день — праздник труб (Числ. 29:1-6)
10 день — день очищения (Числ. 29:7-11)
Дни от 15 до 22 числа — праздник кущей (Числ. 29:12-40)

— Потому что козла отпущения отводят в пустыню, где никого нет, — объяснил Хармий. — Это так далеко, что козел никогда не найдет дороги обратно. Да никому и не хочется, чтобы он возвращался, потому что он унес наши грехи.

Авий неуверенно кивнул головой.

— А вот и папа. Спроси у него, — предложил Хармий.

Старшие мальчики пошли дальше, оставив Авия со взрослыми. Через некоторое время один из мальчиков указал на холм.

— Посмотрите! Дикие собаки что-то едят! Похоже, что они очень голодные, хотя не видно, что именно они едят!

— Давайте их прогоним, — предложил кто-то.

Бенони и некоторые мальчики начали бросать в собак камни. Две желтовато-коричневые собаки зарычали и отступили назад. Однако большая серая собака, похожая на волка, грозно зарычала и продолжала неподвижно стоять над добычей.

— Бенони, оставь собак в покое — приказал дядя Халев, увидев происходящее. — Не злите их, а то они могут наброситься на вас.

Бенони выбросил камень.

— И больше не вырывайтесь вперед, — велел отец Хармию.

Другие отцы сказали то же самое.

Переходя через следующий холм, паломники встретили пастуха.

— Никто из вас не видел заблудившегося козла? — спросил он. — Дикие собаки распугали мое стадо и загрызли козленка, — объяснил пастух. — Кроме того, пропал взрослый козел.

— Мы видели козла в расселине, мимо которой прошли, слева от дороги, — сказал ему Хармий. — А на другой стороне дороги были дикие собаки.

Пастух прищурил глаза.

— А там была серая собака, похожая на волка?

— Да.

— Это она, — пастух достал из заплечной сумки камень. — На этот раз я ее убью — сказал он. — В прошлый раз я промахнулся.

Он быстро пошел по дороге, а за ним потянулось стадо.

После этого разговора Хармий шел рядом с отцом. Когда они обсуждали последние события в Хевроне, между ними ощутимо вырастало чувство взаимопонимания.

— Ты знаешь, что Гадару уже надоело работать на Тира? — спросил Хармий.

— Я не слышал, но меня это не удивляет. Если он бросит эту работу, то, надеюсь, вернется домой вместо того, чтобы снова искать работу.

Хармий был спокоен, т.к. знал, что отец не отдаст его на работу к Тиру. В последнее время его беспокоило другое: «Что означали слова папы, когда я показал ему куски кожи, которые дал мне Дан? Неужели он хочет, чтобы я работал на Дана?».

Это радовало его, потому что работать на кожевника казалось ему самым приятным занятием в Хевроне.

— Что если я буду работать на Дана? — с надеждой спросил он отца.

Отец какое-то время молчал, а затем серьезно ответил:

— Да, это было бы в каком-то смысле хорошо, но, мне

кажется, что ему не нужен слуга. Я обязательно скажу тебе, когда найду что-то подходящее. Просто потерпи немного.

Своим тоном он дал понять, что эта тема закрыта для обсуждения. Вместо этого они начали говорить об истории своего народа. Это была любимая тема их разговоров.

— Посмотрите на эти шалаши (кущи), — воскликнул изумленный Авий после двухдневной дороги.

В оливковых садах за стенами Иерусалима было уже поставлено множество шалашей, однако мужчины продолжали строить новые.

— Папа, как ты думаешь, сколько людей придет в Иерусалим на праздник?

— Наверное, больше двух миллионов.

Хармий заметил, что в самом Иерусалиме тоже везде были шалаши: на улицах, площадях, на крышах домов и, наверное, во дворах, хотя их не было видно.

— Мир всем вам, — поприветствовала бабушка семьи дяди Халева и Хармия. Восполнив нужды гостей, она сказала мальчикам:

— Дедушки сейчас нет, он пошел за ивовыми прутьями.

Затем она указала рукой на кучу жердей, пальмовых листьев и оливковых ветвей, лежащих возле ступенек.

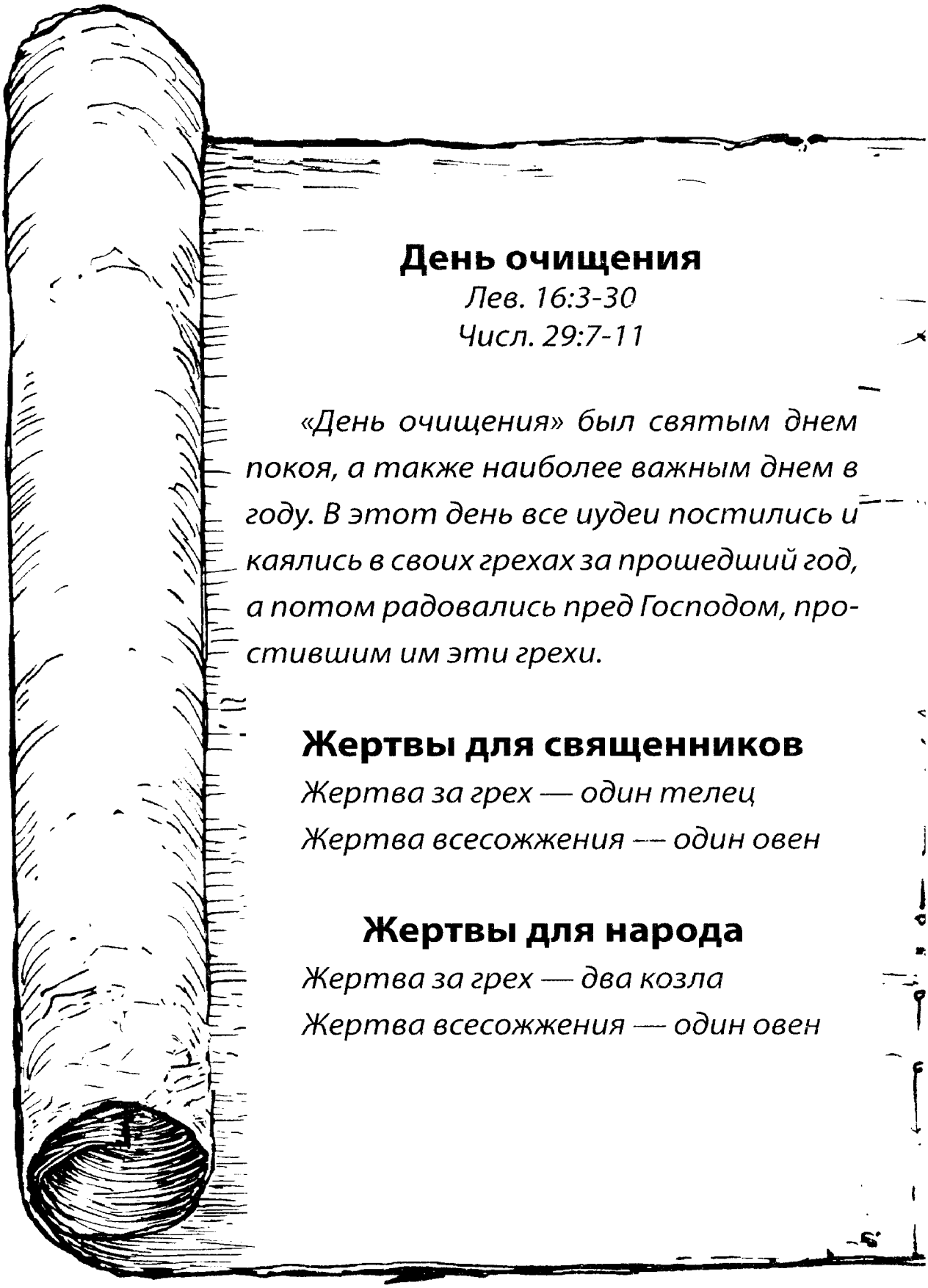
— Занесите, пожалуйста, их на крышу, — попросила она.

Папа с дядей Халевом ушли закупать продукты на следующую неделю, а Хармий, Авий, Кенан и Бенони стали переносить «строительные» материалы на крышу. Как только они закончили, послышался свист с улицы.

— Дедушка пришел — закричал Авий.

Хармий поспешно открыл дверь.

— Ребята, вы мне поможете? — спросил дедушка, едва протиснув нагруженного осла через дверной проем.



День очищения

Лев. 16:3-30
Числ. 29:7-11

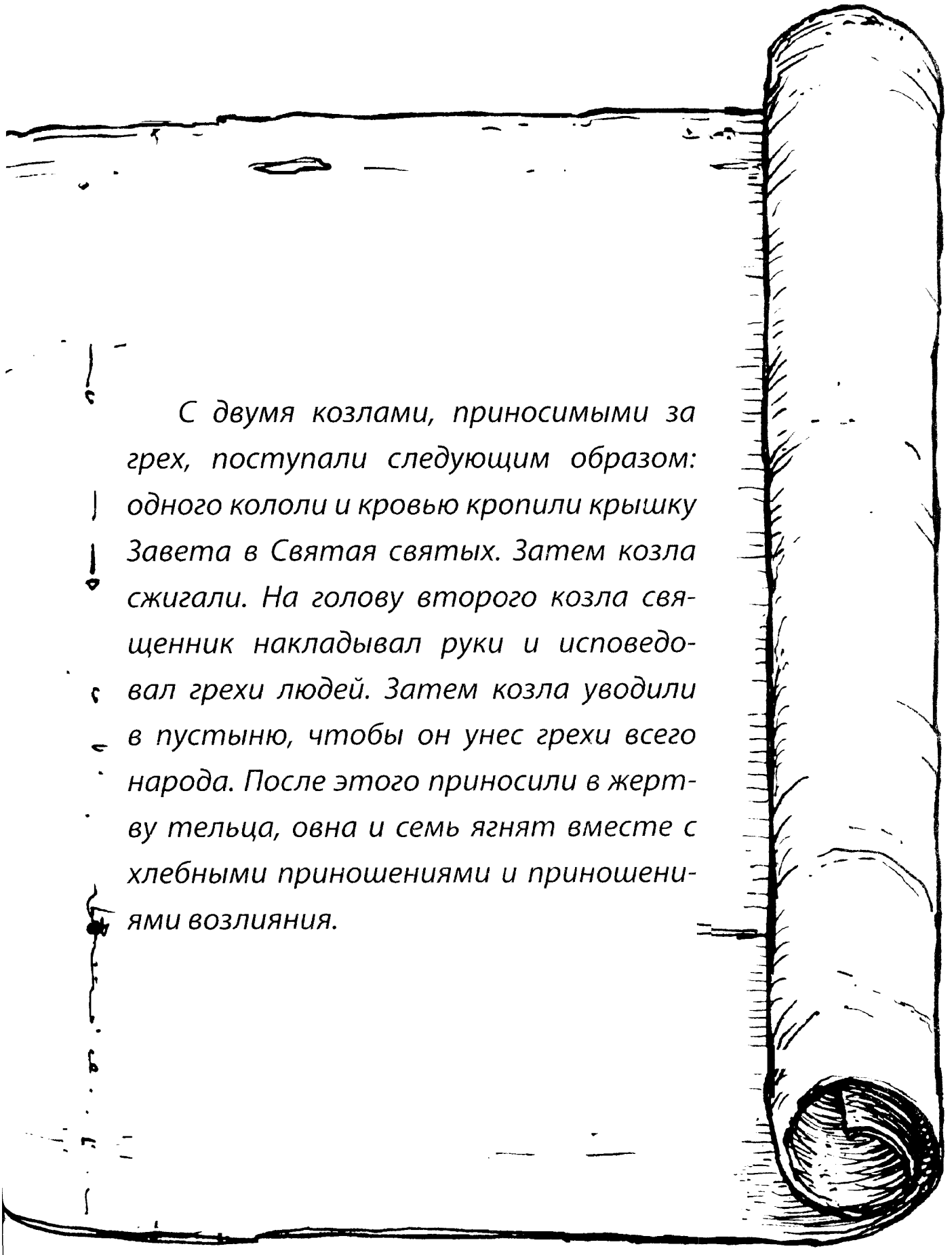
«День очищения» был святым днем покоя, а также наиболее важным днем в году. В этот день все иудеи постились и каялись в своих грехах за прошедший год, а потом радовались пред Господом, простившим им эти грехи.

Жертвы для священников

Жертва за грех — один телец
Жертва всесожжения — один овен

Жертвы для народа

Жертва за грех — два козла
Жертва всесожжения — один овен



С двумя козлами, приносимыми за грех, поступали следующим образом: одного кололи и кровью кропили крышку Завета в Святая святых. Затем козла сжигали. На голову второго козла священник накладывал руки и исповедовал грехи людей. Затем козла уводили в пустыню, чтобы он унес грехи всего народа. После этого приносили в жертву тельца, овна и семь ягнят вместе с хлебными приношениями и приношениями возлияния.

Мальчики с радостью взяли кто по одной, а кто по две охапки прутьев и понесли наверх. Затем дедушка с внуками начали строить временное жилье на крыше.

— Авий, ты знаешь, почему мы каждый год живем семь дней в шалаше? — спросил он, вплетая в жерди пальмовые листья.

— Это напоминает нам о том, как Бог заботился о наших предках, когда они вышли из Египта, — сразу ответил Авий.

— Молодец, — похвалил дедушка.

Он начал напевать песню освобождения, а мальчики тут же стали ему подпевать. Вскоре вернулись папа и дядя Халев. С их помощью шалаши были построены очень быстро. В каждом из них лежали толстые одеяла, на которых они будут спать, и немного посуды. От котла и печи доносились аппетитные запахи. Женщины занимались приготовлением пищи на завтрашний праздничный стол.

После захода солнца в храме трижды прозвучала серебряная труба, возвещающая о прекращении всякой работы. Дедушка, бабушка и две семьи собрались вместе на крыше, чтобы подышать свежим воздухом перед сном. Дедушка с бабушкой жили в верхней части города и с их крыши открывался прекрасный вид на Иерусалим. Хармий видел и царский дворец, и крепость Антония, но, самое главное, — храм. Над Елеонской горой всходила луна и ее серебристый свет отражался в золотых башенках храма. На небе начали появляться звезды. Они подмигивали Хармию сквозь листья шалаша, в котором спала их семья. Ночь становилась прохладной и подросток укрылся халатом.

Утром иудеи из дальних и ближних мест собрались вместе для поклонения в храме. В правой руке каждого из них были миртовые и ивовые ветки, переплетенные с пальмовыми листьями, а в левой — цитроновые ветки.

Праздник кущей

Числ. 29:12-38

Кроме ежедневных утренних и полуденных жертв, закон повелевал приносить 199 жертв с хлебными приношениями и возлияниями.

Дни	Тельцы	Овны	Ягнята	Козлы
1	13	2	14	1
2	12	2	14	1
3	11	2	14	1
4	10	2	14	1
5	9	2	14	1
6	8	2	14	1
7	7	2	14	1
8	1	1	7	1

Некоторые люди приносили жертвы усердия.

На празднике каждый седьмой год читался Закон.

Праздник кущей был также праздником жатвы (Исх. 23:16).

Хармий наблюдал, как левит в белой льняной одежде в сопровождении исполненных радости священников нес золотой кувшин с водой, возвращаясь с купальни Силоам. Другие священники шли из долины Кедрон с ивовыми ветками в руках. Придя к храму, они вставили эти ветки по краям жертвенника для всесожжения, создавая, таким образом, над ним навес.

Девять раз прозвучала серебряная труба, возвещая о начале поклонения. Хармий вместе с другими людьми с благоговением повернулся к жертвеннику и Святому-святых. Один священник вылил пред Господом воду, а другой — вино. Остальные священники стали приносить в жертву животных, приведенных заранее.

Левиты, стоявшие на ступеньках за двором Израиля, запели псалмы. Каждый раз, когда звучали слова: «Хвалите Господа», Хармий и все остальные, повернувшись к жертвеннику, потрясали ветками. После пения псалмов священники обошли вокруг жертвенника, восклицая: «Осанна Иегове! Помоги нам, Иегова! Пошли нам процветание!».

После молитвы все вернулись в свои шалаши со словами: «Как прекрасен ты, жертвенник!».

Все присутствующие с радостью приглашали левитов и странников, и ели вместе с ними. После обеда посещали больных и скорбящих. Родственники шли друг к другу, а редко видевшиеся друзья радовались возможности пообщаться.

Хармию нравилось общаться с иерусалимскими родственниками-одногодками. Слушая их разговоры об учебе в школе при храме, его желание учиться вместе с ними становилось еще сильнее. Ему как никогда было досадно, что он живет так далеко от Иерусалима.

Остальные шесть дней празднования были похожи на первый, за исключением того, что теперь можно было покупать еду и одежду. Женщинам было позволено

готовить пищу.

На седьмой день праздника священники обошли вокруг жертвенника не один, а семь раз. Дети ели плоды цитрона прямо с ветвей, которые они держали в своих руках, а пальмовые листья выбросили. После обеда семьи снова переселились в дома.

Восьмой день праздника соблюдался так же, как суббота, а на следующий день многие жители уже направлялись домой. Наступал сезон ранних дождей и земледельцы спешили обработать свои земли.

Краткая история израильского народа

Патриарх Аврам (Авраам, см. Быт. 17:5) оставляет Ур, землю идолопоклонников, и перебирается в Харан вместе со своим отцом Фаррой. Вскоре он по воле Божьей покидает Харан и идет в землю ханаанскую. Бог пребывает вместе с ним и обещает благословить через него все племена земли, а его потомков сделать великим народом.

В Ханаане у Авраама рождается обещанный Богом сын Исаак. У Иакова (Израиля), сына Исаака, рождается 12 сыновей. Одного из них, Иосифа, старшие братья продают в рабство в Египет. Там Иосиф становится могущественным правителем. Со временем наступает голод и вся семья Израиля (66 человек) перебирается в Египет.

Через много лет в Египте воцаряется фараон, не знавший Иосифа. Под его правлением израильтяне становятся жалкими рабами и, обращаясь к Богу, молят Его об избавлении.

Через 430 лет после прихода в Египет, Бог, поставив Моисея во главе Своего народа, выводит его из Египта. К этому времени израильтяне, как Бог и обещал, становятся многочисленным народом. Их количество

составляет 600.000 мужчин, не считая женщин и детей. Воды Чермного моря по воле Божьей расступаются и израильтяне переходят его по сухому дну. Преследующие их египтяне гибнут в море.

Бог приводит сынов Израиля к горе Синай и дает им закон Моисея, определяющий их нормы веры и правила общественной жизни.

Из-за греха израильтян Он водит их по пустыне сорок лет, а затем чудесным образом разделяет воды реки Иордан и приводит их в землю ханаанскую, которую Он много лет назад обещал дать Аврааму. Господь помогает им в сражениях с жителями разных городов и в результате израильтяне полностью подчиняют себе Ханаан.

Бог правит Своим народом через судей, затем по требованию израильтян ставит им царя. Некоторые из правящих царей ведут праведный образ жизни, другие же — нет. Израильтяне часто не повинуются законам Божьим и Бог время от времени позволяет язычникам покорять их.

В те времена, о которых повествуется в данной книге, Иудеей правят римляне. Народ израильский ненавидит римский гнет и с нетерпением ждет пришествия Искупителя, обещанного ему Богом.

Глава 13

Вспашка и сев

Дверь дома, в котором жила семья Хармия, в теплые солнечные дни обычно была распахнута настежь. Сегодня она была заперта, а ставни на окнах закрыты. Два мерцающих светильника освещали внутреннюю часть дома, бросая мрачные тени на каменные стены.

Мама сняла черпак, висевший на балке вместе с другой кухонной утварью. Когда она приподняла крышку кастрюли, чтобы помешать чечевичную похлебку, комната тут же наполнилась паром. Дым от очага поднимался к потолку и медленно выходил через маленькое вентиляционное отверстие над одним из окон.

Воздух в доме показался Хармию тяжелым и удушливым. Дым лез в глаза и вызывал кашель. Он отложил в сторону поводок, который плел, и открыл одну ставню, чтобы проветрить комнату. Однако ее пришлось сразу же закрыть, потому что ветер заносил капли дождя.

Дождь начался еще ночью и продолжал лить, как из ведра. Казалось, что ветер гнал дождь со всех сторон. Хармий подходил ко всем окнам, но, к своей досаде, не мог открыть ни одно из них.

Отец сидел возле светильника и читал свиток, который взял на время из синагоги. Хармий не понимал, как

он может быть таким спокойным. Еще совсем недавно земля на полях была такой сухой, что потрескалась. Теперь же она стала мягкой, и ее можно было пахать. А если дожди затянутся, она раскиснет и станет непригодной для вспашки. «Идите сюда, — позвал отец свое семейство. — Давайте будем вместе читать Писание». Мама тут же оставила свои кухонные дела, а Реба перестала ткать. Хармий, весь в ожидании интересного урока истории, сел возле светильника рядом с остальными членами семейства.

Пока отец еще не начал читать, Хармий посмотрел на своих родных. Мягкий свет светильника подчеркивал смуглую красоту Ребы, а лицо мамы сияло, словно она думала о чем-то приятном. Папа был невозмутимо спокоен, а Авий был сама невинность и доверчивость. Сердце Хармия наполнилось теплотой и радостью: ему нравилось быть вместе со своей семьей.

Медленно и выразительно отец прочитал отрывок из книги Царств. Повествование о славном правлении Соломона увлекло Хармия. Он, Реба и Авий задавали много вопросов отцу, объяснявшему причины разделения царства на две части и рассказывавшему о каждом из царей.

Когда отец начал сворачивать свиток, Хармий вдруг сказал:

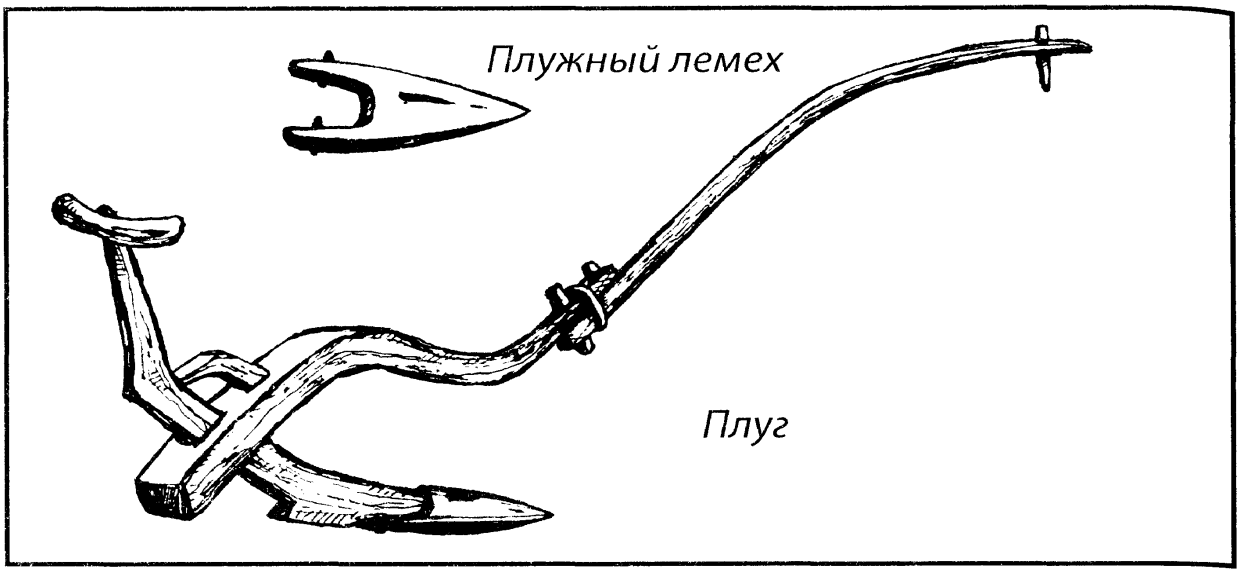
— Знаешь, папа, чего мне хочется? Ходить в школу при храме, как мальчики дяди Хевера!

Папа посмотрел на маму, а затем удивил Хармия своим ответом:

— Тогда тебе придется жить в Иерусалиме одному, без нас.

— Я не против — воскликнул Хармий.

Когда земля хорошо подсохла, отец попросил двух волов у соседа, который уже закончил вспашку. Взвалив плуг на плечи, он взял животных и повел их на поле. Там



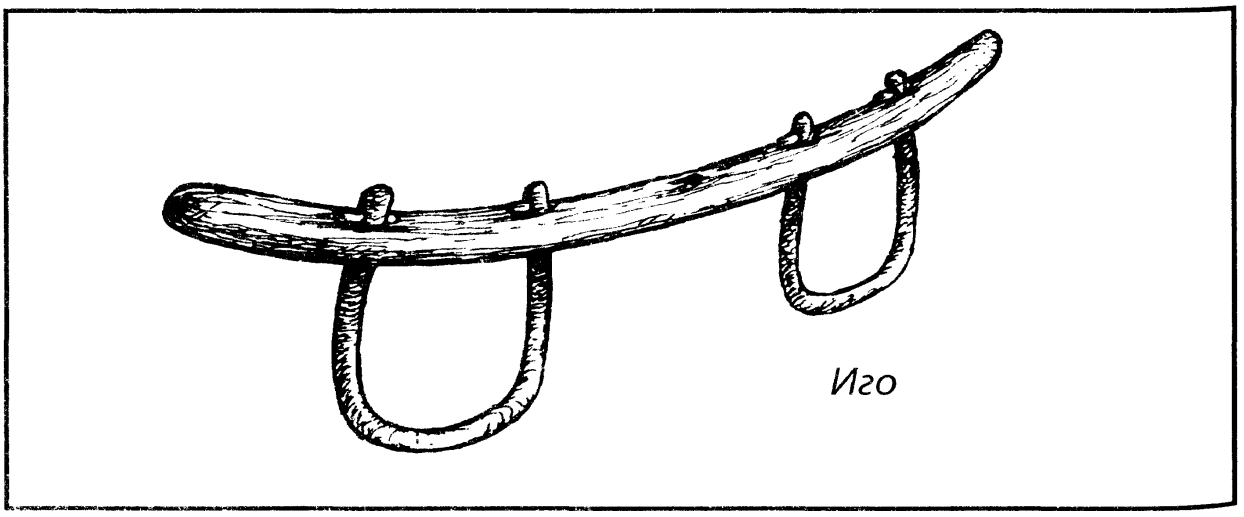
он запряг их, потом одной рукой надавил на ручку плуга, чтобы острый железный наконечник поглубже вошел в землю, а в другую взял стрекало (в Библии — «рожон»), чтобы подгонять волов.

В земле было много камней и отцу приходилось тратить много сил, чтобы легкий плуг не съезжал с борозды. Однако несмотря на это, борозда получалась глубиной всего лишь от семи до десяти сантиметров.

Хармий любил время сева и запах влажной земли. Он и Орна шли позади плуга и мотыгами разбивали красновато-коричневые комья.

В один из ясных, тихих дней после окончания вспашки отец сказал Хармию:

— В этом году ты будешь присыпать семена землей, а Орна поможет мне сеять.



Он привязал большой куст к воловьему ярму и показал Хармию, как водить животных по полю поперек вспашки.

Отец и Орна насыпали пшеницу в поднятые полы халатов и, разбрасывая семена, пошли по полю, стараясь засеять всю его площадь. Тут же со всех сторон слетелись вороны и стали склевывать зерна. Хармий, стараясь спасти семена от прожорливых птиц, все время подгонял волов, чтобы они не отставали от сеятелей.

Человек, пашущий на волах.

Они справились с работой за один день, потому что поле было сравнительно небольшим. После этого отец посеял ячмень, чечевицу, дыни и огурцы. Лен не сеяли, потому что старые корни давали новые всходы.

До начала зимних дождей семья Хармия собрала урожай поздних смокв и разложила их на крыше дома, чтобы их высушили южные суховеи. Затем мама и Реба положили их под пресс и сделали своеобразные лепешки, чтобы зимой их можно было разрезать и есть.

Однажды рано утром после сбора урожая смокв в гости зашел дядя Халев. Он поговорил с отцом о погоде, об урожае и здоровье, что было распространенным обычаем среди иудейского народа. Затем он спросил, не смогут ли Реба и Хармий помочь им со сбором урожая, как в предыдущие годы. «Конечно, смогут», — ответил отец.

Дядя Халев, заметив разочарование на лице Авия,

шутливо ущипнул его за ухо и спросил:

— Ты тоже хочешь помочь?

Авий утвердительно кивнул головой.

Дядя Халев обратился к папе:

— Что скажешь?

— Хорошо, пусть поможет тебе сегодня, а там посмотрим.

Хармий чувствовал себя совсем взрослым, когда шел рядом со своим высоким дядей. И хотя дядя Халев был не выше отца, он казался таким, потому что был более худощавым. Он выглядел значительно старше отца: его лицо избороздили морщины, а борода была больше седой, нежели черной.

Маслина

Придя в оливковый сад, они увидели, что Кенан и Бенони навьючивают на осла корзины с маслинами.

Дядя Халев, указывая на кривое дерево, стоявшее рядом с тропинкой, сказал: «Соберите сначала опавшие маслины, а затем потрясите его. А я отнесу полные корзины к масличному прессу».

Он дернул осла за поводок и скрылся из виду.

В прежние годы со сбором урожая помогали два старших женатых брата Бенони, но сегодня их не было.

Большая часть урожая маслин уже была собрана, потому что из зеленоватых плодов получалось масло самого высокого качества. Хармий знал, что дядя Халев бóльшую часть своего масла продал египетским торговцам.

Пять усердных работников быстро собрали опавшие маслины. Затем Кенан и Бенони расстелили на земле полотно и вместе с Хармием, стараясь не повредить молодые побеги, которые дадут урожай в следующем году,

Оливковая ветвь

начали стучать палками по веткам дерева.

Тук, тук, тук... зрелые черные маслины дождем посыпались на землю. Бенони доставал до веток, недосягаемых для Хармия. За последний год он вырос на несколько сантиметров и стал заметно выше своего двоюродного брата. Хармий думал, что Бенони, наверное, станет таким же высоким, как дядя Халев.

Подростки залезли на дерево, чтобы потрясти ветки, которые они не смогли достать палками. Они внимательно следили за тем, чтобы на конце каждой ветки оставались три или четыре маслины для бедных. Затем они пересыпали плоды с полотна в большие корзины и пошли к следующему дереву.

Кенан поставил корзину с маслинами на свое крепкое плечо и понес ее к масличному прессу. Он был не таким высоким, как дядя Халев, но более мускулистым. Хармию казалось, что его темно-коричневая борода делает его похожим на зрелого мужчину.

— Авий, почему бы тебе не съесть маслину? — предложил Бенони, стоявший неподалеку от него.

— Хармий говорит, что они горькие, — ответил Авий, сжав губы.

Бенони высыпал еще одну горсть маслин в корзину.

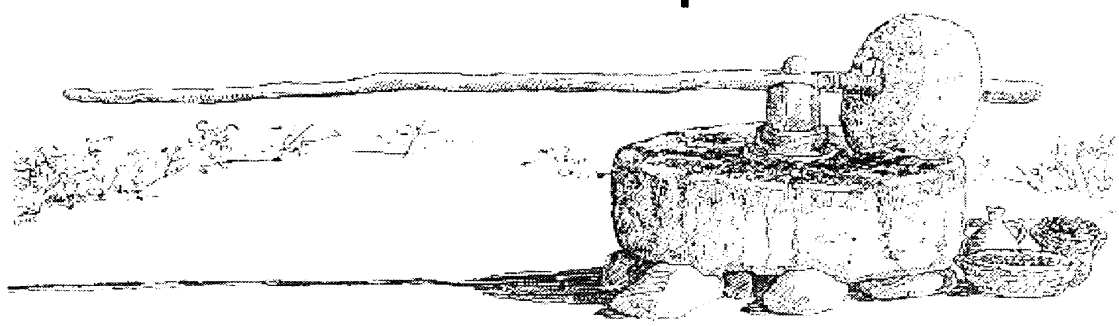
— Ну же, давай, — настаивал он.

Авий опять отказался. Однако любопытство пересилило: он решился-таки съесть одну, пока никто не видит. Откусив кусочек маслины, он тут же его выплюнул.

Реба встала и, поправив головное покрывало, перекинула его концы за плечи.

— Ага, ты все-таки попробовал маслину, — воскликнула она, заметив выражение лица Авия.

Оливковый пресс



С одного оливкового дерева обычно собирали около 450 килограммов маслин, из которых получалось 75 литров масла.

Чтобы маслины утратили свой горький привкус, их замачивали в соленой воде.

Скривившийся Авий кивнул головой.

— Они еще хуже, чем я представлял.

Хармий улыбнулся, вспомнив, что когда-то делал то же самое.

Бенони громко засмеялся.

— Тебе показалось, что она была горькой. Попробуй зеленую.

— Нет уж, хватит с меня!

Авий сорвал с дерева маслину и бросил в Бенони. Тот поймал ее и положил в корзину.

— Только попробуй еще, — шутливо пригрозил он.

— Лучше не надо, — тихо предупредила Реба. — Если будешь плохо вести себя, то завтра останешься дома.

— Кому-то нужна помощь? — послышался бодрый голос сзади.

Хармий оглянулся. К ним подходила тетя Рода. В руках у нее была корзина с обедом. Не дождавшись ответа, она тоже начала собирать маслины.

— Бенони, Хармий, поставьте, пожалуйста, полные корзины возле дороги. Авий, ты не поможешь мне наполнить корзину?

Тетя Рода не просила, а приказывала. Она трудилась с таким же усердием, как и молодежь, хотя седые пряди

на висках выдавали ее истинный возраст.

Вернулся Кенан с ослом и сразу повез еще две корзины.

— Как я буду рад, когда закончится сбор урожая маслин, — по секрету сказал Бенони Хармию, когда они снова начали стучать палками по веткам очередного дерева.

— Тогда ты сможешь работать на плотника Иамина? — догадался Хармий.

Хармию тоже хотелось вернуться в школу и при первой же возможности пошить сумку.

— Точно, — подтвердил его догадку Бенони.

Хармий подошел ближе к двоюродному брату.

— А твой папа отдал тебе стамеску?

— Да, но у меня не было времени на вырезание.

Бенони продолжал ритмично стучать по веткам. Если он был настроен на работу, ему не мешали разговоры.

— Мама уже насушила много маслин. Она хочет залить маслом самые красивые черные маслины, но мне больше нравятся зеленые, законсервированные в соленой воде. Она уже закончила их консервировать.

— А мне нравятся спелые, — признался Хармий. — Хорошо бы сейчас съесть парочку штук.

— Мне тоже, — подхватил Авий. — И еще хлеба. Тетя Рода, не пора ли нам обедать?

Тетя Рода рассмеялась.

— Еще рано. Наполним сначала эти корзины, а потом покушаем.

Пообедав ячменными лепешками и солеными зелеными маслинами, Хармий достал из-под полы своего халата пращу.

— Бенони, как ты думаешь, я попаду вон в тот камень? — спросил он, указывая на большой камень невдалеке.

Бенони равнодушно пожал плечами, но в его карих глазах загорелось любопытство.

— Если не сможешь, то, может быть, я попаду, — сказал он.

Хармий часто тренировался после того, как отец показал ему, как пользоваться пращой. Иногда он даже попадал в цель. Положив гладкий камень в пращу, он, пытаясь выдать себя за искусного метальщика, раскрутил ее над головой. Когда он отпустил камень, тот полетел совсем в другую сторону от цели.

— Надо попробовать еще раз, — пробормотал Хармий. Следующий камень упал уже рядом с целью.

Авий, засунув пальцы за пояс, напомнил старшему брату:

— Теперь моя очередь.

— Мне тоже хочется попробовать, — вставил Бенони.

Хармий показал Бенони, как пользоваться пращой, однако тот тоже промахнулся. Трое подростков по очереди крутили пращу, а тетя Рода и Реба отдыхали. Только Хармий один раз попал в цель.

Вечером, когда Реба, Хармий и Авий вернулись домой, тетя Рода передала с ними корзину маслин. Хармий предполагал, что тетя это сделает, потому что она это делала каждый год.

Глава 14

Хармий шьет сумку

Возвращаясь из школы, Хармий немного замерз. «Брр, в доме тоже холодно», — пробормотал он, входя в дом. По его телу пробежал озноб и он подошел поближе к огню. «Это как раз то, что мне нужно», — с удовлетворением подумал подросток, согревая руки над железным котелком с горящими углями.

От открытой двери снова повеяло холодом: в дом вошел Авий. Через несколько мгновений он уже грелся возле огня вместе со своим старшим братом.

Реба, сидевшая неподалеку, трепала шерсть, которую они вместе с матерью вымыли и высушили летом.

Мама сучила нить с мягкого пучка уже потрепленной шерсти, которую она намотала на свою левую руку, другой конец пучка был закреплен на зарубке веретена.

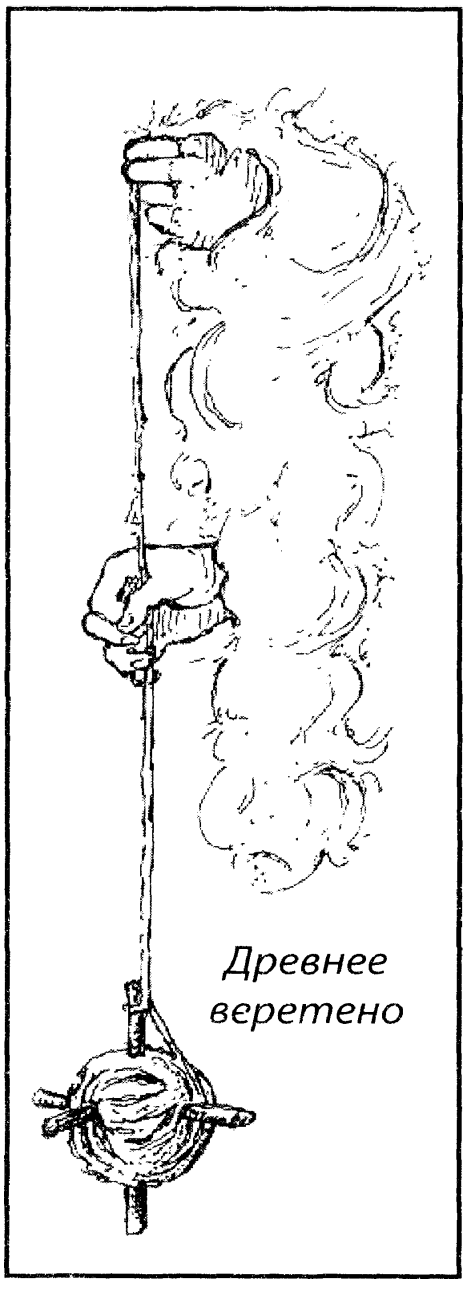
Быстро вращая рукой веретено, мама пальцами контролировала равномерность ссучиваемой нити.

Согревшись, Хармий отошел от огня.

— Мама, ты разрешишь мне после обеда пойти в мастерскую Дана, чтобы пошить сумку? — спросил он.

— Хорошо, — согласилась мама, — только вернись домой до темноты.

— А мне можно? — спросил Авий. — Я очень хочу



Древнее веретено

послушать новые истории Дана.

Мама, видя его нетерпение, улыбнулась.

— Ну, ладно, иди. Только не трогай его инструменты и вещи.

После обеда Хармий открыл сундук с одеялами и достал кожу, которую ему дал Дан. На улице братьев встретил холодный ветер, который начал трепать по́лы их халатов.

В мастерской кожевника Дана было так же холодно, как у них дома.

Хозяин придвинул две скамейки поближе к огню.

— Садитесь, — пригласил он, — Хармий, я вижу ты пришел шить сумку.

Хармий выложил на стол мягкую козью кожу.

— Да, если, конечно, у вас есть время.

— Не беспокойся, вы меня не отвлекаете.

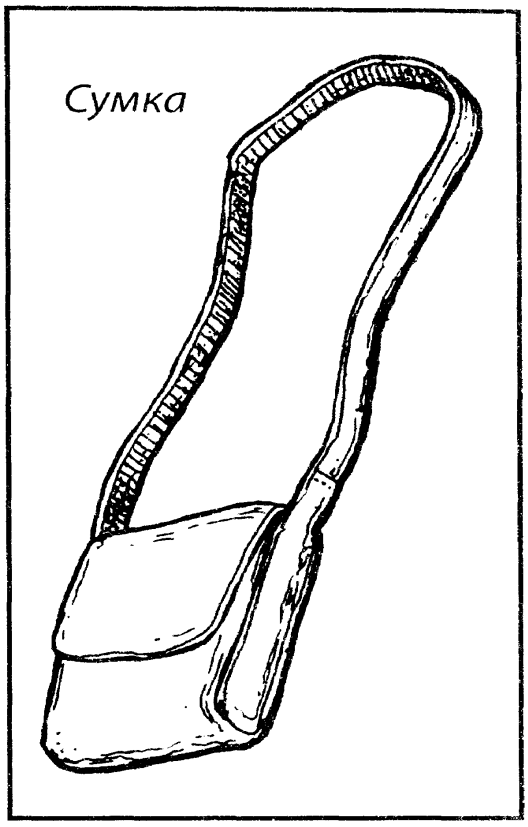
Дан сгреб со стола скорлупу от миндальных орехов и бросил ее на угли, тлеющие в отверстии пола. С треском вспыхнул огонь и мастерская сразу стала более уютной.

Ловким движением руки кожевник заточил свой нож.

— Сначала я покажу тебе, как резать кожу, а потом — как сшивать края.

Хармий внимательно наблюдал за каждым движением Дана, чтобы научиться отрезать кожу так, как он показывает.

Авий в это время разгуливал по мастерской.



— А что это будет? — спросил он, указывая на что-то недоделанное на столе.

— Это — колчан, — ответил Дан, глянув в сторону Авия.

Затем Авий заметил искусно сшитую сумку.

— Вы продадите ее на рынке?

— Нет, это для Кенана, — Дан подвинул к Авию миндальные орехи, — угощайся.

Авий благодарно улыбнулся Дану. Какие вкусные орехи! Он ел их очень редко.

Для того, чтобы Хармий сшил края кожи, Дан навощил льняную нить и терпеливо показал ему, как делать ровный, крепкий шов.

Первые швы Хармия оказались неровными, но он не унывал.

Кожевник, навощив следующую нить, протянул ее через углубление в куске пчелиного воска.

— А ты купил себе что-нибудь на оставшийся кодрант? — спросил он.

— Нет. Я коплю деньги, чтобы купить свиток с законом Моисея.

— Хорошая идея. Я помню, что когда был мальчиком помладше тебя, у меня было несколько лепт. Мне очень хотелось купить что-нибудь особенное слепому соседскому мальчику. Я копил деньги до тех пор, пока мы не отправились в Иерусалим. Пока мой отец торговал на рынке, я со своим двоюродным братом... — Дан замолчал.

— Так что вы купили? — с любопытством спросил Авий, легким ударом молотка раскалывая очередной орех.

— Подожди минутку.

Дан продел нитку в иголку и, подняв ремень от сандалий, начал рассказывать дальше. В его словах послышалось сожаление.

— Да, мы с двоюродным братом начали искать что-нибудь подходящее для слепого мальчика. В одном из переулков мы нашли торговца-египтянина, продававшего игрушки. В том селении, где я жил, игрушки были редкостью. Мы играли в основном палками и самодельными мячами, хотя времени на игры у нас почти не было. Ни у кого из моих знакомых не было ничего похожего на игрушки, которые продавал этот торговец. У него были фигурки животных из дерева, слоновой кости и куклы из глины с бусинками вместо волос. Я хотел купить маленького льва из слоновой кости, но у меня было мало денег, поэтому я купил деревянного теленка.

Авий бросил скорлупу в огонь.

— Мальчику понравилась игрушка? — спросил он.

— Он ее так и не получил. По дороге домой, когда я играл с ней, ее заметил отец. Увидев, как он нахмурился, я понял, что он недоволен моей покупкой. Отец строгим голосом спросил, где я купил эту игрушку: не у того ли торговца, который продавал всякие изваяния. Я признался, что у него. Отец, не меняя интонации в голосе, сказал: «Я так и думал. Этот теленок очень похож на идола, которому поклоняются язычники. Когда вернемся домой, сожги ее». Он сказал это таким тоном, что я до сих пор его слышу.

— Получается, что вы остались без денег и без подарка, — подытожил Авий.

— Да, так оно и было. Если бы я, как положено, был рядом с отцом, то никогда бы не купил эту игрушку. Но, как бы там ни было, я очень расстроился. Я стал доказывать отцу, что хотел подарить его слепому Овиду, который никогда ее не увидит. Но отец сказал: «Бог — не

слепой». Он объяснил мне, что Бог запретил нам делать всякие изваяния. Отцу не хотелось, чтобы в нашем доме было что-то похожее на идола. С этим не согласились бы и наши соседи. Я знал заповеди и понимал, что отец был прав. Как я сожалел, что не посоветовался с ним. Он сказал, что я мог бы сделать для слепого мальчика вместо этого подарка: Овиду будет приятно, если я почитаю ему из Закона, расскажу, чему меня научили в школе, или погуляю с ним, объясняя, что происходит вокруг. Я так и сделал. Впоследствии Овид стал одним из самых лучших моих друзей.

— Помогите мне, пожалуйста, сшить этот уголок, — попросил Хармий Дана после того, как тот закончил рассказывать свою историю.

— С удовольствием помогу всем, кто захочет этому научиться.

Хармий был способным учеником и вскоре справился с задачей. Ему все больше хотелось работать на Дана. Может, спросить, не нужен ли ему слуга?

Хармий колебался: «Отец сказал, что Дану не нужен слуга, но он не запрещал спрашивать об этом...». Вдруг Хармий вспомнил слова раввина Ездры, который сказал, что почитать отца и мать — это значит уважать и повиноваться им, любить и благодарить их, а также всегда следовать их наставлениям. «Но разве это непослушание? Ведь папа не запрещал мне спрашивать об этом. Однако если он считает, что должен сам найти мне работу, тогда, наверное, мне не стоит спрашивать об этом», — решил Хармий.

Найдет ли отец такую работу, которая бы ему понравилась? Как иногда трудно быть терпеливым!

Дан начал вырезать из толстого куска кожи подошву.

— Я слышал, что Бенони этой зимой работает на Иамина, — сказал он Хармию. — Ему нравится плотничать?

— Да, очень. Если бы дядя Халев разрешил, то он бы бросил школу и работал бы на него целыми днями.

— У меня тоже был слуга, — сказал Дан. — Он был мне очень хорошим помощником, да и вообще всегда приятно, когда рядом с тобой кто-то есть. Однако после того, как я перестал заниматься земледелием, я отпустил его, т.к. уже сам мог обслуживать клиентов.

Значит Дану не нужен слуга! Несмотря на свое разочарование, Хармий радовался, что не спросил его об этом.

Авий, опершись локтями на рабочий стол Дана, сказал:

— А я и не знал, что вы были земледельцем. А когда это было?

— Сейчас вспомню. Двадцать семь лет тому назад. До того, как сломать ногу, я был одновременно земледельцем и кожевником.

Многие ремесленники были земледельцами, но Хармий не знал, что Дан когда-то тоже совмещал эти два занятия.

— А как это случилось? — поинтересовался Авий.

— Я сломал ее, когда упал, помогая Тиру крыть крышу. С тех пор я хромаю.

Хармий уже не один раз слышал, как Дан рассказывает о своей травме. Каждый раз он удивлялся тому, что Дан, вспоминая об этом, совершенно не жалеет себя. Каждый день после обеда Хармий ходил к Дану и вскоре сумка была готова.

Холодные и дождливые недели были длинными для тех, кто сидел все время дома. Ночью, чтобы согреться, Хармий укрывался теплым шерстяным одеялом, а днем старался быть поближе к огню.

Папа продолжал торговать на рынке вином, виноградом и иногда смоквами. Зимой на рынке было гораздо

больше чужеземных торговцев, чем летом*. Денег на покупку осла становилось все больше, но этой зимой Хармий уже не следил за их количеством.

Если погода была благоприятной, отец занимался прополкой или заготавливал дрова. Иногда в послеобеденное время ему помогал Хармий. Каждую зиму отец делал несколько вязанок для Тира. Когда шли дожди и не было никакой работы в поле, отец становился за свой ткацкий станок, основа которого была натянута не горизонтально, а вертикально, и ткал снизу вверх с быстро бегающим челноком для нити. Синевато-фиолетовое шерстяное одеяло, предназначенное для продажи, было почти готово.

Заготавливая пряжу для отца, мама и Реба трепали, пряли и красили шерстяные и льняные клубки пряжи. Когда отец не работал за станком, мама и Реба ткали одежду для своей семьи. Для получения синевато-фиолетовой краски мама наливала воду в глиняный кувшин и добавляла туда поташ, известь и кожуру от гранатов. Потом погружала в этот раствор готовую пряжу, полоскала ее и вывешивала во дворе для просушки.

Хармий закончил поводок, который начал плести несколько месяцев назад. Он был доволен своей работой: поводок получился ровным и гладким, т.е. без узлов и перегибов. Затем он занялся плетением веревок для продажи. Авий присоединился к нему, пытаясь тоже научиться этому ремеслу, но его веревки использовались только дома.

Однажды утром ранней весной, когда еще не было почек на миндальных деревьях, папа занялся обрезкой виноградника. Он показал Хармию, вернувшемуся из

---

* Самый оживленный торговый путь между Египтом и Сирией проходил вдоль побережья Средиземного моря. Однако в сезон дождей эту дорогу заливало водой и египетские торговцы шли по Холмистой дороге (дорога к Суру — Быт. 16:7) через Хеврон и Иерусалим.

школы, как срезать сухие ветки и где именно отрезать слишком длинные побеги. Авий деревянными вилами сносил срезанные ветки в кучу. Потом отец их сожжет.

Несмотря на прохладную погоду, Хармию очень нравилось работать на открытом воздухе, намного больше, чем плести веревки в тесном и задымленном доме. Любуясь густыми пшеничными всходами и вдыхая воздух, в котором уже чувствовалась весна, он знал, что через несколько недель наступит Пасха.

Глава 15

Рынок в Иерусалиме

Хармия разбудило цоканье ослиных копыт по каменным плитам, которыми была вымощена улица. Через некоторое время он вспомнил, где находится, — в горнице у дедушки в Иерусалиме. Хармий тихо встал, чтобы не разбудить Авия, подошел к окну и посмотрел через решетку вниз. В сумрачном свете утра он увидел на улице множество людей. Он тут же надел сандалии и сбежал по ступенькам вниз. Хармий надеялся, что отец еще не ушел на рынок: ему очень хотелось пойти вместе с ним. Наступил тот долгожданный день, когда отец решил купить ослика!

Во дворе мама, Реба и бабушка мололи зерно и, выпекая хлеб, пели. Как он был рад услышать мужские голоса в мастерской дедушки. Значит отец еще дома! Войдя в мастерскую, Хармий услышал, как дедушка сказал: «Думаю, что это то, что нужно».

Хармию стало интересно: «Что нужно? Почему они замолчали? Говорили обо мне? Может, папа говорил дедушке к кому хочет устроить меня на работу?».

Если бы Хармий был на несколько лет младше, то он бы уже спросил об этом. Теперь же он промолчал, желая услышать продолжение разговора. Но тут отец поднял

голову из-за корзины, в которую складывал кожаные вещи, и поздоровался с Хармием: «Доброе утро! А я как раз собирался будить тебя. Пойди, пожалуйста, разбуди Авия, ему тоже хочется пойти с нами».

После быстрого завтрака из хлеба и смокв дедушка привязал корзины с сандалиями, кожаными ремнями и мехами для воды к вьючному седлу осла, и вся мужская компания отправилась на рынок.

Было чудесное прохладное утро. Стрижи, как стрелы, с криками летали над городом. Вскоре еще недавно темный переулок окрасился в рыжевато-коричневый цвет — взошло солнце.

Шли медленно, потому что на улице было много людей. Впереди дедушки шел слуга с тюком шерсти, который был раза в три больше него. Глянув вперед, Хармий увидел женщину в дорогом халате с красными и бордовыми полосами. В отличие от остальных женщин этого сословия, она несла закрытую корзину.

Авий тоже заметил женщину.

— Как ты думаешь, что у нее в корзине? — шепотом спросил он у Хармия.

— Не знаю. Наверное, что-то ценное.

Дедушка вышел из переулка, чередовавшегося полосами солнечного света и тени, на широкую улицу, освещенную ярким солнечным светом. Вот и рынок. Рыночная улица и большинство прилегающих к ней улиц были уставлены лавками. Мужчины, занимавшиеся одним и тем же ремеслом, ставили свои лавки в основном на одной улице и, помогая друг другу, таким образом защищали свои изделия.

Одни лавочники ставили шалаши, а другие раскладывали товар прямо на дороге. Дедушка шел впереди, остальные старались не отставать от него в толпе. Прошли мимо горшечника из Греции, сидевшего за несколькими рядами блестящих белых кувшинов. Хармию

понравились изображения животных и другие красивые рисунки на его кувшинах.

Двое земледельцев, продававших чечевицу, пшеницу и коричневые бобы из больших мешков, поставили свои шалаши друг против друга на разных сторонах улицы. Другие торговцы продавали сушеную рыбу, кур, корзины, ковры, деревянные инструменты, красные и коричневые кувшины разных размеров, яйца, сыр, финики, изюм, орехи, сухие смоквы, овощи, хлеб и медовые лепешки.

Наконец дедушка нашел свободное, понравившееся ему место. Пока отец помогал раскладывать на ковре кожаные изделия, Хармий наблюдал за оживленной торговлей.

На одной стороне улицы ткач продавал льняное полотно, на другой какой-то торговец разложил кухонные горшки и черпаки. С той же стороны улицы до них доносился аромат корицы и нарда. Возле торговца специями расположился темнокожий ювелир, продававший расчески из слоновой кости, стеклянные бусы и бронзовые украшения.

Женщина, державшая за руку подвижного ребенка, рассматривала цепочку. Когда она начала торговаться с темнокожим продавцом, Хармий подошел поближе. Но тут ребенок заплакал и она, так ничего не купив, ушла.

Ювелир, заметив Хармия, показал ему бронзовое зеркало и пригласил подойти поближе. Подросток отрицательно покачал головой, но торговец уже назвал цену. Хармий посмотрел на другую сторону улицы и подошел поближе к отцу. Ему хотелось только посмотреть на зеркало, но не покупать его.

— Хармий, иди сюда, — позвал, наконец, отец. — Нам нужно идти на рынок, где продаются животные. Авий, а ты оставайся с дедушкой.

Авий был так увлечен торговлей, что даже ничего не возразил.

Отец с сыном направились к северной части городской стены, где продавали животных. Уже издалека было слышно блеяние овец и мычание телят. Они прошли мимо человека, продававшего верблюдов, и мимо пастуха, который с трудом сдерживал коз, чтобы они не разбежались.

— Ослы продаются вон там, — крикнул сквозь шум Хармий, чтобы его услышал отец.

Сначала отец посмотрел на молодого серого ослика, но он ему не понравился. Затем они подошли к красновато-коричневому ослу, который, лягнув ногой, чуть было не ударил отца.

— Нам не нужен злой осел, — решительно сказал отец, отшатнувшись в сторону.

Затем Хармий заметил возле стены коричневого ослика с белым пятном на носу.

— Папа, я хочу вон того ослика, — крикнул он, указывая на животное пальцем.

— Похоже, что это отличный ослик, — согласился отец. — И такой, как мне хотелось.

Они прошли мимо других ослов и, наконец, подошли к понравившемуся ослику. Проходя между ослами, Хармий следил за теми, у которых уши были прижаты к голове, чтобы не стать жертвой удара или укуса. Подойдя к ослику с белым пятном на носу, Хармий нежно погладил его нос, а папа поочередно поднял каждое копыто, стараясь удостовериться, что ни на одном из них нет ни трещин, ни ран.

Невысокий торговец с маленькими черными глазками, одетый в грязный синий халат, заметив, что они интересуются ослами, подошел поближе.

— Цена вас устроит! Обязательно устроит!

Отец, ничего не отвечая, наклонился и поднял очередное копыто.

Торговец стал рядом с осликом, которого проверял отец.

— Разве я не слуга Божий?! Разве меня интересуют деньги?!

Скрестив руки на груди, он посмотрел на небо.

Хармий почесал ослика за ушами. Он понимал, что продавец хочет, чтобы отец назвал цену. А затем начнется торговля. Но отец ничего не говорил. Он внимательно проверял каждую ногу ослика.

Торговец снова попытался заставить отца назвать цену.

— Я хочу, чтобы вы остались счастливы и довольны, — сказал он льстиво. — Самое главное для меня — любовь и благосклонность братьев.

Хармий заметил, что эти слова не вяжутся с пристальным взглядом торговца.

Отец между тем проверил зубы ослика. Хармий знал, что он хорошо разбирается в животных и не будет покупать, пока не убедится, что животное здоровое.

— Я дам тебе за него шесть динариев, — сказал, наконец, отец.

— К чему так мелочиться? Забирай его бесплатно, — с усмешкой сказал торговец.

Хармий знал, что торговец вовсе не это имел в виду. Торги только начинались.

Отец начал отвязывать ослика.

— Можешь забирать его за восемь! За восемь! — громко назвал свою цену торговец, размахивая руками. Его маленькие черные глазки, казалось, вообще не моргают.

Отец снова привязал ослика, что вовсе не удивило Хармия.

— Я даю тебе шесть. Ослик не стоит и на лепту дороже!

— Говорю — восемь! Это — прекрасный ослик!

Иногда торги длились часами, поэтому Хармий решил понаблюдать за толпами людей, проходившими

через Северные ворота. Среди них было много иудеев, пришедших праздновать Пасху. Были и другие. Хармий заметил, что через ворота вошли три светловолосых человека с высоко поднятыми головами и мускулистыми голыми руками. «Они направляются прямо к арене», — понял Хармий.

Немного погодя через ворота прошли четыре римских солдата в красных плащах и медных шлемах, тяжелых нагрудниках и сандалиях, подбитых гвоздями. Самый высокий из них с недобрым выражением лица вел испуганного человека, прикованного к его левому запястью. Время от времени он грозил ему мечом.

Хармий стал в тень от городской стены, потому что взгляд солдата вызвал у него такой страх, что он даже почувствовал слабость в коленях. Он слышал много историй о том, как жестоко римляне расправлялись с теми, кто нарушал их законы. Иногда они даже распинали нарушителей. Даже мысль об этом приводила Хармия в ужас. Он со страхом наблюдал за солдатами до тех пор, пока они не скрылись в толпе. Подросток подумал, что они, наверное, направлялись в подземную тюрьму.

Хармий снова посмотрел на отца.

— Я дам тебе семь динариев за него. Это — мое последнее предложение, — сказал он.

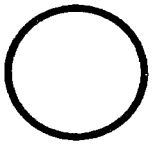
— Ладно, хорошо, — согласился торговец и протянул свою грязную руку за деньгами.

Хармий вынул из своей сумки новый поводок и отец умело завязал несколько узлов, сделав недоуздок.

— Он кажется достаточно спокойным, — сказал отец. — Ты сможешь отвести его к дедушке домой?

— Да, с удовольствием!

— Ну, давай, попробуй, — отец передал сыну свободный конец поводка. — А я схожу на рынок, поговорю с дедушкой. Приходи к нам после того, как привяжешь ослика в хлеву.



Настоящий размер

Динарий

Надпись: ***Август Цезарь*** *(43 до Р.Х. – 14 от Р.Х.)*

Динарий — серебряная римская монета. В библейские времена она была платой за один день.

Август Цезарь*, чья голова изображена на монете, был императором Римской империи во времена, о которых говорится в этой книге.* ***Иисус*** *родился во время его правления.*

Хармий медленно повел ослика по извилистым городским переулкам, которые были гораздо свободнее по сравнению с рыночной улицей. Однако придя к дедушкиному дому, он никого там не обнаружил. Хармий быстро привязал ослика между Декелем и ягненком, которого дедушка купил к празднику Пасхи.

Проходя через двор, он заглянул в мастерскую дедушки. Ему показалось, что дедушка снова говорит: «Думаю, что это то, что нужно.».

Внезапно ему в голову пришла мысль, что, может, отец хочет, чтобы он работал на дедушку. Как ему хотелось спросить об этом!

На улице Хармий пробежал мимо женщин с кувшинами и корзинами на головах, мимо торговцев в тюрбанах, мимо играющих детей. Он отскочил в сторону, обходя слепую женщину, которую вела девушка, и тут же наткнулся на римского солдата с мечом.

Сердце Хармия испуганно заколотилось и он бегом свернул в боковой переулок. Второпях он зацепился за небольшой столик со стоявшими на нем вазами так, что некоторые из них упали. Остановившись, чтобы

поставить их на место, он понял, что за ним никто не гонится. «Иди отсюда, негодник! — проворчал торговец. — Я сам поставлю их на место!».

Торговец начал осторожно ставить на стол свой товар. Вазы, чашки и браслеты были украшены по-разному, но все они были сделаны из одного светлого металла, который казался почти белым.

Хармий извинился и направился на главную рыночную улицу, стыдясь своего поведения. Ему казалось, что его спину буквально сверлит гневный взгляд торговца. По пути, оглядываясь по сторонам, он с удивлением обнаружил, что попал на улицу, на которой торговали серебряными изделиями. «Не удивительно, что торговец рассердился — понял Хармий. — Те вазы, наверное, были серебряными».

Мужчины и женщины, одетые в дорогие красные или фиолетовые халаты, настороженно наблюдали за ним. Заметив это, Хармий свернул на другую улицу, стараясь быть более внимательным.

На улице он узнал богатую на вид женщину, которая утром шла на рынок. Она продавала дорогую фиолетовую краску из корзины, которая тогда была у нее в руках. Возле нее финикиец продавал одежду, которая была по карману только богатым.

Хармий заметил, что богатые люди, одетые в синие, фиолетовые или красные халаты, сильно отличались от обычных земледельцев или ремесленников, носивших коричневые или черные халаты. Иногда халаты простых людей были с белыми полосами.

Придя на центральную часть рынка, Хармий понял, что дедушка с Авием уже ушли домой. Отец еще был на рынке и разговаривал с каким-то человеком в халате с широкими черными и белыми полосами. Неужели это Тир? Да, это был именно он! Подросток всегда видел его только в таком халате.

— Говорю тебе, — услышал Хармий слова Тира, — юноши сегодня в основном все ленивые! Мой прежний слуга, например, оказался лодырем. На прошлой неделе он сказал, что лучше работать на своего отца, и ушел в Вирсавию. Теперь мне нужен новый слуга.

У гончара опустились плечи.

Отец нахмурился.

— Гадар был хорошим работником. Разве не так?

— Да, после того, как я его несколько раз выпорол, — признался Тир.

Он посмотрел на Хармия.

— Вот хороший работник — сказал он, указывая костлявым пальцем на Хармия. — Я видел, как ты работал на пшеничном поле в прошлом году. В тебе нет ни единой ленивой косточки. Что скажешь, Нафанаил? — спросил Тир, повернувшись к отцу. — Сможет ли твой сын работать на меня?

Хармий, затаив дыхание, уставился на отца широко раскрытыми глазами. Его отец всегда был щедрым человеком. Неужели он согласится? Подросток закусил губу. «Пожалуйста, пожалуйста, только не на Тира», — молча упрашивал он.

Отец посмотрел на Хармия.

— Нет, Тир, — ответил он. — Мне нужна его помощь на ниве, кроме того…

— Так пусть он поработает на меня зимой, — прервал его Тир.

Хармий снова затаил дыхание.

— Не в этом году, — спокойно ответил отец. — Я как раз хотел сказать, что он слишком молод, чтобы работать в твоей мастерской.

На некоторое время Хармий почувствовал облегчение.

Однако Тир не сдавался.

— Сколько тебе лет, — спросил он Хармия.

— Тринадцать.

Тир на мгновение задумался.

— Юноша достаточно рослый на свои годы, поэтому смог бы работать на меня, — сказал он, повернувшись к отцу.

— Извини, но я уже решил на кого он будет работать этой зимой, — ответил спокойно отец.

Хармий перевел дух. «Интересно, папа уже договорился с этим «кем-то»? Не дедушка ли это?». Хармию очень хотелось узнать об этом, но только не в присутствии Тира!

— Пойдем, — прервал отец размышления Хармия. — Люди уже уходят с рынка.

— Хорошо, — согласился Хармий.

Был уже полдень и тени стали совсем короткими.

— Тир, может, ты пообедаешь с нами? — спросил отец.

Тир с засиявшим лицом выпрямился.

— С удовольствием! Спасибо!

Гончар из Греции, которого они видели раньше, до сих пор сидел на рынке вместе с некоторыми другими торговцами. Хармий заметил, как он аккуратно заворачивает в мягкое полотно оставшиеся кувшины и складывает их в корзину.

— Тир, а почему вы ничего не рисуете на своих кувшинах? — спросил он, когда гончар из Греции уже не мог слышать этих слов.

— Не умею, — прозвучал короткий ответ.

Хармий незаметно для себя привыкал к грубым манерам Тира.

— А если попробовать? — снова спросил он. Год назад он никогда бы на это не решился.

— Что?! Такой старик, как я?! — с возмущением переспросил Тир. Затем голос его стал мягче, — я считаю, что разрисовывать кувшины — пустая трата времени.

— Понимаешь, — присоединился к разговору отец, — греки славятся своими красивыми изделиями из глины, финикийцы — своим умением строить и управлять кораблями, а филистимляне — работать с железом. Наш народ не может похвалиться подобным искусством, да это и неважно. Мы — народ Божий и, я думаю, что по воле Божьей мы должны славиться тем, что служим Ему*.

— Тебе известно, что большинство гончаров в Хевроне тоже не разрисовывают свои изделия. Но, думаю, что по качеству наши кувшины ничем не уступают греческим.

Дома никто не удивился, что отец привел с собой гостя. Бабушка сняла с огня кипящий котелок с коричневой фасолью и поставила его на низкий столик во дворе. Мама порезала дыню, а Реба вынесла из дома корзину с небольшими пшеничными хлебцами. Хармию особенно вкусной показалась дыня, которую он ел в первый раз после долгого перерыва. Дыни в Хевроне еще не созрели, поэтому, скорее всего, эту дыню привезли из Иерихона.

После полуденного отдыха Тир отправился по своим делам, а отец и дедушка с ослами направились к лесистым холмам, чтобы собрать дрова для приготовления еды на следующую неделю и для зажаривания пасхального агнца.

— Хармий, подмети в мастерской, — распорядилась мама после того, как они ушли.

Она, бабушка и Реба тщательно наводили чистоту в доме, чтобы быть готовыми к Пасхе и празднику опресноков, который будет длиться семь дней. Во время уборки они с радостью пели.

Хармий не очень любил заниматься уборкой в доме, но, тем не менее, работал с усердием, хотя ему очень

---

* *«И увидят все народы земли, что имя Господа нарицается на тебе...»* (Втор. 28:10).

хотелось бы пойти с отцом, чтобы получить ответы на все интересующие его вопросы.

Вскоре, когда уборка в мастерской была почти закончена, к Хармию прибежал Авий, выполняющий разные поручения матери.

— Ты не знаешь, куда нужно поставить эту метлу? — спросил он. — Маме она больше не нужна.

— Поставь ее вон туда, — указал Хармий на тенистый угол за рабочим столом дедушки.

На ужин пришла семья дяди Халева и Хармий не знал, когда у него появится возможность поговорить с отцом. Иногда он радовался, думая, что, возможно, ему придется работать на дедушку, но иногда это казалось ему недосягаемой мечтой.

Прежде чем лечь спать, дедушка со светильником обошел все комнаты, чтобы убедиться, что в доме не осталось никакой закваски. Если бы он ее нашел, то сжег бы до полудня следующего дня. В доме во время Пасхи не должно было быть ничего квасного.

И молодые, и пожилые, все с нетерпением ждали Пасху, празднование которой было назначено на следующий вечер.

Глава 16

Пасха

Пасху праздновали в четырнадцатый день первого месяца. Семьи собирались вместе так, чтобы в доме было не меньше десяти, но и не больше двадцати, человек. В доме дедушки отвести ягненка в храм для приготовления поручили отцу. Он ушел из дома после обеда. Хармий, Авий и Бенони наблюдали за ним с крыши дома до тех пор, пока он не скрылся из виду. По узкой улице проходило множество иудейских мужчин, каждый из которых вел ягненка.

Над Иерусалимом три раза громко прозвучали серебряные трубы.

— Ты слышишь? Знаешь, что это значит? — спросил Хармий Авия.

— Заклали первого пасхального агнца, — серьезно ответил тот. — Значит папа скоро вернется?

Бенони улыбнулся:

— Сейчас всего лишь девятый час дня (15.00). Он вернется когда стемнеет. В храме слишком много мужчин, поэтому понадобится много времени, чтобы заколоть ягнят, которых они привели.

— Видишь ли, Авий, — стал объяснять Хармий, — священники открывают ворота священнического двора,

чтобы туда могла войти большая группа мужчин. Затем каждый из них перерезает горло своему ягненку. В это время священник подставляет золотую или серебряную чашу под текущую кровь, наполняет ее и передает по цепочке священников к жертвеннику. Последний священник выливает кровь у подножия жертвенника. После этого мужчины разделывают своих ягнят. Жир кладут на блюдо, посыпают его солью и сжигают на жертвеннике. Сделав все это, первая группа мужчин уходит со священнического двора, а туда входит следующая.

Послышались шаги: кто-то поднимался по каменной лестнице. Это пришли Реба и Кенан.

— Послушайте! Я слышу, как поют левиты вместе с пришедшими мужчинами, — сообщил Кенан через несколько мгновений.

Все стоявшие на крыше обернулись в сторону храма. Действительно, ветер доносил пение псалма. Хармий знал, что пение будет продолжаться до тех пор, пока не будет заклан последний агнец.

— А я слышу неприятный запах сгоревшего жира, — сморщив нос, сказала Реба.

Внизу во дворе дядя Халев развел большой костер, чтобы на горячих угольях можно было поджарить ягненка.

Было почти темно, когда Авий, наконец, закричал:

— Папа идет!

Все пятеро побежали во двор, чтобы посмотреть, как дедушка насадил тушку ягненка на шампур из гранатового дерева и положил его на вилкообразные деревянные подставки, расставленные с обеих сторон костра. Ни одна кость ягненка не была сломанной и ни одна его часть не касалась углей.

Бабушка и тетя Рода выпекали пресный хлеб, а мама и Реба готовили горькие травы*. У всех было праздничное настроение.

* Возможно, дикорастущий салат и цикорий эндивий.

Хармий, однако, не радовался так, как обычно он радовался во время праздника Пасхи. Сначала он наблюдал за тем, как зажаривали ягненка, а потом пошел в хлев, чтобы погладить купленного ослика. «Мне так хочется поговорить с папой», — сказал он ослику, гладя его по жесткой гриве.

Не находя себе места, он поднялся на крышу и там, опершись на парапет, стал смотреть на Иерусалим. В решетчатых окнах дома на противоположной стороне улицы мерцал тусклый свет. Над городом витал аппетитный аромат жареного мяса, но Хармий не хотел есть. «Как мне узнать, к кому папа устроит меня на работу? — думал он. — Почему он ничего мне не говорит? Он же обещал сказать».

Состояние неуверенности было подобно дождевой туче, нависшей над головой. Послышались шаги и на крыше появился отец. Он положил руку на плечо Хармия и ласково спросил:

— Что ты тут делаешь, сынок?

Хармий, повернувшись, посмотрел в сторону города, освещенного лунным светом.

— Ничего. Просто думаю.

Теперь, когда он мог задать все свои вопросы, это оказалось для него нелегким делом.

— О том, на кого ты будешь работать? — догадался отец, убирая руку с плеча Хармия.

Хармий посмотрел на него своими большими глазами и кивнул головой.

— Я как раз пришел сюда, чтобы поговорить об этом. Ты хочешь работать на дедушку?

На лице Хармия засияла улыбка.

— Очень хочу! Вы об этом разговаривали с дедушкой вчера утром, когда я зашел в мастерскую? — его улыбка угасла. — Но... мне придется жить в Иерусалиме, — неохотно добавил он.

Теперь Хармий не был уверен, хочет ли он жить вдали от дома.

— Да, ты будешь жить в Иерусалиме. Думаю, я нашел бы для тебя работу в Хевроне, но я спросил у дедушки, можно ли тебе пожить здесь и, некоторое время работая на него, ходить в школу при храме.

— В школу! В Иерусалиме! Я совсем забыл о школе! Это даже лучше, чем работать у дедушки. Нельзя упускать такую возможность. Теперь я знаю, почему ты думал, что я разочаруюсь, если твой план не удастся, — смеясь, признался Хармий.

— Многое зависело от тебя, — продолжал между тем отец. — Прежде, чем что-то планировать, мне хотелось убедиться, что ты справишься с новыми обстоятельствами достойным образом. Дедушка по возможности будет помогать, но тебе потребуются смелость и мудрость, чтобы прислушиваться к хорошим советам.

Теперь Хармий думал о своей ответственности, возложенной на него отцом в прошлом году, совсем иначе. Как он радовался, что не спросил Дана, нужен ли ему слуга!

— Относительно твоего вопроса. Да, именно это мы обсуждали, но тогда я не хотел говорить тебе об этом, потому что мне надо было поговорить с раввином, который теперь будет твоим учителем. Я поговорил с ним сегодня утром, когда мы пошли в храм для поклонения. Он считает, что ты сможешь стать одним из учеников в его классе.

— И мне никогда не придется работать на Тира? — прямо спросил Хармий.

— Да, тебе не придется работать на него, кроме тех случаев, когда нужно будет помочь ему, как это делают все соседи в Хевроне. Когда тебе исполнится пятнадцать лет, я хочу сделать пристройку к дому, чтобы у нас была еще одна комната, в которой можно будет поставить еще

один ткацкий станок, на котором ты научишься ткать.

— Хорошо, — радостно воскликнул Хармий, — а Тир всегда был таким грубым? Он относится к своему ослу, как к лучшему другу, а людям чаще всего грубит.

Папа поставил ногу на парапет.

— Он был человеком покладистым, пока у него не умерли жена и двое его сыновей. Это случилось более двадцати лет назад. Ему кажется, что Бог несправедлив по отношению к нему. С тех пор с ним трудно находить общий язык. Мне кажется, что он до сих пор жалеет себя.

Хармий в это время думал, насколько сильно Дан отличается от Тира. Вне сомнения, теперь он знал, на кого ему хотелось быть похожим!

— А у Дана тоже умерла жена? — спросил он.

— Нет, он никогда не был женат.

— А почему? Из-за того, что хромает?

— Вряд ли в этом причина. Я никогда не спрашивал его об этом. Это не наше дело.

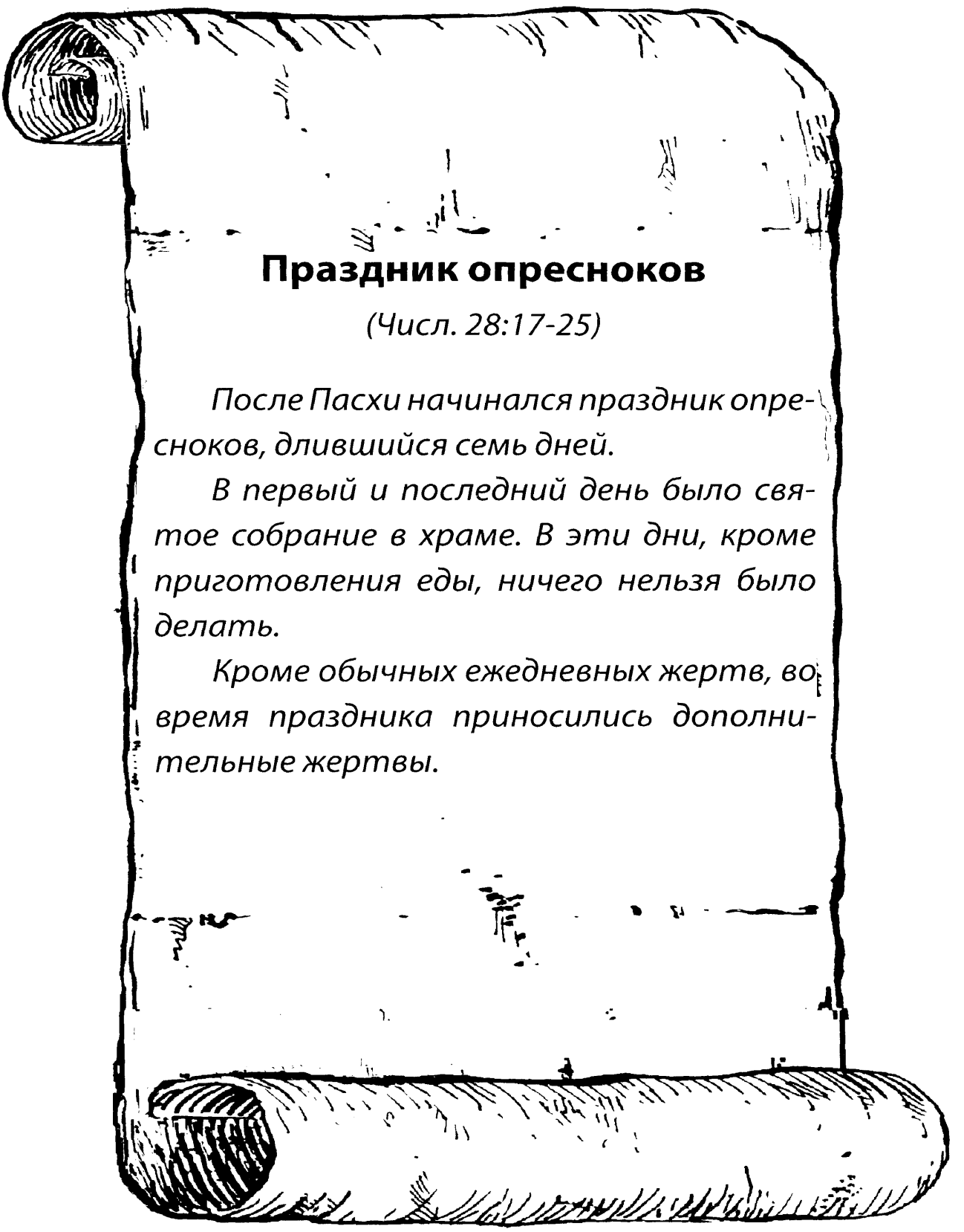
Хармий окончательно перестал бояться Тира. Он решил поступать так, как его родители: при любой возможности помогать ему.

— А кто будет работать на Тира? — спросил он с искренним сочувствием.

— Наверное, наймет кого-нибудь, как он всегда это делает. На рынке много молодых людей, которые ищут работу. Перед тем, как присоединиться к остальным, я хочу сказать, что в следующий раз, когда мы будем отмечать праздник кущей, ты останешься в Иерусалиме. А когда мы в очередной раз придем праздновать Пасху, ты вернешься домой.

— А кто будет помогать тебе пахать землю, сеять, собирать урожай смокв и обрезать виноград? — спросил Хармий.

— Орна. Он рад любой работе. Я думаю, что одну



Праздник опресноков

(Числ. 28:17-25)

После Пасхи начинался праздник опресноков, длившийся семь дней.

В первый и последний день было святое собрание в храме. В эти дни, кроме приготовления еды, ничего нельзя было делать.

Кроме обычных ежедневных жертв, во время праздника приносились дополнительные жертвы.

зиму мы обойдемся без тебя. Но мы будем очень рады, когда весной ты вернешься домой.

— И я тоже буду рад вернуться домой

Спустившись во двор, Хармий увидел у костра Кенана, Бенони, Ребу и Авия. Как хорошо погреться у огня в такую прохладную ночь! Благодаря миру в душе, Хармий наслаждался спокойным вечером, потрескиванием костра и запахом жареного мяса ягненка. Дедушка время от времени переворачивал мясо, чтобы оно жарилось равномерно. Хармию казалось, что никакой другой приготовленный ягненок не имел такого приятного запаха.

Когда мясо отошло от костей, дедушка вместе с отцом сняли ягненка. Они положили его на большое блюдо, которое принес в дом дядя Халев. Все помыли руки и расселись на ковре вокруг низкого столика, во главе которого сидел дедушка. Ужин начался позже обычного.

— А почему мы празднуем Пасху? — спросил Авий. — Почему едим жареного ягненка, пресный хлеб и горькие травы*?

— Когда мы кушаем пасхальную еду, мы вспоминаем о том времени, когда Бог освободил наших праотцов от египетского рабства, — объяснил дедушка.

Он начал рассказывать историю израильского народа, начав с Фары, отца Авраама, и заканчивая тем временем, когда Бог дал Израилю Закон.

— Агнец — это напоминание о том, как Бог пощадил семьи наших отцов и дедов в Египте, когда прошел мимо домов, косяки дверей которых были помазаны кровью, — продолжал он свое объяснение. — Пресный хлеб напоминает нам о поспешном исходе из Египта, а горькие травы ассоциируются с горькой жизнью наших отцов и дедов в рабстве.

---

* Эти вопросы задавали и обсуждали по обычаю пасхальной вечери.

Потом все вместе спели два псалма*. Сердце Хармия было переполнено радостью, когда он пел: «Хвалите имя Господне... Да будет имя Господне благословенно отныне и вовек!».

Дедушка начал молиться: «Благословен Ты, Иегова, Бог наш, Царь Вселенной, избавивший нас, наших отцов и дедов от египетского рабства!».

Затем все ели горькие травы, пресный хлеб, жареного ягненка и пили виноградное вино.

Радостный праздник закончился молитвой и пением псалмов. Пели допоздна. Во время пения Авий, уронив голову на стол, уснул. Хармий же бодрствовал до окончания последнего псалма.

Дядя Халев помог дедушке сжечь остатки пасхального ужина.

Папа отнес Авия в горницу, а сонный Хармий тихо и медленно пошел за ними. В его голове звучали слова последнего псалма: «Славьте Бога небес, ибо вовек милость Его!».

«Я самый счастливый мальчик в Иерусалиме», — подумал он, укрываясь халатом.

---

* Во время празднования Пасхи пели Псалмы 112-117 и 135. Сегодня они известны, как «халлель».

Совершенная жертва.

Как Бог исполнил Свое обещание, когда вывел израильский народ из Египта, так Он исполнил его, когда послал Мессию — Спасителя мира.

«И сказал им [пастухам] ангел: не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь» (Лк. 2:10, 11).

Все ветхозаветные жертвоприношения предвещали Совершенную Жертву. *«...без пролития крови не бывает прощения… Так и Христос, однажды принеся Себя в жертву, чтобы подъять грехи многих, во второй раз явится не для очищения греха, а для ожидающих Его во спасение»* (Евр. 9:22, 28; см. Евр. 9:19-28).

Все племена земли воистину благословлены через Авраама, потому что его потомком был Иисус.

Пресный хлеб

(опресноки)

1 стакан муки из цельного зерна

⅓ стакана воды

Смешать: ¾ стакана муки с водой в небольшой емкости, чтобы получилось тесто. Оставшуюся ¼ стакана муки во время замешивания сыпать на тесто, чтобы оно не прилипало к стенкам емкости.

Противень смазать растительным маслом.

Разделить тесто на шесть шариков и раскатать их наподобие тонких лепешек. Выпекать 10 минут при температуре 260°.

Подавать горячими.

Примечание: рецепт взят из книги, в которой автор описывает рецепты в библейские времена.

Содержание

Глава 1. Ты разве не купил ослика? 9
Глава 2. Секрет Бенони 21
Глава 3. Вопрос Хармия 34
Глава 4. Хармий в Иерусалиме 46
Глава 5. Праздник седмиц 54
Глава 6. Жатва пшеницы 62
Глава 7. Гончар Тир 74
Глава 8. Сбор винограда. 80
Глава 9. Тир ищет слугу 91
Глава 10. Караван идет 99
Глава 11. Хармий платит за иглу 108
Глава 12. Праздник кущей. 118
Глава 13. Вспашка и сев 130
Глава 14. Хармий шьет сумку 139
Глава 15. Рынок в Иерусалиме 147
Глава 16. Пасха 160